



**JOHN
WYNDHAM**

AUTHOR OF THE DAY OF THE TRIFFIDS

**TROUBLE WITH
LICHEN**

**Джон Паркс Лукас
Бейнон Харрис Уиндем
Во всем виноват лишайник**

OCR: HarryFan<http://www.fenzin.org>

*Миры Джона Уиндема. Зов пространства. Во всем виноват
лишайник: Полярис; Рига; 1995
ISBN 5-88132-251-7*

Аннотация

«Во всем виноват лишайник» рассматривает проблемы, которые ставит перед человечеством случайное получение вещества, дающего бессмертие. Бессмертие всегда манило людей своей призрачной недостижимостью. Но когда оно рядом, оказывается, что овладеть им не так просто.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	35
ГЛАВА 3	48
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	77
ГЛАВА 4	77
ГЛАВА 5	100
ГЛАВА 6	123
ГЛАВА 7	153
ГЛАВА 8	172
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	200
ГЛАВА 9	200
ГЛАВА 10	220
ГЛАВА 11	228
ГЛАВА 12	255
ГЛАВА 13	284
ГЛАВА 14	294
ГЛАВА 15	321

Джон Уиндем

Во всем виноват лишайник

Прощание получилось великолепным.

Похожие на печальных ангелов хористки в белоснежных одеяниях, с золотыми нитями в волосах, пели так сладостно...

Церемония закончилась, и в переполненной часовне воцарилась напряженная тишина, а в душном, тяжелом воздухе медленными волнами плыл аромат тысяч цветов.

Гроб украшали сложенные в пирамиды венки. По его углам застыл почетный караул в классических одеяниях из пурпурного шелка, расшитого блистающими золотыми шнурами, склоненные головы покрывали золотые сеточки, в руках девушки держали позолоченные пальмовые ветви.

Епископ бесшумно поднялся по низенькой лесенке и подошел к кафедре. Положил перед собой раскрытую книгу, немного помолчал, а потом поднял глаза.

– ...Наша возлюбленная сестра Диана... незавершенная работа, которую ей теперь так и не придется закончить... ирония судьбы – не самые подходящие слова – ведь речь идет о воле нашего Господа... Он

дает; Он берет... если Он забирает оливковое дерево, которое дал нам, еще до того, как оно начало плодоносить, значит, мы должны принять Его волю... Сосуд Его вдохновения... Преданность целям... Стойкость... Изменение в самом ходе человеческой истории... Тепло Твоего слуги... Диана...

Глаза сотен женщин – мужчин здесь почти не было – обратились к гробу, который начал медленно опускаться. Тщательно уложенные цветы посыпались на ковер. Полились тихие, торжественные звуки органа, и воздух вновь наполнился печальным пением. А через несколько мгновений гроб окончательно скрылся из глаз. Негромкие всхлипывания, маленькие белые платочки...

Когда Стефани с Ричардом выходили из церкви, толпа оттеснила их в сторону, но, обернувшись, она заметила отца в нескольких ярдах позади. Среди окружающих его женщин он казался выше, чем был на самом деле. Красивое лицо не выдавало никаких чувств – он выглядел усталым, словно происходящее не имело к нему ни малейшего отношения.

Снаружи, у церкви, собралась огромная толпа – те, кому не хватило места внутри. Почти все лица были мокрыми от слез. По обе стороны от двери землю устилали цветы, так что люди, выходящие из церкви, шли словно по пестрому благоухающему ковру. Кто-то в толпе держал длинный шест с большим *sux ansata**

целиком сделанным из белых лилий, которые придер-живала широкая черная шелковая лента.

Стефани и Ричард выбрались из потока устремившихся от церкви людей и остановились. И хотя в глазах девушки стояли слезы, она грустно улыбнулась.

– Бедная, милая Диана, – сказала Стефани. – Ты только представь себе, как бы все это ее позабавило.

Потом она достала платочек, приложила его к глазам и уже совсем другим, деловым тоном заявила:

– Пошли. Нужно найти папу и увести его отсюда.

Похороны, надо сказать, получились просто замечательные.

«Ньюс-Рекорд» писала:

"...Женщины из всех слоев общества, из каждого уголка Британии собрались сегодня, чтобы отдать последний долг мисс Диане Брекли. Вскоре после рассвета к тем, кто всю ночь провел перед воротами кладбища, присоединились многие тысячи скорбящих.

Когда наконец долгое бдение закончилось и появилась медленно движущаяся, утопающая в цветах процессия, люди бросились вперед, но их остановили плотные кордоны полиции, и тогда под колеса траурного кортежа полетели цветы. Он медленно продвигался вперед, по щекам скор* Буквально – крест, снабженный ручками. Символ вечности у древних египтян (лат.). бящих женщин текли слезы, над рядами собравшихся пронесли стенания.

С похорон Эмили Дэвисон, Лондон не выдывал подобных почестей, которые женщины оказывали бы женщине"

А потом, поскольку «Ньюс-Рекорд» всегда беспокоилась о том, чтобы ее читатели понимали написанное для них, были сделаны сноски:

1 Стенания – плач или горестные стоны.

2 Похороны Эмили Уилдинг Дэвисон состоялись 14 июня 1913 года. Дэвисон была представительницей женского движения за равноправие и умерла в результате травм, полученных после того, как она бросилась под копыта королевского скакуна во время дерби 4 июня того же года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Из зала все вынесли. Кто-то украсил стены мрачного вида ветками вечнозеленых растений. Кто-то другой, вероятно, решил, что мишура немного поднимет настроение. Столы у стены, словно длинная, застеленная белой скатертью стойка бара, были уставлены тарелками с бутербродами, разноцветными пирожными, пирожками с сосисками, кувшинами с лимонным и апельсиновым соком, вазами с цветами и кофейниками. Сама же комната напоминала ожившую палитру. Издалека казалось, что целая стая скворцов распевает свои вечерние песни.

В колледже святого Меррина праздновали окончание семестра.

Мисс Бенбоу, преподавательница математики, слушая скучный рассказ Авроры Трегг о непревзойденных умственных способностях ее щенка, не спеша оглядывала комнату, мысленно составляя список тех, с кем обязательно следует поговорить сегодня вечером. В дальнем конце комнаты она заметила Диану Брекли, которая на несколько мгновений осталась одна. Диана,

несомненно, была среди тех, кто заслуживал похвалы и самых теплых поздравлений, поэтому, воспользовавшись короткой паузой в восторженном повествовании Авроры, мисс Бенбоу похвалила сообразительного щенка, пожелала ему всего самого наилучшего в будущем и поспешно ретировалась.

Проходя по комнате, она неожиданно взглянула на Диану глазами постороннего человека школьница превратилась в прелестную девушку. Возможно, дело в том, как она одета. Простое голубое платье, казалось, ничем не выделяется среди остальных, но если рассмотреть его повнимательнее, совсем недорогое – мисс Бенбоу знала это совершенно точно – и все же в нем есть стиль. Диана всегда одевалась со вкусом, а еще обладала качеством, благодаря которому вещь стоимостью в три гиней казалась дорогой. Мисс Бенбоу улыбнулась, отметив, что, пожалуй, этот редкий дар достоин уважения. Неожиданно она подумала, что внешность является одним из талантов Дианы. Впрочем, ее нельзя, собственно, назвать хорошенькой. Хорошенькие девушки прелестны, как цветы в мае, но весной их такое множество! Ни один человек, владеющий чувством языка, не назвал бы Диану хорошенькой...

Восемнадцать – всего восемнадцать – было тогда Диане. Довольно высокая – пять футов и десять дюймов – стройная и хрупкая. Темно-каштановые волосы

с легким красноватым оттенком. Линии лба и носа не в чистом виде греческие, но их так и хотелось назвать классическими. Едва заметно подкрашенные губы – все-таки она пришла на вечеринку – выгодно выделяли их обладательницу среди множества пурпурных бутонов. Рот сам по себе ничего не обещал постороннему наблюдателю, однако при случае волшебю улыбался, не слишком часто, впрочем. А стоило вам подойти к Диане поближе, как вы окунались в ее чудесные серые глаза, оторваться от которых было почти невозможно. Они смотрели на вас и оценивали, поражая своей спокойной уверенностью. Поскольку обычно мисс Бенбоу обращала внимание на способности девушки, а не на ее внешность, она с некоторым удивлением вдруг поняла, что Диана стала настоящей «красавицей», как было принято говорить во времена молодости ее родителей.

Эта мысль вызвала приятные чувства – в школах вроде колледжа святого Меррина не только ставили своей целью дать ребенку хорошее образование; здесь старались получше подготовить девушек к вступлению во взрослую жизнь – а у красивого, привлекательного человека всегда больше шансов выжить в суровых джунглях современного общества, где ты нередко оказываешься в окружении совершенно невежественных особей.

Всякие болваны предлагают дурацкую работу, выют-

ся, словно бабочки с радужными крыльями из банкнот, стараются завлечь, в воздухе витают самые разные соблазны, клейкая паутина раннего замужества пытается заманить в свои сети, мамы с куриными мозгами неожиданно выскакивают из кустов, а близорукие папы неуверенно бредут по тропе жизни; прямоугольные мерцающие глаза гипнотически горят в темноте, тамтамы выбивают безумный ритм и, перекрывая гвалт, кричат пересмешники: «Какое это имеет значение, пока она счастлива?.. Какое это имеет значение?.. Какое это имеет?..»

Поэтому вы, естественно, будете испытывать некоторую гордость, наблюдая за теми, коим помогли преодолеть все эти опасности.

Однако мисс Бенбоу была вынуждена напомнить себе, что Диана не особенно нуждалась в подобной помощи. Жизненные бури не слишком ее тревожили. С полнейшим равнодушием наблюдала Диана за различного рода искушениями, словно ей и в голову не приходило, что они могли быть направлены на нее. Девушка вела себя как образованный путешественник, попавший в интересную страну. Возможно, конечная цель еще не совсем понятна, но она, несомненно, находится где-то впереди, а то, что кого-то привлекают остановки в маленьких придорожных городках, вызывает удивление, да и только.

Можно радоваться, что Диана многого добилась, но

ставить это себе в заслугу вряд ли будет правильно. Девушка напряженно трудилась и заслужила успех. Единственное, о чем можно пожалеть – впрочем, наверное, это неправильно, учитывая, с какими инертными и равнодушными детьми приходится иметь дело – можно пожалеть, что у нее... ну, уж слишком яркая индивидуальность, что ли?..

К этому моменту мисс Бенбоу добралась до середины зала, и Диана заметила ее приближение.

– Добрый вечер, мисс Бенбоу.

– Добрый вечер, Диана. Я хочу тебя поздравить. Это замечательно, просто замечательно. Конечно, никто из нас и не сомневался – более того, мы были бы ужасно разочарованы, если бы обстоятельства сложились иначе. Однако такой полный успех – я даже боялась надеяться.

– Огромное вам спасибо, мисс Бенбоу. Но дело тут не во мне. Я хотела сказать, что без всех вас я бы не смогла ничего добиться. Ведь вы говорили мне, что нужно делать, не так ли?

– Ну, именно для того мы здесь и находимся, но и мы у тебя в долгу, Диана. Даже в нынешние времена стипендия, которую ты получила, делает нашей школе честь – а результаты, которые ты показала, едва ли не самые лучшие за все годы существования колледжа святого Меррина. Я полагаю, тебе это известно.

– Мисс Фортиндайл была очень довольна.

– Ну, это еще мягко сказано. Она просто в восторге. Как и все мы.

– Благодарю вас, мисс Бенбоу.

– И, конечно, родители тоже восхищены твоими успехами.

– Да, – с некоторым сомнением согласилась Диана. – Папа рад. Ему нравится, что я буду учиться в Кембридже, потому что он сам мечтал об этом. Если бы я не получила стипендию, на это нельзя было и надеяться, мне пришлось бы поступить, – тут она вспомнила, что мисс Бенбоу заканчивала лондонский университет, и в последний момент успела поправиться: – в какой-нибудь «кирпичный университет»*.

– В некоторых «кирпичных» очень даже неплохо учат, – заметила мисс Бенбоу с легким укором.

– О да, конечно. Просто когда ты уже что-то решила, любой другой вариант кажется неудачей. Вы понимаете, что я имею в виду?

Мисс Бенбоу не захотела вступать в дискуссию на эту тему.

– А что думает твоя мама? Она тоже должна тобой гордиться.

Диана посмотрела на мисс Бенбоу своими серыми глазами, которые, казалось, видели дальше и больше, чем глаза большинства других людей.

– Да, – ответила девушка равнодушно, – именно так она к этому и относится.

Мисс Бенбоу слегка приподняла брови.

– Я хотела сказать, что она, наверное, ужасно гордится моими успехами, – пояснила Диана.

– Но все так и есть, – запротестовала мисс Бенбоу.

– Она пытается. Мама и в самом деле вела себя очень мило, – сказала Диана, еще раз взглянув на мисс Бенбоу. – Только я никак не могу взять в толк, почему матери продолжают считать, что быть красивой, чтобы мужчины просто умирали от желания затащить тебя к себе в постель, гораздо важнее и достойнее, и что умной при этом быть совершенно не обязательно? По моему, правильнее было бы как раз наоборот. * То есть сложенный из кирпича, а не из камня, как три самых известных английских университета – оксфордский, кембриджский и лондонский.

Мисс Бенбоу заморгала. Разговор с Дианой принимал неприятный оборот. Впрочем, есть ли у нее право пасовать перед трудностями?

– Я думаю, – серьезно проговорила она, – что следует заменить слово «достойнее» на слово «естественнее». Ведь мир «умников» для большинства матерей является таинственной книгой за семью печатями, они чувствуют себя в нем весьма неуверенно; зато большинство женщин, и это вполне понятно, считают, что являются крупными специалистами в другой области, что они прекрасно все понимают и могут оказать бесценную помощь своим дочерям.

Диана задумалась.

– И все же слова «достойно» и «прилично» все равно каким-то образом возникают – хотя я и не очень понимаю почему, – проговорила девушка, слегка нахмурившись.

Мисс Бенбоу чуть покачала головой:

– Тебе не кажется, что ты смешиваешь два совершенно разных понятия: приличия и конформизм? Родители, естественно, хотят, чтобы дети жили по понятным им правилам и законам. – Она поколебалась несколько мгновений, потом заговорила снова: – Тебе никогда не приходило в голову, что, когда дочь домохозяйки решает сделать карьеру, она тем самым подвергает критике жизненные принципы матери? Она словно говорит: «Та жизнь, что была вполне подходящей для тебя, мамочка, совершенно не годится для меня». Знаешь, матерям, как, впрочем, и всем остальным людям, такие идеи не очень-то по душе.

– Я никогда не думала об этой проблеме с такой точки зрения, – задумчиво призналась Диана. – Значит, получается так: в глубине души матери не перестают надеяться, что их дочери, решив сделать карьеру, потерпят неудачу и таким образом предоставят им еще одно доказательство извечной правоты старшего поколения?

– По-моему, это уж слишком прямолинейно, ты со мной не согласна?

– Но... ведь получается именно так, разве нет, мисс Бенбоу?

– Думаю, нам следует переменить тему разговора, Диана. Где ты собираешься провести каникулы?

– В Германии, – ответила Диана. – По правде говоря, гораздо больше я хотела бы побывать во Франции, но Германия гораздо полезнее.

Они еще немного поговорили о каникулах, а потом мисс Бенбоу снова поздравила Диану и пожелала ей успехов в университетской жизни.

– Я ужасно благодарна за все. И так рада, что вы мной довольны, – сказала ей Диана. – Вот что представляется мне ужасно забавным, – задумчиво продолжала она, – мне кажется, любая девушка способна стать желанной кандидаткой в жены, стоит ей только использовать свои мозги по назначению, даже если у нее их не так и много. Поэтому я никак не возьму в толк...

Однако мисс Бенбоу не дала ей снова втянуть себя в дискуссию.

– О, – воскликнула она, – вот и мисс Таплоу! Не сомневаюсь, что она просто сгорает от желания поговорить с тобой. Идите сюда.

Ей очень ловко удалось скользнуть в сторону, и в тот момент, когда мисс Таплоу начала довольно скучным голосом поздравлять Диану, мисс Бенбоу развернулась – и тут же оказалась лицом к лицу с Брендой Уоткинс. Пока она поздравляла Бренду, на пальчике

которой красовалось совсем маленькое и совсем новенькое колечко, знаменующее помолвку и являющееся гораздо более значительной ценностью, чем все стипендии во всех университетах мира, она услышала голос Дианы у себя за спиной:

– Ну, быть просто женщиной и больше ничем кажется мне совершенно бессмысленным и бесперспективным занятием, мисс Таплоу. Я хочу сказать, что рассчитывать на повышение по службе тут ведь не приходится, не так ли? Если только ты не станешь содержанкой или чем-нибудь в таком же роде...

– Никак не могу понять, в кого она такая, – удивленно проговорила миссис Бреккли.

– Ну, уж не в меня, это точно, – объявил ее муж. – Знаешь, мне иногда даже хотелось, чтобы в нашей семье нашелся кто-нибудь с настоящими мозгами, но насколько я знаю, таких родственников у меня не было. Впрочем, не очень понимаю, какое значение имеет то, откуда в ней это взялось.

– Я не имела в виду ее способности. Отец должен был неплохо соображать, иначе он никогда не добился бы успеха в своем бизнесе. Нет, дело в... ну, наверное, это можно назвать независимостью... Она постоянно задает самые разнообразные вопросы. Ее интересуют темы, о которых нет никакой необходимости спрашивать.

– При этом она находит на свои вопросы такие за-

бавные ответы – судя по тому, что мне иногда удается от нее услышать, – добавил мистер Брекли.

– Она какая-то беспокойная, – настаивала на своем Мальвина Брекли. – Конечно, молоденькие девушки становятся беспокойными – это совершенно естественно и этому не следует удивляться, – но я хочу сказать, что тут все как-то не так.

– Никаких молодых людей, – проворчал ее муж. – Знаешь, дорогая, не стоит жалеть об отсутствии неприятностей – еще накликаешь беду.

– Но ведь это же было бы только нормально. Такая хорошенькая девушка, как Диана...

– Она могла бы иметь кучу поклонников, если бы захотела. Научилась бы хихикать – а вместо этого говорит парням вещи, от которых те впадают в панику.

– Диана не задавака, Гарольд.

– Конечно, нет, мне это прекрасно известно. Но все находят ее именно такой. Мы живем в районе, где принято считаться с условностями. Существует три типа девиц: «веселые», хохотушки и задаваки, других просто нет. Ужасно противно жить в таком вульгарном районе; вряд ли ты бы хотела, чтобы Диана влюбилась в какого-нибудь местного кретина?

– Нет, естественно, нет. Только...

– Да знаю я! Это было бы гораздо более нормально. Дорогая, когда мы последний раз разговаривали с мисс Паттисон в школе, где учится Диана, она предсказала,

что девочку ждет блестящее будущее. Она так и заявила: «блестящее будущее», а это уже само по себе не может быть нормальным. Знаешь, полного счастья не бывает, нельзя получить и то и другое одновременно.

– Мне кажется, гораздо важнее быть счастливой, чем выдающейся.

– Дорогая, не хочешь ли ты сказать, что все те, кого ты называешь нормальными людьми, счастливы? Ну и предположение! Посмотри-ка по сторонам... Нет, надо благодарить судьбу за то, что девочка не втрескалась ни в одного из тех балбесов, что населяют нашу округу. Тут уж о блестящем будущем пришлось бы забыть; впрочем, балбесу тоже не поздоровилось бы, в этом я не сомневаюсь. Не волнуйся. У нее будет все в порядке. Ей нужно только хорошенько развернуться.

– Ну да, конечно, у моей матери была младшая сестра, тетя Анни, – задумчиво проговорила миссис Брекли. – Она была не совсем обычной особой.

– Да? А что с ней было не так?

– В 1912 году – или в 1913 – ее посадили в тюрьму за то, что она устроила фейерверк на Пиккадилли.

– Господи Боже мой, зачем?

– Она бросила несколько хлопушек под ноги лошадям и устроила такой переполох, что возникла грандиозная пробка – от Бонд-стрит до Свои и Эдгаре, а затем она забралась на крышу автобуса и принялась вопить: «Женщинам право голоса!» и скандалила до тех

пор, пока ее оттуда не сняли. Она получила месяц. А семья чувствовала себя по-настоящему опозоренной.

Вскоре после этого тетя Анни швырнула в окно кирпич, когда проходила по Оксфорд-стрит, и ее посадили уже на два месяца. Она не слишком хорошо себя чувствовала, когда ее выпустили на свободу, поскольку в тюрьме объявила голодовку, так что моей бабушке пришлось вывезти ее на природу. Однако тетя Анни умудрилась вернуться в Лондон и швырнуть бутылочку с чернилами в мистера Бельфура, так что ее снова арестовали – в тот раз она чуть не спалила целое крыло тюрьмы Холлоуэй.

– Предприимчивая женщина, эта твоя тетушка. Но я не совсем понимаю...

– Ну, она не была нормальной. Так что Диана могла унаследовать свои странности по моей материнской линии.

– Нет, я не совсем понимаю, что именно могла Диана унаследовать от своей агрессивной тетушки, и, открываясь говоря, моя дорогая, меня абсолютно не волнует, откуда это взялось. Важно одно – она наша дочь. И я считаю, что у нас получился очень неплохой, хотя и несколько неожиданный, результат.

– Кто же спорит, дорогой. У нас есть все основания гордиться ею. Вот только, Гарольд, всегда ли блестящая жизнь оказывается к тому же самой счастливой?

– Понятия не имею. Ты и я знаем – во всяком случае

я знаю – что можно быть счастливым, не обладая выдающимися способностями, а как себя чувствует человек одаренный и что ему требуется, чтобы быть счастливым, – даже не представляю. Однако мне хорошо известно, что это может сделать счастливыми других. Например, меня – и причины тут чисто эгоистические. С тех пор как Диана была еще совсем маленькой девочкой, меня мучила мысль, что я не смогу послать ее учиться в первоклассную школу – о, я знаю, в колледже святого Меррина хорошие учителя, Диана это доказала, но я про другое. Когда твой отец умер, я предполагал, что мы сможем себе позволить дать девочке приличное образование. И отправился к нашим адвокатам. Они ужасно сожалели, что вынуждены ответить мне отказом. Инструкции в завещании сформулированы предельно четко, сказали они. К деньгам нельзя притрагиваться до тех пор, пока Диане не исполнится двадцать пять лет. Более того, под них даже нельзя взять заем на ее образование.

– Ты никогда не говорил мне об этом, Гарольд.

– Я решил сначала все выяснить. Ну а когда оказалось, что деньги нельзя трогать... Знаешь, Мальвина, я считаю, что это самый отвратительный поступок, который твой отец совершил по отношению к нам. То, что он ничего не оставил тебе, – ну, это вполне в его духе. Но завещать нашей дочери сорок тысяч фунтов при условии, что она не сможет ими воспользоваться в пер-

вые, самые важные для формирования личности годы, не извлечет из них никакой пользы!.. Так что я очень рад за Диану. Она добилась для себя того, чего не сумел сделать я. И, сама того не зная, утерла старому ублюдку нос.

– Гарольд, дорогой!

– Знаю, милая, знаю. И хотя я стараюсь не думать о твоём так-его-и-так, но когда такое случается... – Гарольд замолчал.

Обвел взглядом маленькую гостиную: совсем неплохо – конечно, мебель следовало бы обновить, но в комнате достаточно уютно. Впрочем, сам маленький домик, стоящий среди множества других в бедном районе... Замкнутая жизнь... Постоянная нехватка денег, повышение жалованья никогда не поспевало за растущими ценами... Множество вещей, о которых Мальвина мечтала, но не могла получить...

– Ты по-прежнему ни о чем не жалеешь?

– Нет, дорогой. Ни о чем.

Он поднял ее на руки и подошел к креслу. Она положила голову ему на плечо.

– Ни о чем, – негромко повторила она. А потом добавила: – Я не стала бы счастливее, если бы получила стипендию

– Дорогая, все люди разные. Так или иначе, я пришел к выводу, что мы отличаемся от других. Многие ли из живущих на нашей улице могут честно сказать, вот

как ты сейчас: «Я ни о чем не жалею»?

– Наверное, такие тоже есть.

– Не думаю, что это распространенное явление. И даже если тебе ужасно хочется, чтобы у других людей все обстояло так же, как у тебя, не в твоих силах что-либо изменить. Более того, Диана не слишком на тебя похожа – да и на меня тоже. Один Бог знает, в кого она пошла. Так что нет никакого смысла переживать из-за того, что она не желает вести себя так, как вела бы себя ты на ее месте – если бы тебе удалось вспомнить, что чувствует девушка в восемнадцать лет... Блестящее будущее, говорят они. Единственное, что нам остается, – наблюдать за воплощением в жизнь этого пророчества, ну и всячески поддерживать Диану, конечно

– Гарольд, значит, она ничего не знает о деньгах?

– Диана, естественно, знает, что дед завещал ей что-то. Но она не стала спрашивать сколько. Так что мне не пришлось лгать. Я просто постарался создать впечатление, что сумма не слишком велика, скажем триста или четыреста фунтов. Так, мне казалось, будет лучше.

– Ты совершенно прав. Я постараюсь не забыть об этом, если она когда-нибудь меня спросит.

После короткого молчания Мальвина поинтересовалась:

– Гарольд, это звучит, наверное, очень глупо, но чем в действительности занимаются химики? Диана объ-

яснила мне, что химики не имеют никакого отношения к фармацевтам, мне это нравится, только я все равно не совсем поняла.

– Да и я тоже, дорогая. Наверное, нам следует еще раз спросить у Дианы. Да. Все поменялось – наступил момент, когда она рассказывает нам.

Оказалось, что родителям Дианы Брекли нет никакой необходимости пытаться понять, чем занимаются химики, поскольку уже во время первого года обучения Диана решила, что ее гораздо больше привлекает биохимия – Мальвина так и не поняла, что же это такое.

Решение было принято после прослушивания лекции на тему: «Некоторые тенденции эволюционного развития в современном мире», которая состоялась в обществе «Середина Двадцатого Столетия». Название не показалось Диане особенно интересным, для нее так и осталось загадкой, почему она туда отправилась. Это решение определило всю ее будущую жизнь.

Лекцию читал Френсис Саксовер, обладатель множества титулов, занимавший в свое время должность профессора биохимии в Кембридже, а в последние годы считавшийся интеллектуальным ренегатом. Его семья происходила из Стаффордшира, где многие поколения Саксоверов жили, ничем не выделяясь, до тех пор, пока в середине восемнадцатого столетия в семье не появился ген предпринимательства. Этот ген в сочетании с надвигающейся эпохой индустриализации

позволил Саксоверам придумать новые способы применения парового двигателя, по-иному организовать производство и, воспользовавшись преимуществами новых навигационных каналов, начать широкую торговлю со всем миром. Так родилось огромное состояние.

Последующие поколения не ударили в грязь лицом. Ничто не могло остановить Саксоверов., Они постоянно шли в ногу с прогрессом и даже начали работать с пластмассами, когда почувствовали, что спрос на посуду сильно возрос. Во второй половине двадцатого столетия семья продолжала процветать.

Однако во Френсисе ген предпринимательства принял иную форму. Он предоставил управлять производством старшим братьям, а сам решил избрать собственный путь и занять некую высокую должность. Так он, во всяком случае, думал.

Тем не менее случилось так, что здоровье Джозефа Саксовера, его отца, ухудшилось. Обнаружив это, старший Саксовер, который всегда реально смотрел на вещи, не стал терять времени зря и передал управление всеми своими делами двум старшим сыновьям. Последние восемь или девять лет жизни он посвятил хобби, которое отнимало у него все время, — Джозеф изобретал самые разнообразные способы нанесения урона ненасытному министерству финансов. Хотя определенные принципы мешали ему добиться столь же головокружительных успехов, как некоторым

из его конкурентов, деятельность Джозефа Саксовера, тем не менее, привела к тому, что правительству пришлось ввести ряд новых указов, пресекающих кое-какие махинации, -уже после его смерти. В результате отцовских маневров материальное положение Френсиса оказалось куда более прочным, чем он мог предполагать, и это его раззадорило. Вероятно, знаменитый саксоверский ген активизировался, как только почувствовал, что капитал лежит без движения. Целый год беспокойство Френсиса росло, пока наконец он не решился оставить свою должность и ринуться в битву за рынок.

С несколькими надежными помощниками он организовал свой собственный исследовательский центр и был полон решимости доказать, что вопреки общепринятому мнению открытия могут делать не только крупные компании с полувоенными нравами.

«Дарр Девелопментс» – так он назвал свою компанию, дав ей имя поместья, которое купил специально для этих целей, – существовала вот уже шесть лет. Френсису удалось продержаться, по крайней мере, на пять лет дольше, чем предсказывали все его друзья – многообещающее начало. Компания владела несколькими патентами, заинтересовавшими крупных производителей и вызвавшими зависть бывших коллег. Поэтому некоторая толика злобы присутствовала в догадках о причинах возвращения Френсиса в места

своей юности: многие говорили, что процесс обучения подрастающего поколения ученых его совершенно не занимает, просто он намерен завербовать для работы в «Дарре» новых толковых работников.

Как ни странно, потом Диана не могла вспомнить никаких подробностей лекции. Френсис заявил, причем представил это утверждение не как предположение, а как общепризнанный факт, что главной фигурой вчерашней жизни был инженер, сегодня ей является физик, а завтра главенствующее место займет биохимик. Услышав это, Диана задала себе только один вопрос: почему ей самой это не приходило в голову раньше? Ее словно посетило откровение – она впервые поняла истинное значение слова «призвание» Тем временем лекция продолжалась – во всяком случае у Дианы сложилось именно такое впечатление, хотя потом ей мало что удалось вспомнить – все слилось в некое единое понятие, ощущение призвания.

Френсису Саксоверу тогда еще не исполнилось и сорока лет. Худощавый мужчина с орлиным носом, довольно высокий – больше шести футов. Темные волосы, немного седины на висках. Не очень густые брови сильно выступают вперед, слегка затеняя глаза, которые из-за этого кажутся глубоко посаженными. Держался он весьма непринужденно, скорее вел диалог, чем читал лекцию, беспрестанно ходил вокруг кафедры, активно жестикулируя загорелыми руками с длин-

ными пальцами.

Главное, что Диана вынесла с этой лекции, – впечатление от личности самого лектора, его энтузиазма и уверенности. И еще... что она наконец нашла единственную достойную цель жизни...

Отсюда и переход на отделение биохимии.

Отсюда напряженная работа.

Отсюда отличное окончание университета.

Наступил момент выбора работы.

Диана хотела пойти в «Дарр Девелопментс». Это не вызвало особого восторга.

– Гм-м. Возможно, учитывая, ваши результаты, – вынуждена была признать ее научная руководительница. – Но Саксоверу не просто угодить. Конечно, он столько платит, что может себе позволить выбирать, однако многие говорят, что у него уж слишком часто меняется персонал. Почему бы вам не рассмотреть предложение какой-нибудь крупной фирмы? Шире возможность выбора, стабильность, может быть, не так завлекательно, зато хорошая, надежная" работа, а в конечном счете, что может быть важнее.

И все-таки Диана предпочитала «Дарр Девелопментс».

– Я бы хотела попытаться поступить именно туда, – твердо заявила она. – А если ничего не выйдет, я всегда смогу обратиться в большую компанию – насколько мне известно, такие варианты вполне возможны, а

вот наоборот – нет.

– Ну что ж, – не стала больше возражать руководительница, и на ее лице появилась улыбка. – По правде говоря, – призналась она, – в вашем возрасте я поступила бы так же. В подобных ситуациях обычно возражают родители.

– Только не в моем случае, – сказала Диана. – Если бы я была мужчиной, они, скорее всего, настаивали бы на крупной компании, но с девушками все обстоит иначе. Их серьезные интересы являются всего лишь легкомысленным прологом к тому, чтобы начать серьезно относиться к легкомысленной жизни, так что считается, что это все не имеет особого значения, понимаете?

– Понимать – слишком определенное слово для подобных рассуждений, но я представляю, что вы имеете в виду, – проговорила наставница. – Хорошо, я сообщу о вас Саксоверу. Там может быть очень интересно. Кстати, вы читали о том, что они вывели вирус, делающий стерильными мужские особи саранчи? Конечно, женские особи в течение нескольких поколений продолжают производить другие женские особи без участия самцов, однако никто не сомневается, что рано или поздно это должно каким-нибудь образом сказаться, иначе секс теряет всякий смысл, не так ли?

– Я надеюсь, ты получишь эту работу, если тебе так хочется, милая, но что такое этот «Дарр»?

– Научно-исследовательский центр. Частная компа-

ния, которая принадлежит доктору Саксоверу. Огромный дом конца восемнадцатого века, окруженный парком. Знаешь, из тех поместий, которые слишком велики для того, чтобы кто-нибудь захотел в них жить, но не представляют ни малейшего интереса для государства. Доктор Саксовер купил его почти десять лет назад. Он с семьей занимает одно крыло здания. Все остальное переделано под офисы и лаборатории. Конюшни и дома для слуг превращены в небольшие квартиры для персонала. По всей территории поместья разбросаны маленькие коттеджи. Некоторое время назад доктор Саксовер построил еще несколько лабораторий и новых домов для супружеских пар, ну и тому подобное. Это что-то вроде общины.

– Тебе придется там жить?

– Да, или где-нибудь неподалеку. Мне говорили, что там сейчас многовато народу, но если повезет, я смогу получить одну из квартир. В самом большом здании есть что-то вроде столовой для персонала, ее услугами пользуются все работники, если захотят, конечно, и, естественно, можно уезжать на выходные. Все твердят, что это чудесное место, прямо на природе. Но там требуется работать как следует, нужно интересоваться всем, что происходит в компании. Доктор Саксовер не терпит бездельников.

– Кажется, неплохое место, – сказала миссис Брекли. – Дорогая, мы совсем ничего не знаем про такие

места, я и твой отец. И никак не можем понять, что они там делают? Что производят?

– Ничего не производят, мамочка. Они разрабатывают идеи, а затем дают возможность другим пользоваться этими идеями.

– Но если это хорошие идеи, почему бы им не взять их себе?

– Работа исследователя заключается в другом. Понимаешь, «Дарр» – это не фабрика. Все происходит следующим образом... ну, например, доктору Саксоверу пришла в голову идея насчет термитов – знаешь, есть такие белые муравьи, которые поедает дома и много еще чего другого в тропиках...

– Дома, дорогая?

– Ну, то, что сделано из дерева... а потом рушится и все остальное. Так вот, доктор Саксовер и другие ученые из «Дарра» занялись этой проблемой. И выяснили, что термит, откусывая кусочек дерева и глотая его, не в состоянии переварить пищу самостоятельно – внутри его организма живет простейший паразит, который разрушает целлюлозную структуру дерева, после чего термит уже может приступать к пищеварению. Итак, ученые исследовали паразита и придумали химическое соединение, которое является для него смертельным. Оно эффективно и абсолютно безопасно для человека. Ученые ввели его термитам, те продолжали питаться деревом, но без помощи паразита

не могли его переварить, поэтому просто умирали от голода.

Ученые из «Дарра» назвали это вещество АП-91 и запатентовали его, а доктор Саксовер представил его на рассмотрение государственных химических предприятий и предположил, что в тропиках его будут очень охотно покупать. Был проведен ряд тестов, которые дали прекрасные результаты, позволившие начать производство. Теперь это вещество продается в тропиках повсюду под торговой маркой «Терморб-6», доктор Саксовер получает прибыль с каждой проданной баночки, что приносит не одну тысячу фунтов в год, а ведь это всего один из множества его патентов. Так они и работают.

– Белые муравьи. Какой кошмар! – возмутилась миссис Брекли. – Лично я не хотела бы работать с белыми муравьями.

– Ну, это лишь один из проектов, мамочка. Они одновременно занимаются целой кучей самых разнообразных проблем.

– Слушай, а народу там много?

– Ну, не знаю сколько, думаю, человек шестьдесят.

– И девушки?

– Да, мамочка. С приличиями там все в порядке. Мне говорили, что процент заключенных в «Дарре» браков очень высок. Только вот не знаю, хорошо ли это с твоей точки зрения. Впрочем, можешь не беспокоиться, в

мои намерения не входит в ближайшее время присоединиться к большинству.

– Дорогая, обычно это выражение употребляется для того...

– Я знаю, мамочка. Знаю... ой, ты же еще не видела мое новое платье, я купила его для собеседования. Пойдем, покажу

ГЛАВА 2

Диана так никогда и не узнала, что новое платье чуть не стоило ей желаемой работы. Нет, с ним все было в порядке – в полном порядке. Оно было сшито из тонкой шерсти мягкого зеленого цвета, который так шел к ее каштановым волосам, и, как и все, что носила Диана, казалось немного дороже своей настоящей цены. Но, несмотря на то что молодые ученые в отличие от представителей мира искусства, не носят никакой специальной одежды, выделяющей их среди простых смертных, они, тем не менее, имеют тенденцию принадлежать к двум основным типам: те, кто носят не очень хорошо скроенную аккуратно-приличную одежду, и те, кто вообще не считают нужным обращать внимание на такие пустяки. Диана, вне всякого сомнения, не относилась ни к тому, ни к другому типу. Ее внешний вид вызвал у Френсиса Саксовера опасения.

Его вполне удовлетворили характеристики Дианы, ее оценки и рекомендации говорили сами за себя, да и письмо, которое девушка написала руководителю «Дарр Девелопментс», произвело на него благоприятное впечатление. Вполне можно было бы сказать, что все обстоятельства складывались в пользу Дианы, пока она не предстала перед Френсисом Саксовером

собственной персоной – вот тогда-то в его сознании и загорелся тревожный сигнал.

Потому что за десять лет управления «Дарр Девелопментс» Френсис Саксовер научился быть даже немного слишком осторожным. Намереваясь стать – и добившись в этом успеха – вдохновителем и разумным руководителем удачного предприятия, Френсис не предполагал, что судьба уготовила ему роль патриарха, возглавляющего некую общину, созданную его собственными стараниями. Так что он рассматривал кандидатов, оценивая их сразу с нескольких сторон. Как раз сейчас патриарх с сомнением поглядывал на симпатичную и со вкусом одетую мисс Брекли.

Она выглядела так, что вполне могла стать причиной возникновения одной из тех ситуаций, которые уже не раз заставляли Френсиса обращаться к жене Кэролайн с предложением заменить слово «Девелопментс» в названии их предприятия на «Лагерь отдыха, или место, где утешаются одинокие сердца».

Сама Диана никак не могла понять, почему после целого ряда благоприятных предзнаменований и весьма многообещающего начала она стала опасаться за исход собеседования. Конечно же, причина колебаний Френсиса Саксовера была бы ей ясна, если бы она смогла хотя бы краешком глаза заглянуть в сознание своего возможного начальника – там проносились воспоминания о нескольких инцидентах, произо-

шедших за десятилетнюю историю мирного существования «Дарра».

Вот, например, волоокая и страстная мисс Трегарвен. Она была способным биологом, но, к сожалению, обладала одним недостатком – главным украшением ее комнаты* были крошечные фарфоровые сердечки, которые она, одно за другим, разбивала специальным церемониальным молотком, когда, по ее мнению, обстоятельства складывались благоприятным образом для увеличения счета. Или мисс Блю, похожее на хорошенькую куколку существо, являвшееся юным химическим гением. Ее удивительные глаза излучали ангельскую невинность (что было абсолютным обманом, естественно) и рождали в особях противоположного пола рыцарские замашки сэра Галахада. Охватившее всех, словно эпидемия, желание помогать мисс Блю привело в конце концов к дуэли – химик и биолог, абсолютно ничего не сведущие в этих делах, встретились ранним росистым утром на поляне у опушки леса, в результате чего химик прострелил биологу левую руку. Тот ужасно рассвирепел от такого поворота событий и, бросив оружие, решил разобраться с химиком при помощи честного кулачного боя. А мисс Блю, которая, одевшись весьма легкомысленно, потихоньку выбралась из теплой постели и отправилась понаблюдать из каких-нибудь кустов за тем, как будут развиваться события, подхватила ужасающую простуду.

Или вот еще мисс Котч. Она просто виртуозно разбиралась в аминокислотах, зато абсолютно не справлялась со своими собственными проблемами, поскольку обладала чересчур нежным сердечком. Мисс Котч настолько боялась задеть чьи-либо чувства, что каким-то образом умудрилась тайно согласиться выйти замуж сразу за троих молодых людей, являвшихся ее коллегами, а затем, не в состоянии найти выход из безвыходного положения, посчитала, что ей остается только бегство. Она исчезла, оставив у себя за спиной полнейшую эмоциональную неразбериху, впрочем, и в ее рабочих делах царил совершеннейший беспорядок.

Учитывая этот опыт и некоторые похожие инциденты, сомнения Френсиса были вполне понятны и объяснимы. С другой стороны, в пользу Дианы говорило то, что она держалась совершенно спокойно, рассчитывая только на свои собственные силы и не делая ни малейших попыток очаровать Френсиса, чтобы получить работу. Стараясь быть справедливым, Френсис решил, что этот случай требует консультации – а так как именно Кэролайн приходилось время от времени заниматься эмоциональными травмами, являвшимися результатом нарушения размеренного течения жизни «Дарра», он обратился за помощью к ней. Поэтому вместо того, чтобы представить Диану будущим коллегам во время обеда в общей столовой – как Френсис собирался сделать сначала – он решил пригласить де-

вущку на ленч в кругу своей семьи.

Во время ленча его опасения несколько уменьшились. Диана легко и разумно отвечала на вопросы хозяев, поделилась с Полом, которому недавно исполнилось двенадцать лет, своими соображениями по поводу сроков предстоящей успешной экспедиции на Марс; сделала все, что было в ее силах, чтобы вытянуть несколько слов из Стефани, рассматривавшей гостью широко раскрытыми глазами, в которых застыло почти благоговейное восхищение, лишившее девочку дара речи.

Позже он спросил у жены:

– Ну что, рискнем или опять нарвемся на неприятности?

Кэролайн грустно посмотрела на мужа:

– Френсис, дорогой, тебе давно следует перестать рассчитывать на то, что здесь все будет действовать с четкостью машины... пустая трата сил, да и только.

– Мне кажется, я уже начинаю это понимать, – признал Френсис. – Тем не менее, когда возникает обычный ризис – это одно, а когда ты сам, собственными руками создаешь все условия для возникновения более серьезных проблем – это совсем другое.

– Ну, если ты считаешь, что, устраивая для желающих работать у нас что-то вроде конкурса красоты наоборот, ты дашь возможность тем, кому не очень везет в жизни, попробовать прыгнуть выше собствен-

ной головы и проверить свои силы, тебе следует еще раз хорошенько все обдумать. Мне нравится эта девушка. Она необычна, умна, и мне кажется, у нее есть здравый смысл, а это не одно и то же. Поэтому, если она действительно обладает необходимыми знаниями и способностями, ее следует принять на работу.

Так Диана стала сотрудником «Дарра».

Ее появление вызвало немалый интерес – у кого-то проснулись новые надежды, другие расстроились. Любители молниеносных побед сразу попробовали свои силы, но на них просто не обратили внимания. Тогда за дело принялись более стойкие стратеги, однако и они довольно быстро поняли, что этой крепости им не взять. В результате после тщательной разведки в «Дарре» сложилось определенное мнение о Диане.

– Красивая, но глупенькая, – печально поставил диагноз один из химиков.

– Глупенькая! Побойтесь Бога!.. – возразил биолог – Но даже. если вы и правы, с каких пор это считается недостатком? Кстати сказать, она весьма охотно разговаривает – только вот результата никакого.

– Именно это я и имел в виду, – терпеливо продолжал химик. – Она глупа совсем не в тех областях, в которых положено быть глупой хорошенькой девушке; такого просто не должно быть, – добавил он для ясности.

Жены и незамужние женщины позволили себе не-

много расслабиться.

– Ледышка! – говорили они друг другу, и в их голосах слышалось удовлетворение.

Однако некоторые сомнения оставались, поскольку мысль о том, что их мужчины кого-то могут не интересоваться, не слишком радовала благородных дам. Тем не менее большинство вполне удовлетворила подобная классификация, за одним исключением: уж слишком хорошо Диана одевалась – дамы никак не могли взять в толк, зачем тратить на это столько сил, если не стремишься получить хоть что-нибудь в награду...

Когда Елена Дэйли, жена Остина Дэйли, биохимика, который фактически был заместителем Саксовера, в одном из разговоров с мужем обмолвилась об этом, он высказал иную точку зрения.

– Всякий раз, когда в коллектив попадает новый человек, начинаются разговоры. Ползут слухи. Я не понимаю почему, – пожаловался он. – Юные существа Появляются среди нас, считая себя замечательными во всех отношениях, уверенные, что мир вращается вокруг них – как это считали их родители, бабушки и дедушки, – а потом они сталкиваются с теми же проблемами и с тем же упрямством повторяют ошибки, которые в свое время совершали их родители. Здесь нет ничего интересного: каждый из нас относится к одному из четырех, максимум пяти типов; единственное, что можно ожидать нового, – попытаться прожить свою мо-

лодость еще раз – но тут на страже стоит Бог.

– Мне очень нравилось быть молодой, – сказала его жена.

– Тебе раньше нравилось быть молодой – и мне тоже, – уточнил Остин. – А сейчас – нет уж, спасибо, больше не надо.

– Но мне и правда нравилось! Бесконечные волнения, прелестные платья, вечеринки, прогулки при луне, предчувствие нового романа...

– Как чудесное лето нашего детства? Когда забылись все разочарования, ненависть соперников, горечь поражений, ощущение одиночества, жестокость равнодушного мира, сомнения и муки, слезы в подушку?. Даже воспоминания о юности не вызывают у меня радости. Золотые мальчики и девочки жили лишь в золотом веке.

– Только не надо прикидываться циником передо мной, Остин.

– Любовь моя, я совсем не циник. Но и мечтателем, который сожалеет об утраченной молодости, меня не назовешь. Поэтому я сочувствую юношам и девушкам, которым предстоит болезненное расставание с иллюзиями и взросление. Однако я продолжаю считать, что наблюдать за этим процессом со стороны – довольно скучное занятие.

– Ну хорошо, а к какому типу относится наша новая сотрудница?

– Молодая Диана? Еще слишком рано об этом судить. Она, как это принято говорить, поздний фрукт. В настоящий момент бедняжка страдает от детского увлечения Френсисом.

– О, брось...

– Тут не может быть никаких «брось». Возможно, он и не является для тебя идеалом, но Френсис отлично соответствует подобному образу. Я это и раньше замечал. И не сомневаюсь, что история еще не раз повторится. Он сам, конечно, ничего не видит; Френсис никогда не отличался особой наблюдательностью в подобных вопросах. Тем не менее Диана очень необычная молодая женщина, и я не могу себе представить, какой она станет, когда повзрослеет.

Был Остин Дэйли прав или нет, но в первые несколько недель в «Дарре» в поведении Дианы не произошло никаких изменений. Она продолжала вести себя дружелюбно, однако совершенно независимо. Ее отношения с коллегами-мужчинами носили или товарищеский характер, или постепенно приняли несколько холодноватый оттенок, что достаточно быстро привело к тому, что Диана подружилась с рядом молодых женщин. Таким образом почти с самого начала она заняла необычное положение. То, что она уделяла своему внешнему виду столько времени, было воспринято, как причуда, как нечто искусственное, вроде увлечения декоративными цветами или акварельными пейзажа-

ми – Диана занималась этим ради собственного удовольствия. Вскоре выяснилось, что она охотно рассказывает о своем увлечении и даже готова помочь овладеть некоторыми тайнами. Несколько необычное, хоть и дорогое, хобби – впрочем, оно никому не доставляло неприятностей, ведь Диана занималась этим, не выходя из дома. Считалось, что все свои деньги Диана тратит на одежду.

– Странная девушка, – заметила Кэролайн Саксвер. – Способности Дианы предполагают образ жизни, не соответствующий некоторым ее вкусам. В настоящий момент она, как мне кажется, похожа на спокойное море – полный штиль – и не слишком стремится выйти из этого состояния. Но наступит момент, когда она проснется – и это будет весьма неожиданно.

– Ты хочешь сказать, что последует очередной эмоциональный взрыв, и мы потеряем еще одного хорошего работника? – мрачно проговорил Френсис. – Я начинаю превращаться в реакционера и сомневаться в том, можно ли разрешать хорошеньким девушкам получать первоклассное высшее образование. Наша экономика тратит на это слишком много денег – и все зря. Правда, боюсь, что даже если исключить из всех высших учебных заведений всех красоток, гарантий это не даст никаких. Тем не менее я надеюсь, что придет день, когда у нас будут работать девушки, чье стремление добиться научных результатов будет сильнее стадного чув-

ства.

– Может быть, ты имеешь в виду секс, а не стадный инстинкт? – предположила Кэролайн.

– Да? Не знаю. Разве тут есть какая-нибудь разница, когда речь идет о молодых женщинах? – проворчал Френсис. – Ладно, будем рассчитывать на то, что она продержится хотя бы пару месяцев.

Миссис Брекли, в разговоре с мужем, высказала противоположную точку зрения.

– Кажется, Диана вполне довольна местом своей работы, – заметила она после того, как дочь навестила их. – Жаль только, что она там долго не продержится. Такая девушка, как Диана – нет, ни в коем случае!

Подобного рода заявления не нуждались в комментариях, поэтому мистер Брекли промолчал.

– Похоже, она восхищается этим доктором Саксове-ром, – добавила его жена.

– Как и многие другие люди, – ответил мистер Брекли. – Среди ученых он пользуется уважением. Когда я рассказал своим знакомым, что Диана у него работает, они ей даже немного позавидовали. По-видимому, попасть в «Дарр Девелопментс» не так-то просто.

– Он женат, двое детей. Мальчику двенадцать, а девочке почти десять, – сообщила миссис Брекли.

– Ну, тогда все в порядке. Или ты хочешь сказать, что в этом и заключается проблема?

– Какие глупости, Гарольд! Он почти в два раза стар-

ше ее.

– Ладно, – мирно согласился он. – Тогда о чем же мы говорим?

– На данный момент все в порядке, но из ее слов следует, что это совсем не подходящее место для такой привлекательной девушки, как Диана. Не может же она похоронить себя там навечно! Ей необходимо подумать о будущем.

На это мистеру Брекли опять нечего было сказать. Он пытался понять, решила ли Диана, стремившаяся найти общий язык с матерью, и в самом деле обмануть ее, или убежденность Мальвины Брекли в том, что всякая дочь должна быть выдана замуж, причем как можно быстрее, является полной и окончательной

Тем временем Диана устраивалась в «Дарре». Френсис Саксовер убедился в том, что получил хорошего работника; более того, он с облегчением заметил, что в ней нет никаких проявлений стадного инстинкта, за которыми всегда следует миграция. Отношения с коллегами сложились у Дианы в основном ровные, хотя и несколько отстраненные. Она изредка позволяла себе выпустить стрелу, которая заставляла иных вздрагивать и бросать на нее внимательные взгляды. Однако после того как Диана отразила все наскоки завзятых сердцеедов и повела себя достаточно разумно, на нее перестали обращать внимание, как не обращают внимания на красивую, но в общем ничем не при-

мечательную деталь ландшафта.

– Среди нас, но не с нами, – заметил Остин Дэйли, когда подошли к концу два месяца пребывания Дианы в «Дарре». – В этой девушке есть нечто неуловимое. У нее странная манера улыбаться совсем не в те моменты, когда следует. Рано или поздно она обязательно преподнесет нам какой-нибудь сюрприз.

ГЛАВА 3

Однажды утром дверь комнаты, в которой работала Диана, резко распахнулась. Она оторвалась от микроскопа и увидела, что в дверях с блюдцем в руках стоит расстроенный Френсис Саксовер.

– Мисс Брекли, – сказал он, – мне сказали, что вы добровольно взяли на себя обязанность следить за тем, чтобы Фелиция могла ночью перекусить. Если в этом действительно есть необходимость – в чем лично я сильно сомневаюсь, поскольку она даже не притронулась к вашему дару, – не будете ли вы так любезны поставить это блюдце в сторону от того места, где ходят люди? Я уже в третий раз чуть не наступил на него!

– Ой, мне очень жаль, доктор Саксовер, – извинилась Диана. – Как правило, я не забываю убрать его, когда прихожу на работу. К тому же она обычно все съедает, вы же знаете. Возможно, ее испугала гроза, которая разразилась прошлой ночью.

Она взяла блюдце и поставила на скамейку.

– Я обязательно позабочусь...

Когда Диана ставила блюдце, оно разбилось, и девушка наклонилась, чтобы посмотреть, что случилось.

Видимо, из-за грозы молоко свернулось. Во всяком случае, почти все молоко свернулось, осталось одно

пятнышко диаметром чуть меньше полудюйма, в центре которого находился какой-то темный сгусток.казалось, в этом месте молоко не скисло.

– Как странно, – пробормотала Диана.

Френсис бросил небрежный взгляд на молоко, а потом посмотрел внимательнее.

– Над чем вы вчера работали непосредственно перед тем, как налили молоко в блюдечко? – спросил он.

– Над новой популяцией лишайников Макдональда. Почти весь день занималась с ними, – ответила Диана.

– Гм-м, – сказал Френсис.

Он нашел чистое смотровое стекло, вытащил из молока сгусток и положил его туда.

– Вы можете это идентифицировать? – спросил он.

Диана поставила стекло под микроскоп. Френсис бросил взгляд на заросли серо-зеленых «листьев» под разнообразными стеклянными колпаками. Все они были похожи друг на друга. Диана довольно быстро справилась с задачей, которую задал ей Френсис.

– Это из той серии, – уверенно заявила она, показывая на кучу рассеченных кусочков, покрытых желтыми пятнышками вдоль разрезов. – Пока, – пояснила она, – я назвала его «*Lichens imperfectus tertius mongolensis se-cundus Macdonaldi*»

– Вот это да, – усмехнулся Френсис.

– Ну, – сказала она, оправдываясь, – вы же знаете, не так-то просто придумать хорошее название. Почти

все лишайники оказываются imperfecti, а этот был третьим, во второй серии Макдональда.

– Ладно, будем помнить, что название носит временный характер, – утешил ее Френсис.

– Антибиотик? Как вы думаете? – спросила Диана, снова посмотрев на блюдо.

– Может быть. Очень многие лишайники обладают свойствами антибиотиков, так что это вполне вероятно. Конечно, существует всего один шанс из сотни, что мы получим полезный антибиотик. И все же я возьму ваш образец, а о результатах сообщу позже.

Френсис взял пустую колбочку, наполнил ее лишайником, оставив половину под стеклянным колпаком. Потом он повернулся к двери. Однако выйти из комнаты Френсис не успел – его остановил голос Дианы.

– Доктор Саксовер, как сегодня чувствует себя миссис Саксовер?

Он повернулся; теперь на Диану смотрел совсем другой человек, словно с его лица сдернули маску спокойной уверенности. Френсис медленно покачал головой:

– Врач говорит, что утром у нее было хорошее настроение. Надеюсь, это правда. Больше они ничего не могут сказать. Понимаете, она не знает – и думает, что операция прошла успешно. Наверное, так лучше. Да, действительно так лучше – но, о Господи!..

Он снова повернулся к двери и вышел, прежде чем

Диана успела как-нибудь отреагировать на его слова.

Саксовер унес с собой лишайник, и прошло очень много времени, прежде чем Диана снова о нем вспомнила.

Через несколько дней Кэролайн Саксовер умерла.

Френсис, казалось, погрузился в транс. Приехала его сестра Айрин, которая была вдовой; она взяла на себя все обязанности по дому, те, что раньше выполняла Кэролайн. Френсис ее практически не замечал. Айрин попыталась убедить его уехать на время, но он не соглашался. Две недели Френсис бродил по дому, как нечто обратное призраку – его тело присутствовало здесь, а дух витал где-то далеко. Затем, неожиданно, он совсем исчез. Закрылся в своей лаборатории. Сестра стала посылать ему еду, но она часто возвращалась нетронутой. В эти дни Френсис почти не показывался на людях, а его кровать часто оставалась нерасстеленной.

Остин Дэйли, который чуть ли не силой пробился к Френсису, рассказал остальным, что Саксовер, как сумасшедший, работает сразу над дюжиной различных проектов, и выразил опасение, что их руководителю грозит нервный срыв. В тех редких случаях, когда он все-таки появлялся за столом, Френсис держался так отчужденно и напряженно, что дети начали его бояться. Однажды Диана увидела горько плачущую Стефани. Она постаралась утешить девочку и взяла ее с со-

бой в лабораторию, где позволила поиграть с микроскопом.

На следующий день, в субботу, Диана повела Стефани на прогулку – подальше от дома.

Тем временем жизнь продолжалась, а Остин Дэйли выбивался из сил, стараясь сделать все возможное, чтобы «Дарр» оставался на плаву. К счастью, он был в курсе нескольких проектов, задуманных Френсисом, и смог запустить их в работу. Изредка ему удавалось заставить Саксовера подписать некоторые бумаги, но большую часть времени он тратил на то, чтобы оттянуть принятие решений, которые находились только в компетенции шефа. В «Дарре» постепенно начали появляться признаки застоя, персонал охватило беспокойство.

Однако у Френсиса не случилось нервного срыва. Возможно, из-за воспаления легких. Он болел очень тяжело, но когда начал медленно выздоравливать, оказалось, что ему почти удалось оправиться от потрясения, вызванного смертью жены – Френсис Саксовер снова становился самим собой.

Впрочем, он довольно сильно изменился

– Папа стал спокойнее, чем был раньше, и как-то мягче, – сказала однажды Стефани Диане. – Иногда мне хочется плакать, когда я на него смотрю.

– Он был очень привязан к твоей матери. Ему, наверное, ужасно без нее одиноко, – ответила Диана.

– Да, – согласилась Стефани, – теперь он стал про нее говорить, и это хорошо. Ему нравится ее вспоминать, даже несмотря на то что его это огорчает. Но он все равно слишком часто просто сидит и думает – и совсем не кажется грустным. Он скорее похож на человека, решающего задачи.

– Вероятно, он именно этим и занимается, – проговорила Диана. – Чтобы в «Дарре» все было в порядке, нужно решить не одну задачу. Ведь пока твой отец болел, тут все немного разладилось. Может быть, он просто пытается придумать, как побыстрее справиться с проблемами, и тогда все снова встанет на свои места.

– Надеюсь. У папы такой вид, словно ему приходится разбираться с очень сложными задачами, – сказала Стефани.

Занятая множеством разнообразных проблем, Диана совершенно забыла о возможности существования антибиотика в «*Lichenis tertius...*» и вспомнила о нем лишь через несколько месяцев. Она была уверена, что Френсис тоже забыл о лишайнике, иначе он наверняка сообщил бы ей о результатах экспериментов. Ведь шеф всегда следил за безоговорочным соблюдением приоритета исследователя. Открытия, патенты и, следовательно, все авторские права становились собственностью «Дарр Девелопментс», но слава первооткрывателей принадлежала отдельным личностям или группам исследователей. Учитывая человеческую при-

роду, нельзя сказать, что все и всегда были довольны – например, совсем не просто честно разделить славу между ученым, открывшим некий общий принцип, и тем, кто детально его разработал, – но все с уважением относились к стремлению Френсиса быть справедливым. Ведь он тратил немало сил на то, чтобы ни одно из предложений не было приписано незаслуженно или пропало без следа, лишившись имени первооткрывателя. Если бы все шло своим чередом, Диана обязательно услышала бы что-нибудь про лишайник – каким бы ни был результат, положительным или отрицательным. Неожиданно вспомнив об этой истории несколько месяцев спустя, она пришла к выводу что колба с лишайником скорее всего была отставлена в сторону, когда умерла Кэролайн Саксовер, а ее содержимое постепенно сгнило. Когда же Френсис начал постепенно приходить в себя, Диана подумала, что все-таки следует сделать необходимые записи относительно необычных свойств, замеченных в «Tertius», по крайней мере для порядка. Поэтому она решила дожидаться какого-нибудь подходящего момента, чтобы напомнить шефу про лишайник, но постоянно забывала о нем сама, поскольку была занята другими проблемами. В конце концов во время одной из проводимых раз в месяц вечеринок – их придумала Кэролайн, чтобы создать в «Дарре» дух сотрудничества, – Диана вспомнила о лишайнике – вероятно, потому, что незадолго

перед этим к ним прибыла новая партия ботанических материалов, доставленных от имени путешествующего в дальних краях мистера Макдональда. Кроме того, во время вечеринки возникла подходящая возможность поговорить с шефом.

За ужином Френсис, который уже практически оправился, занимался тем, что болтал по очереди со своими сотрудниками. Увидев Диану, он поблагодарил ее за заботу о Стефани.

– Для девочки это очень важно. Ей в сложившихся обстоятельствах как раз и нужно было, чтобы кто-то проявил к ней интерес. Я вам невероятно признателен.

– Я получаю удовольствие от общения со Стефани, – призналась Диана. – Мы прекрасно ладим. С ней я веду себя как старшая сестра, не очень взрослая, и стараюсь сделать все возможное, чтобы она не чувствовала себя слишком маленькой. Я всегда жалела, что у меня нет сестры, так что, возможно, моя дружба со Стефани – своего рода компенсация. По крайней мере, я с радостью провожу с ней время, и она мне совершенно не в тягость.

– Что ж, прекрасно. Она только о вас и говорит. Однако не позволяйте ей быть слишком навязчивой.

– Ни в коем случае, – заверила его Диана. – Впрочем, в этом не возникнет никакой необходимости. Стефани очень чуткий ребенок.

А через несколько минут, когда Френсис Саксовер

уже собрался отойти, Диана вдруг вспомнила, что хотела спросить его про лишайник.

– Да, кстати, доктор Саксовер, я уже давно собираюсь вас спросить: вы помните лишайник Макдональда – Tertius, о котором мы с вами говорили в июне или июле? Вы обнаружили в нем что-нибудь интересное?

Она задала свой вопрос просто так, не сомневаясь, что он забыл про колбочку с лишайником. К несказанному удивлению Дианы, на лице Френсиса Саксовера появился испуг – всего на одно мимолетное мгновение, но она не сомневалась, что не ошиблась. Френсис очень быстро взял себя в руки, и все же Диана запомнила выражение его лица. Да и ответил он на ее вопрос не сразу, а после короткого колебания:

– Ох, как некрасиво с моей стороны! Мне давно следовало поставить вас в известность. Боюсь, я ошибся. Оказалось, что это вовсе не антибиотик.

Через несколько мгновений он уже заговорил с кем-то из сотрудников «Дарра», проходивших мимо.

В первый момент Диана подумала, что ответ прозвучал как-то странно. Только позже она сообразила, что Френсис сморозил самую настоящую глупость. Но она приписала это напряжению и болезни, которую он перенес. Впрочем, где-то в подсознании ее продолжали мучить сомнения. Если бы шеф сказал, что забыл или был слишком занят. Или заявил, что лишайник обладает ярко выраженными токсическими свойствами и с

ним небезопасно экспериментировать, или привел бы любую другую причину, Диана, вполне возможно, была бы удовлетворена. Но вопрос почему-то застал Френсиса врасплох, тот дал на него совершенно необдуманый ответ – ответ, который, если хорошенько его проанализировать, не имел никакого отношения к самому вопросу. Почему доктор Саксовер не захотел ответить Диане честно?

Она вдруг поняла, что слова «оказалось, что это вовсе не антибиотик» не случайно сорвались с языка Френсиса, а имели свое собственное значение. Так станет реагировать человек, который обычно говорит правду и, следовательно, не может быстро соврать, когда ему неожиданно задают неприятный вопрос...

Чем больше Диана думала о поведении доктора Саксовера, тем яснее ей становилось, что следует обратить серьезное внимание на значение сказанных им слов, лишайник Tertius действительно обладал свойствами, напоминающими свойства антибиотиков; однако, если оказалось, что он не является антибиотиком, в таком случае, что же он такое. И почему Френсис не сказал ей правды?

Эти вопросы продолжали мучить Диану где-то на втором уровне подсознания. Позже она смущенно приписывала свои сомнения несоответствию мелкий обман был совершенно не свойствен Френсису, его репутации и тому, как шеф обычно себя вел. Однако тогда

она понимала только, что ее что-то беспокоит

Кроме того, возник еще один фактор. Из хранилища прислали просьбу передать им данные на все имеющиеся у нее материалы для проверки наличия и количества. Она начала послушно составлять список, а затем, когда добралась до *Lichens tertius*, в ее сознании неожиданно соединились две идеи: во-первых, она заговорила с Френсисом о лишайнике всего несколько дней назад на вечеринке; а во-вторых, хранилище обычно проводило проверки по понедельникам, а не по пятницам, и обычная квартальная проверка должна была состояться только через две недели.

Диана сидела несколько минут, разглядывая свой список. Она попыталась не поддаваться соблазну, который не имел ничего общего с обычным, потому что вряд ли она могла рассчитывать на выгоду. Диану мучило любопытство, и оно в конце концов победило.

– Я сделала то, – говорила она позже, – что всегда презирала, на что считала себя неспособной. Я сознательно фальсифицировала отчет. И вот что странно: я не испытывала ни угрызений совести, ни вины; мне казалось, это неприятная необходимость.

Таким образом, *Lichens tertius*, который прибыл с одной из последних посылок Макдональда, так и не был внесен ни в какие списки.

На ранних стадиях исследования лишайника Диана имела перед Френсисом одно преимущество – ей

уже было известно, что она имеет дело не с антибиотиком. Она знала, что ищет нечто, напоминающее по свойствам антибиотик, но в действительности таковым не является. Кроме того, проанализировав поведение Френсиса, она поняла, что имеет дело с чем-то необычным и, возможно, опасным; впрочем, пользы от этого было немного, разве что ее интеллект получил широкое поле деятельности. Однако Диана чуть не отбросила в сторону то, что искала, посчитав эту идею абсолютно невероятной. Лишь в последний момент она дала волю сомнениям. Какой бы невероятной ни была идея, необходимо доказать ее абсурдность. Хотя бы для порядка, если нет другой причины, следует провести один тест... и еще... и еще...

Многие годы спустя она сказала:

– Это не было интуицией или здравым смыслом. Все началось с логического предположения, чуть не было уничтожено предубеждением, а спасено привычкой к систематической работе. Я могла бы легко пройти мимо этого великого открытия и долгие месяцы топтаться на месте. Можно сказать, мне просто повезло. Даже проверяя и перепроверя полученные результаты, я не очень верила тому, что у меня получалось. По крайней мере, я находилась в весьма странном состоянии: как профессионал, я доказала верность своих выкладок и не смогла обосновать их ошибочность, следовательно, была обязана в них верить; в свободное же

от работы время я не могла с чистым сердцем принять собственные идеи – так же точно мы не в состоянии до конца осознать всем известный постулат о том, что Земля круглая. Мне кажется, именно поэтому я вела себя так исключительно глупо. Я даже не понимала, какое значение может иметь мое открытие, а ведь смысл его был бы очевиден даже дураку. Лишь многие недели, нет, месяцы спустя до меня наконец дошло, что я нашла. Сначала это было всего лишь интересное научное открытие, из которого я намеревалась извлечь максимум пользы, поэтому и сосредоточила все свои силы на том, чтобы выделить активный компонент, совершенно не думая о последствиях. Если поразмыслить как следует, немного похоже на тех, кто насаждает религиозные принципы.

Работа стала чем-то вроде вызова для Дианы. У нее теперь почти не было свободного времени, и она часто засиживалась в лаборатории допоздна. Стала реже ездить домой на выходные, а приехав туда, стремилась поскорее вернуться в «Дарр». Стефани, которую отослали в частную школу, была разочарована, когда она, вернувшись на каникулы, увидела, что Диана не может уделять ей столько внимания, сколько хотелось бы девочке.

– Вы всегда работаете, – грустно говорила она. – У вас усталый вид.

– Теперь уже скоро, я думаю, – попыталась утешить

ее Диана. – Если только не возникнет каких-нибудь неожиданных, я должна закончить через пару месяцев.

– А чем вы занимаетесь? – поинтересовалась Стефани.

Но Диана только покачала головой.

– Это слишком сложно, – ответила она. – Я просто не смогу объяснить, в чем заключается моя работа, человеку, не занимающемуся химией всерьез.

Она проводила свои эксперименты главным образом на мышах, и к началу зимы, почти через год после смерти Кэролайн Саксовер, наконец почувствовала уверенность в успехе своих тестов. Диане удалось обнаружить группу животных, которыми занимался Френсис, и она стала наблюдать и за ними тоже. С удовольствием. К этому моменту настоящая работа была завершена. Выводы не вызывали никаких сомнений. Оставалось только провести ряд экспериментов, которые дали бы достаточно данных, чтобы надежно контролировать процесс – рутинная работа, отнимавшая сравнительно мало времени и позволившая Диане немного расслабиться. Только сейчас она по-настоящему задумалась о том, что же ей удалось открыть...

На ранних стадиях работы она редко размышляла о намерениях Френсиса – ее занимало, что же он намеревается сделать со своим открытием. Теперь же Диана начала задумываться об этом всерьез. Ей пришлось

напомнить себе, что Саксовер опережает ее на шесть месяцев. Должно быть, он успел проверить все самым тщательным образом еще летом, у него было достаточно времени подумать о возможностях применения открытия, однако никто ничего о нем не слышал. Очень странно. Френсис доверял своим сотрудникам. Он прекрасно понимал, что слишком строгая секретность подорвет эффективность работы компании и понизит дух корпоративности. И никто никогда не подводил своего руководителя: случаи утечки ценной информации были чрезвычайно редкими. С другой стороны, это означало, что в «Дарре» можно было узнать о любом проекте, находящемся в работе. Но о последнем открытии Саксовера никто даже не подозревал. Судя по всему, Френсис все делал сам и ни с кем не делился результатами. Возможно, он вступил в переговоры с какими-нибудь крупными производителями, но Диана в этом сильно сомневалась – даже на данной стадии она отдавала себе отчет в том, что открытие такого масштаба нельзя реализовать обычным способом. Поэтому она решила, что Френсис собирается сделать доклад перед одним из научных обществ. В этом случае ей, конечно, придется немедленно передать ему свои результаты. Но зачем тогда окутывать свою работу плотной завесой тайны, если все результаты тщательно проверены?..

Поэтому Диана решила подождать.

Кроме того, ее беспокоила этическая сторона вопроса. По закону вина Дианы не вызывала ни малейшего сомнения. По условиям контракта все открытия, сделанные во время работы в «Дарр Девелопментс», принадлежат компании. Следовательно, она должна немедленно ознакомить Френсиса с результатами своих исследований. Однако с точки зрения морали тут у нее имелись некоторые сомнения. Ну, представим себе следующую ситуацию. Если бы она не уронила лишайник в молоко, никакого открытия просто не было бы. Если бы Френсис не принес блюдца, странный эффект мог остаться незамеченным. Если бы Диана не обратила на него внимания, он бы ушел и все на этом закончилось бы. Она не украла у Френсиса его открытие. Самое обычное любопытство заставило ее исследовать необычное явление, на которое она обратила внимание – первая. Напряженная работа принесла результаты Диана не собиралась с ними расставаться – разве что в этом возникнет необходимость. Она решила немного подождать и посмотреть, какие ходы предпримет Френсис.

Ожидание располагает к размышлениям; от размышлений начинает расти беспокойство Диана словно отошла в сторону и сумела за деревьями разглядеть лес – зрелище получилось пугающим. До нее начал доходить скрытый смысл открытия Френсис наверняка столкнулся с аналогичными проблемами; теперь Диа-

на сообразила, что его сдерживает.

Так, шаг за шагом, в ее сознании начала складываться общая картина, кусочки головоломки занимали свои места, а когда они окончательно сложились, получившаяся картинка совсем не понравилась Диане.

Только сейчас она осознала, что речь идет не просто об очередном открытии, а о чем-то кардинальном, они узнали один из самых ценных и взрывоопасных секретов в мире. Она, наконец, поняла, что Френсис – сам Френсис Саксовер – не знает, что с ним делать.

Годы спустя Диана сказала «Теперь я думаю, что совершила ошибку, когда продолжала ждать, ничего не предпринимая. В тот момент как я сообразила, какие могут быть последствия, мне следовало пойти к Френсису и рассказать о полученных результатах. У него по крайней мере появилась бы возможность поговорить о мучившей его проблеме – и мы вместе могли бы принять решение. Но он был знаменитым человеком, моим боссом. Я нервничала, потому что попала в, мягко говоря, не слишком красивое положение. А главное, я была чересчур молодой и не справилась с потрясением».

В этом, вероятно, и состояло настоящее препятствие. Даже когда Диана училась в школе, она свято верила, что всякое знание, как и сама жизнь, есть дар Божий – отсюда следовало, что сокрытие знания есть тяжкий грех. Сейчас она скорее всего не стала бы

пользоваться такими возвышенными словами, но убежденность осталась. Тот, кто ищет знание, делает это не для себя – он лишь выполняет заповедь: делиться со всеми людьми всяким знанием, которым тебе удалось овладеть.

Мысль о том, что крупный ученый может нарушить эту заповедь, была для нее невыносима; то, что этим человеком оказался Френсис Саксовер, который всегда был для нее образцом ученого-профессионала, так сильно ранила Диану, что она совершенно растерялась...

«Я была тогда очень молода – и еще не успела расстаться с иллюзиями. Френсис был моим идеалом, и вдруг выяснилось, что он ему совсем не соответствует. Эгоцентризм, конечно. Я не могла простить Френсису, что он оказался колоссом на глиняных ногах; мне казалось, что он меня предал. Я совершенно запуталась. Не хватило гибкости. Я словно попала в ад. Пережила самый настоящий шок – чувствовала, что мой мир лишился чего-то навсегда. Конечно, я ошибалась...»

В результате Диана ожесточилась. И решила не сообщать шефу о своей работе с лишайниками. Саксовер совершил преступление, утаил новое знание – пусть это остается на его совести, она не собирается становиться соучастником. Подождет еще немного, в надежде, что он изменит позицию, но если он не опубликует результаты своих исследований, Диана сдела-

ет это сама. Она позаботится, чтобы мир узнал...

Однако когда Диана начала более внимательно обдумывать возможные последствия, оказалось, что возникает множество трудностей. Чем больше она размышляла, тем очевиднее становилось, что продукты, извлеченные из лишайника, затронут интересы многих могущественных людей. Получалось, что сделать выбор совсем не просто – уж слишком велики ставки в игре. Она начала понимать, с какой дилеммой столкнулся Френсис месяцы назад. Однако Диана не позволила себе стать жертвой сочувствия; наоборот, она считала, что судьба бросает ей вызов: если Френсис Саксовер не смог решить задачу, ей это окажется по плечу!

Всю зиму она продолжала размышлять, но пришла весна, а ей ни на йоту не удалось приблизиться к решению.

Когда Диане исполнилось двадцать пять лет, она вступила в права наследования. Теперь девушка могла распоряжаться крупным состоянием своего деда. Она отпраздновала это, купив одежду в нескольких самых дорогих и престижных магазинах, порог которых раньше и не надеялась переступить. И небольшой автомобиль. И тем не менее Диана не сразу решила покинуть «Дарр», что весьма позабавило ее мать.

– С какой стати, мамочка? Что я буду делать? Мне нравится местоположение «Дарра», я занимаюсь там

интересной и полезной работой, – заявила она.

– Теперь, когда ты имеешь независимый источник дохода... – возразила миссис Брекли.

– Да знаю я, мамочка. Разумная девушка должна выйти в свет и купить себе мужа.

– Мне совсем не нравится такая постановка вопроса, дорогая! Каждая женщина должна выйти замуж; только в этом случае она может быть счастлива. Тебе уже двадцать пять лет. Если ты сейчас всерьез не подумаешь о создании семьи – знаешь, время не стоит на месте. Ты и оглянуться не успеешь, как тебе исполнится тридцать, а потом сорок. Жизнь коротка. Это становится очень заметно, когда начинаешь смотреть на нее с другого конца. Нам отпущено не так уж много времени.

– А я совсем не уверена в том, что хочу завести семью, – ответила Диана. – Сейчас и так полно семей.

На лице миссис Брекли появился ужас.

– Но ведь каждая женщина в глубине души мечтает иметь семью! – воскликнула она. – Это совершенно естественно.

– Так принято, – возразила Диана. – Один только Бог знает, что было бы, если бы мы стали все делать только потому, что это естественно.

Миссис Брекли нахмурилась:

– Я тебя не понимаю, Диана. Неужели ты не хочешь иметь собственный дом и семью?

– Не слишком, мамочка, в противном случае я бы уже давно что-нибудь для этого сделала. Может быть, я попытаюсь – позднее. Возможно, мне это понравится. У меня еще достаточно времени.

– Не так много, как ты думаешь. Женщина постоянно борется со временем, не стоит забывать об этом.

– Я уверена, ты права, дорогая. Но если постоянно беспокоиться, результаты могут оказаться отвратительными, не так ли? Не волнуйся из-за меня, мамочка. Я знаю, что делаю.

Таким образом, Диана еще некоторое время продолжала работать в «Дарре».

Стефани, вернувшись домой на пасхальные каникулы, пожаловалась, что Диана выглядит озабоченной.

– Нет, не усталой, как в те дни, когда много работала, – заявила девочка, – а именно озабоченной. Ты так ужасно много думаешь!

– Ну, когда занимаешься биохимией, думать просто необходимо. Часто именно в этом и заключается работа, – отрезала Диана.

– Но не все же время.

– Возможно, дело тут не только во мне. Вот ты стала думать гораздо меньше, чем до того, как отправилась в школу. Если будешь брать только то, что там дают, и не думая, ты быстро превратишься в добычу для рекламы и кончишь свою жизнь домохозяйкой.

– Но так случается почти со всеми... Я хочу сказать,

что почти все превращаются в домохозяек, – немного растерянно ответила Стефани.

– Именно – домохозяйки, жены, домоправительницы, экономки... Ты этого хочешь? Это специальные слова, необходимые для того, чтобы облапошить женщин, милая. Скажи женщине: «место женщины в доме» или «иди в свою кухню» – и это ей не понравится; назови это «быть хорошей женой», что означает абсолютно то же самое, и она станет ишачить и вдобавок сиять от гордости.

Моя двоюродная тетя боролась за права женщин, несколько раз попадала в тюрьму; и чего она добилась? Изменился только метод: раньше заставляли, теперь облапошивают – уже выросло целое поколение внучек, которые даже не подозревают, что их перехитрили, боюсь, что если они и поймут это, то не станут особенно переживать. Наш самый страшный недостаток состоит в желании подчиняться, а главное достоинство – в умении принимать мир таким, какой он есть. Так что смотри, чтобы тебя не облапошили, милая. Нужно быть чрезвычайно осторожной в мире, где в качестве высшей жизненной ценности почитаются тушеные бобы.

Стефани молча восприняла этот совет, однако не дала сбить себя с толку.

– Тебе плохо, Диана? – спросила она. – Неужели ты все время об этом думаешь?

– Боже милостивый, нет, конечно, милая. Просто возникли проблемы.

– Вроде задачи по геометрии?

– Пожалуй, да. Человеческой геометрии. Не огорчайся. Постараюсь хотя бы на время забыть о них. Давай-ка лучше съездим куда-нибудь на машине, ладно?

Но от проблем уйти не удавалось. У Дианы росла уверенность, что Френсис сдался и решил отложить окончательное решение на будущее, а это только укрепило ее желание справиться с задачей самостоятельно.

Пришло лето. В июне вместе с подругой по Кембриджу Диана отправилась в Италию. Южный темперамент произвел на подругу впечатление: она даже обручилась— впрочем, роман оказался недолгим. Диана тоже прекрасно провела время, но вернулась домой одна, с ощущением, что подобное времяпрепровождение должно быстро надоесть.

Она успела прожить в «Дарре» уже две недели, когда вернулась Стефани, чтобы провести вместе с отцом часть летних каникул.

Как-то вечером они с Дианой забрели на большой луг, где только что скосили траву, и удобно устроились у стога сена. Диана поинтересовалась успехами Стефани в этом семестре.

Совсем не так уж плохо, скромно призналась Стефани, во всяком случае с учебой и теннисом; правда,

Вот с крикетом...

Диана согласилась насчет крикета.

– Очень скучно, – сказала она. – Это проявление эмансипации. Свобода для девочек, состоящая в том, чтобы делать то же самое, что и мальчики, каким бы скучным это ни показалось.

Стефани продолжала рассказывать школьные новости, сдабривая их собственными оценками. В конце Диана кивнула.

– Ну, во всяком случае, они учат тебя не только тому, чтобы стать домашней хозяйкой, – одобрительно заметила она.

Стефани немного подумала.

– Ты не собираешься выходить замуж, Диана?

– Ну, наверное, когда-нибудь, – ответила Диана.

– А если этого не произойдет, что ты будешь делать? Станешь такой, как твоя двоюродная тетя, и начнешь бороться за права женщин?

– Ты все немного перепутала, милая. Моя двоюродная тетя и другие двоюродные тети уже много лет назад завоевали все необходимые права. Теперь женщинам просто не хватает гражданского мужества, чтобы их использовать. Моя двоюродная тетя и остальные думали, что, теоретически добившись равенства, они одержали великую победу. Они не понимали, что главным врагом женщин являются не мужчины, а сами женщины: глупые, ленивые и самодовольные. Са-

модовольные женщины хуже всех; их профессия состоит в том, чтобы быть женщинами – они ненавидят всех женщин, которые добились успехов в любом другом деле. У них сразу просыпается комплекс неполноценности-превосходства.

Стефани задумчиво посмотрела на нее:

– Мне не кажется, ты не очень-то любишь женщин, Диана.

– Ну, это слишком сильно сказано, милая. Мне не нравится в нас готовность быть запрограммированными – так ведь проще всего заставить нас хотеть стать не чем иным, как самыми обычными скво, гражданами второго сорта, – научить женщин считать себя придатком, а не людьми, обладающими всеми правами.

Стефани снова задумалась, а потом проговорила:

Я рассказала мисс Робертс – она ведет у нас историю, – что ты говоришь о женщинах, о том, как их сначала заставляли все делать силой, а теперь просто облапошивают.

– Ну да? И что она тебе на это ответила?

– Знаешь, она согласилась. Только она говорит... ну, так устроен мир, в котором мы живем. В нем много неправильного и несправедливого, но ведь жизнь так коротка. Поэтому самое лучшее, что может сделать женщина, – принять его законы, стараясь при этом сохранить свою индивидуальность. Она сказала, что все было бы иначе, если бы мы имели больше свободного

времени, но тут люди не в состоянии ничего изменить. К тому моменту как подрастают дети, ты уже начинаешь стареть, так что нет смысла ничего предпринимать с целью исправить положение вещей, а потом лет через двадцать пять все повторяется снова – только уже для твоих детей и... Ой, Диана, что случилось?

Диана молчала. Она сидела, глядя прямо перед собой широко раскрытыми глазами, словно ее неожиданно заколдовали.

– Диана, ты в порядке? – Стефани дернула ее за рукав.

Диана медленно повернула к ней голову, но ничего не видя вокруг себя.

– Вот решение! – воскликнула она. – О Господи, я его нашла! Оно было у меня под самым носом все это время, а я ничего не замечала...

Она приложила руку ко лбу и прислонилась спиной к стому сена. Стефани озабоченно склонилась над ней.

– Диана, что произошло? Может быть, тебе что-нибудь нужно?

– Ничего плохого не произошло, Стефани, милая. Совсем ничего. Просто я наконец сообразила, что стану делать.

– Не понимаю... – озадаченно проговорила Стефани.

– Я знаю, каким будет мой дальнейший путь в жизни... – пояснила Диана, при этом ее голос звучал до-

вольно странно. А потом она начала смеяться. Смеясь, откинулась на стог, а потом заплакала. Она вела себя так, странно, что Стефани почувствовала тревогу.

На следующий день Диана зашла к Френсису и сказала, что в конце августа намерена покинуть «Дарр».

Френсис вздохнул, посмотрел на левую руку Дианы, а затем озадаченно уставился на нее.

– О! – воскликнул он. – Вы покидаете нас не по обычной причине?

Диана заметила его взгляд.

– Нет, – ответила она.

– Вам следовало взять колечко напрокат, – сказал он. – А так я попытаюсь вас отговорить.

– У вас ничего не выйдет, – заявила Диана.

– Подождите, давайте обсудим эту проблему. Про меня известно, что я стараюсь переубедить ценных работников, пожелавших расстаться с нами, даже тогда, когда на пути у меня стоит Гименей, ну а во всех остальных случаях я никогда не сдаюсь без боя. Так в чем же дело? Что мы такого натворили... или, наоборот, не делаем?

Диана рассчитывала, что разговор с Френсисом будет кратким и абсолютно официальным, однако он продолжался довольно долго. Она объяснила, что получила наследство и намеревается предпринять кругосветное путешествие. Френсис ничего не имел против путешествия. Он даже сказал: «Отличная мысль.

Вы сможете собственными глазами посмотреть, как претворяются в жизнь некоторые из наших изобретений, те, что имеют отношение к тропикам. Возьмите годичный отпуск, отдохните, считайте это чем-то вроде длинного выходного».

– Нет, – твердо отказалась Диана. – Не хочу.

– Вы не хотите к нам возвращаться? Жаль. Знаете, нам будет вас не хватать. Не только в профессиональном смысле.

– Нет, нет, дело совсем не в этом, – Диана чувствовала себя совершенно несчастной. – Я... я... – Она замолчала, только не сводила с Френсиса глаз.

– Если кто-то предложил вам более выгодную работу...

– О, да нет же... нет. Я просто решила оставить все это.

– Вы хотите сказать, что решили покончить с исследовательской работой, навсегда?

Диана кивнула.

– Но это же возмутительно, Диана! С вашими способностями, с вашим талантом, ну... – Френсис говорил еще некоторое время, а потом смолк, заглянув в серые глаза Дианы и поняв, что она не слышала ни одного слова из его пылкой речи. – Это на вас совсем не похоже. Должна быть какая-нибудь серьезная причина, – сказал он в заключение.

Диана колебалась, словно стоя на краю глубокой

пропасти.

– Я... – начала она, а потом замолчала, будто у нее перехватило дыхание и она не могла больше говорить.

Она просто стояла и смотрела на Френсиса, сидевшего за своим рабочим столом. Он видел, что она дрожит. Но прежде чем он пошевелился, чтобы хоть чем-нибудь ей помочь, Диана оказалась жертвой странной борьбы чувств, разрушивших ее обычно спокойную манеру держаться.

Френсис поднялся и попытался обойти стол, чтобы приблизиться к ней, но в этот момент ей удалось немного справиться с собой, и Диана выдохнула:

– Нет, нет! Вы должны меня отпустить, Френсис. Вы должны меня отпустить!

И прежде чем он успел хоть что-то сделать, убежала из комнаты.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 4

– Я рад, что вам обоим удалось выбраться, – сказал Френсис своим детям.

– Мне не следовало бы здесь находиться, но твое приглашение звучало достаточно настойчиво, – проговорил Пол.

– Дело очень важное, однако у меня есть сомнения относительно его срочности. Я рассчитывал, что к настоящему моменту все прояснится, только вот четвертый участник нашего квартета задерживается. Не знаю, помните ли вы ее. Она рассталась с «Дарром» около пятнадцати лет назад – Диана Брекли.

– Мне кажется, я ее помню, – ответил Пол. – Высокая, довольно красивая, не так ли?

– А я помню ее прекрасно, – перебила его Стефани. – Я была влюблена в Диану. Мне казалось, что она самая красивая и самая умная, после тебя, конечно, папочка. Я так горевала, когда она уехала.

– Все это произошло ужасно давно. Не знаю, что у нее может быть такого срочного для нас. Что она собирается нам сказать? – спросил Пол.

– Тут я должен вам кое в чем признаться, – сказал Френсис – Это даже лучше, что она задерживается. У меня будет возможность разъяснить вам ситуацию.

Саксовер оценивающе посмотрел на сына и дочь. Пол, которому уже исполнилось двадцать семь лет и который работал инженером, по-прежнему напоминал озорного мальчишку, несмотря на бороду – специально отрастил, чтобы выглядеть посолиднее. Стефани стала гораздо красивее, чем он ожидал, у нее золотистые, вьющиеся волосы, унаследованные от матери, и его черты лица, смягченные естественностью, темно-карие глаза – ни у него, ни у Кэролайн таких не было. Она сидела в его кабинете в легком летнем платье, волосы немного растрепаны после поездки в машине... – Стефани скорее напоминала девушку, заканчивающую школу, чем выпускницу университета.

– Вы наверняка посчитаете, что я должен был рассказать вам об этом раньше. Возможно, оно и так, однако существует немало серьезных причин, которыми я руководствовался. Надеюсь, вы со мной согласитесь, когда обдумаете услышанное.

– О Господи, это звучит так страшно, папочка. Неужели мы найденыши или еще что-нибудь такое же отвлеченное? – спросила Стефани.

– Нет. Ни в коем случае. Но история довольно длинная, и чтобы вам все было ясно, я начну сначала и постараюсь рассказать покороче. В июле того года, когда

умерла ваша мама...

Он поведал о том, как был найден кусочек лишайника в блюде с молоком, а потом продолжил:

– Я отнес колбу с лишайником в лабораторию, чтобы заняться ею позже. Вскоре после этого умерла ваша мама. Мне кажется, я совершенно расклеился – теперь мне трудно вспомнить, как все происходило, только однажды утром я проснулся и неожиданно понял, что, если не займусь какой-нибудь работой и не уйду в нее с головой, мне придет конец. Тогда я отправился в лабораторию, где меня поджидали разные дела, в которые и погрузился, забыв о смене дня и ночи, стараясь не думать ни о чем другом. Среди прочего я занялся лишайником, на который Диана обратила внимание.

Лишайники – довольно странная штука. Они не являются единым организмом, на самом деле две формы жизни существуют в симбиозе – грибы и водоросли, зависящие друг от друга. Довольно долгое время их никак не применяли – лишь один вид шел в пищу оленям, а другой использовался для производства красителей. Затем, сравнительно недавно, было обнаружено, что некоторые из них обладают свойствами антибиотиков, самым распространенным элементом которых является усниковая кислота, но здесь еще остается много неясного и требуется проделать серьезную работу.

Естественно, как и любой на моем месте, я счи-

тал, что ищу антибиотик. Этот лишайник до определенной степени обладал всеми необходимыми свойствами, однако... ну подробно я вам объясню в другой раз... дело в том... В общем, через некоторое время я понял, что это не антибиотик... нечто, для чего еще даже имени не существует. Так что мне пришлось его изобрести. Я назвал эту штуку антигерон.

У Пола сделался озадаченный вид. А Стефани прямо спросила:

– И что же это значит, папочка?

– Анти – против; герон – возраст, или, в буквальном смысле, старик. Теперь никого не смущает смешение латинских и греческих корней, отсюда – антигерон. Конечно, можно было бы придумать что-нибудь более подходящее, но меня вполне устраивало и это название. Активное вещество, которое мне удалось выделить из лишайника, я назвал просто «лишанин». Детали физико-химического воздействия лишанина на живой организм чрезвычайно сложны и требуют серьезных исследований, но окончательный эффект можно сформулировать в нескольких словах: скорость метаболических процессов в организме существенно замедляется.

Сын и дочь некоторое время молчали, осмысливая услышанное. Первой заговорила Стефани.

– Папочка, неужели... нет, этого не может быть!

– Все это правда, дорогая. Дело обстоит именно

так, – сказал Френсис.

Стефани застыла на месте, не сводя с отца глаз, не в силах выразить словами охватившие ее чувства.

– Ты, папочка, ты!.. – только и смогла, воскликнуть она.

Френсис улыбнулся:

– Ну, я, моя дорогая – хотя ты не должна приписывать весь этот успех только мне. Рано или поздно кому-нибудь удалось бы сделать аналогичное открытие. Мне просто повезло больше других.

– «Просто повезло»!.. Боже мой! Как просто повезло Флемингу, когда он открыл пенициллин. Папочка, я... все это так странно...

Стефани встала и неуверенной походкой подошла к окну. Прижалась лбом к холодному стеклу и выглянула в парк.

Пол растерянно проговорил:

– Мне очень жаль, папа, но, боюсь, я не все понял. Похоже, твои слова потрясли Стеф, так что, наверное, ты сделал нечто грандиозное, однако не забывай, я всего лишь обычный инженер.

– Ну, это совсем не трудно понять, вот поверить – гораздо труднее, – начал объяснять Френсис. – Тут дело в процессе деления и роста клеток...

Стефани, продолжавшая стоять у окна, вдруг замерла, а потом резко повернулась. Ее взгляд застыл на профиле отца, затем она перевела глаза на большую

фотографию в рамке, на которой он был снят рядом с Кэролайн; снимок сделали за несколько месяцев до ее смерти. Когда Стефани снова взглянула на отца, ее глаза округлились. словно сомнамбула, она медленно подошла к зеркалу и посмотрела на себя.

Френсис прервал на полуслове свои объяснения и повернул голову к дочери. Несколько секунд они стояли в полной неподвижности. Продолжая смотреть в зеркало, Стефани негромко спросила:

– Как долго?

Френсис не ответил. Казалось, он ее не слышит. Его взгляд скользнул к стене, где висел портрет его жены. Стефани наконец пришла в себя, к ней вернулась способность говорить. Она быстро повернулась к отцу и в ее голосе зазвучали жесткие нотки.

– Я спросила тебя, как долго? – повторила она. – Как долго я буду жить?

Френсис поднял голову. Их глаза встретились, но через несколько секунд он не выдержал и отвернулся. Некоторое время внимательно рассматривал свои руки, а потом снова взглянул на дочь. Бесцветным голосом, словно читая скучную лекцию, он ответил:

– Предположительная продолжительность твоей жизни, дорогая, по моим прикидкам, составит около двухсот двадцати лет.

Наступившую тишину нарушил стук в дверь. Мисс Берчетт, секретарша Френсиса, заглянула в комнату.

– Звонит мисс Брекли из Лондона, сэр. Она говорит, что это очень важно.

Френсис кивнул и вышел вслед за ней из кабинета, дети проводили его изумленными взглядами.

– Он что, это все всерьез? – воскликнул Пол.

– Ой, Пол! Неужели папа может сказать что-нибудь подобное и не быть при этом абсолютно серьезным?

– Нет, конечно, нет. И мне тоже? – потрясение проговорил он.

– Естественно. Только немного меньше, – пояснила Стефани.

Она подошла к одному из кресел и устало опустилась в него.

– Что-то не могу взять в толк, как тебе удалось так быстро понять, в чем тут дело, – с подозрением поинтересовался Пол.

– Понятия не имею. Знаешь, похоже на головоломку. Он просто встряхнул ее, и все части встали на место.

– Что встало на место?

– Ну, части. Разные мелочи.

– Все равно не понимаю. Он ведь только сказал...

Пол замолчал, потому что дверь открылась, и Френсис вернулся в кабинет.

– Диана не приедет, – сказал он. – Она говорит, что все образовалось.

– А в чем была проблема? – спросила Стефани.

– Пока не очень в курсе – она боялась, что может

подняться шумиха, поэтому посчитала своим долгом предупредить меня. А я решил, что пришла пора рассказать вам.

– Не понимаю, какое отношение ко всему этому имеет Диана? Она что, выступает в роли твоего агента или что-нибудь в этом же роде? – поинтересовалась Стефани.

Френсис покачал головой:

– Она не является моим агентом. Еще несколько дней назад я не имел ни малейшего представления о том, что кому-нибудь, кроме меня, известно про эти свойства лишайника. Тем не менее она вполне однозначно дала мне понять, что все знает, причем уже довольно давно.

Пол нахмурился:

– Никак не могу уразуметь. Она что, украла твое изобретение?

– Нет, – ответил Френсис – Не думаю. Диана говорит, что сама работала над изучением активного вещества и что может показать мне свои записи в качестве доказательства. Я ей верю. Являются ли результаты экспериментов законной собственностью Дианы, уже другой вопрос.

– А какие проблемы у нее возникли? – продолжала настаивать Стефани.

– Насколько я понял, Диана применяла лишайник. Что-то произошло, и ее привлекли к ответственности

за нанесение ущерба. Она боится, что если дело передадут в суд, то в процессе слушания наше изобретение перестанет быть тайной.

– А она не может, или не хочет платить, поэтому решила одолжить у тебя денег, чтобы не доводить дело до суда? – предположил Пол.

– Я был бы тебе очень признателен, Пол, если бы ты постарался не делать скоропалительных выводов. Ты плохо помнишь Диану, в отличие от меня. Дело возбуждено против какой-то фирмы, в которой она работает. Они вполне в состоянии заплатить, в этом можешь не сомневаться, так она по крайней мере говорит. Но они оказались в очень тяжелом положении. Утверждается, что нанесен серьезный урон, так что все это напоминает шантаж. Если они заплатят, другие тоже захотят предъявить столь же возмутительные требования; а если они откажутся платить, возникнет шумиха. Очень неприятное положение.

– Не понимаю... – начала Стефани и тут же смолкла. Глаза у нее широко раскрылись. – Ты хочешь сказать, что она давала это вещество...

– Лишанин, Стефани.

– Лишанин. Неужели Диана давала его людям, которые ничего про него не знали?

– Конечно, а как могло быть иначе? Как ты думаешь, если бы они знали, эта новость не разнеслась бы по всему свету за какие-нибудь пять минут? Почему,

ты думаешь, я вел себя настолько осторожно, что до сих пор даже вам ничего не говорил?.. Чтобы спокойно пользоваться полученным веществом, мне пришлось прибегать к разным уловкам; вероятно, и ей тоже.

– Прививки! – вдруг воскликнул Пол. – Так вот что это было такое.

Он вспомнил: когда ему исполнилось семнадцать лет, отец довольно подробно объяснил, что определенные бактерии развили в себе свойство, позволяющее им оказывать сопротивление антибиотикам, и уговорил его согласиться, на прививку нового активного вещества, повышающего иммунитет организма. Кроме того, Френсис сказал, что это вещество еще несколько лет не станет достоянием широкой публики. У Пола не было причин отказываться, поэтому они отправились в лабораторию. А там отец сделал надрез у него на предплечье, вложил туда миниатюрный шарик, а потом наложил несколько швов и забинтовал руку.

– Этого хватит на год, – сказал тогда Френсис. И с тех пор процедура стала ежегодной и происходила примерно в районе дня рождения Пола. Позже, когда Стефани исполнилось шестнадцать, Френсис подверг ее такой же процедуре

– Вот именно. Прививка, – согласился Френсис.

Сын и дочь смотрели на отца несколько секунд, потом Стефани нахмурилась.

– Все это очень хорошо, папа. Мы это мы, а ты это

ты, так что с нами все было очень просто. Но ведь Диана – совсем другое дело. Как ей удалось?..

Она замолчала, неожиданно вспомнив Диану, когда та сидела, прислонившись спиной к стогу сена, и смеялась, как безумная. Что она тогда сказала? «...я знаю, что стану делать...»

– Что это за фирма, в которой работает Диана, папочка? – спросила она.

Френсис с сомнением посмотрел на дочь.

– Что-то ужасно необычное, – проговорил он. – Египетское какое-то смешное название.. нет, нет, не Клеопатра.

– Случайно не «Нефертити»? – поинтересовалась Стефани.

– Да, да, именно. «Нефертити Лимитед».

– О Господи! А Диана... не удивительно, что она так тогда смеялась, – воскликнула Стефани.

– С моей точки зрения, назвать фирму «Нефертити» – настоящее безобразие, и ничего в этом нет смешного, – возмутился ее отец. – Чем они там занимаются?

– Ой, папочка! Ну ты даешь! Где ты живешь? Это один из ну, это салон красоты в Лондоне. Ужасно дорогой и престижный.

Френсис не сразу понял значение ее слов, а когда до него постепенно дошел смысл сказанного, у него на лице отразилась вся гамма чувств. Сначала он молча уставился на Стефани, не в состоянии произне-

сти ни единого слова, затем глаза его лишились осмысленного выражения, он неожиданно наклонился вперед, спрятав лицо в руках, и принялся смеяться... или всхлипывать?

Стефани и Пол несколько мгновений удивленно смотрели друг на друга. Пол явно не знал, что следует делать в подобной ситуации. Он подошел к отцу и положил руки ему на плечи. Казалось, Френсис этого не заметил. Тогда Пол сжал руки и немного встряхнул отца.

– Папа! – сказал он. – Перестань!

Стефани же отправилась к шкафчику, дрожащей рукой плеснула в стакан коньяку и вернулась к отцу. Френсис уже выпрямился, по щекам у него текли слезы, а глаза были какими-то пустыми. Он взял стакан из рук дочери и одним глотком осушил его наполовину. Постепенно в глазах Френсиса Саксовера появилось осмысленное выражение.

– Простите, – с трудом произнес он. – Ужасно забавно, разве вы со мной не согласны? Все эти годы... все годы я хранил тайну. Величайшее открытие в истории человечества. Страшная тайна. Никто не должен знать. Слишком опасно. И на тебе! Салон красоты... Действительно смешно, правда? Разве эта история не кажется вам забавной? – Он снова принялся смеяться.

– Ш-ш-ш! Папочка, ложись и попытайся расслабиться. Ну вот, хорошо. Вот так, милый. Выпей еще немно-

го. Ты почувствуешь себя лучше.

Френсис устроился в углу дивана и заглянул Стефани в лицо. Затем опустил пустой стакан на пол и, потянувшись, взял ее за руку. Поднес руку дочери к глазам, внимательно посмотрел на нее, поцеловал, а потом перевел взгляд на портрет жены.

– О Господи! – сказал он и заплакал.

Через полтора часа, хорошенько поужинав, Френсис окончательно пришел в себя и снова отправился с детьми в свой кабинет, чтобы продолжить прерванный разговор.

– Как я уже говорил, – сказал он, – я не считаю, что честь открытия лишанина принадлежит только мне – все произошло случайно, и Диана воспользовалась тем же стечением обстоятельств. Мои тревоги начались в тот момент, когда я понял, что удалось открыть. В настоящий момент сложилась очень интересная ситуация: вот-вот будет сделано сразу несколько значительных открытий, но никто даже не пытается подготовиться к ним людей. Какой-нибудь антигерон, или даже несколько его разновидностей, должен был появиться уже давным-давно, однако я не слышал ни о ком, кто всерьез задумался бы над проблемами, которые могут возникнуть, когда это вещество будет изобретено. Я и сам не имею ни малейшего представления о том, какой из возможных путей его применения является правильным и принесет человечеству – в конечном

итоге – наименьший вред. Я много думал, и в конце концов меня охватило ужасное беспокойство: мне стало ясно, что появление лишанина может иметь грандиозные последствия. Конечно, не такие впечатляющие, как фейерверки, что устраивают парни, занимающиеся атомом, но действие лишанина может оказаться куда более разрушительным в потенциале...

Вы только представьте себе, что произойдет после того, как будет сделано официальное сообщение. Люди узнают о возможности увеличения продолжительности жизни. Новость распространится по всему миру, как пожар в прерии. Что напишут газеты! Самая древняя мечта человека наконец осуществилась. Подумайте о двадцати миллионах листовок, в которых каждому будет обещано, что он сможет стать Мафусаилом! Интриги, взятки – может быть, даже войны – люди пойдут на все, чтобы получить несколько дополнительных лет жизни; хаос, в который будет повергнут наш и без того перенаселенный мир. Перспективы казались мне – да и сейчас кажутся – ужасными. Три или четыре столетия назад, возможно, мы сумели бы справиться с ситуацией, взять ее под контроль, но в современном мире.

У меня начались кошмары. Они и сейчас изредка меня посещают.

Но это еще далеко не самое худшее. Открытие, сделанное не в том столетии, – это плохо уже само по себе, но здесь неприятности не заканчиваются: я открыл

не тот антигерон.

Я убежден, что если существует один вид, значит, есть и другие. Они более эффективны или менее, но их просто не может не быть. Основная проблема, связанная с лишанином, состоит в том, что лишайник, из которого выделено активное вещество, прислал нам ботаник-путешественник Макдональд, а он утверждает, что этот лишайник растет только в одном месте, причем на территории всего в несколько квадратных миль. Иными словами, его катастрофически мало. А то, что есть, нельзя собирать крупными партиями. По моим подсчетам, запасов хватит на постоянные прививки трем, максимум четырем тысячам человек.

Нетрудно себе представить, чем это все чревато, мы сообщим о нашем открытии, а потом поясним, что воспользоваться им смогут три или четыре тысячи человек. ведь это, видит Бог, "проблема жизни и смерти – кто будет тем счастливецом, который получит право жить дольше других? Почему именно он? Цена лишайника сразу же подскочит до астрономических размеров. К нам вернутся времена золотой лихорадки – только развязка наступит гораздо быстрее. Одна, две недели, может быть, даже несколько дней... и ничего не останется. С лишанином будет покончено. Навсегда!

Чтобы получить нужное количество вещества, необходимо культивировать лишайник на тысячах квадрат-

ных миль, а это совершенно нереально. Если даже не принимать расчет сложностей, которые неминуемо возникнут при приобретении такой огромной территории, вырастить его всеравно не удастся, поскольку абсолютно невозможно организовать надежную охрану – слишком велика цена.

Все эти пятнадцать лет я считал, что существует только один выход из сложившегося положения – нужно найти способ синтезировать антигерон, однако до сих пор мне это не удалось...

Впрочем, существовал еще один вариант: если набраться терпения и подождать, кто-нибудь обязательно откроет другой вид антигерона, источник которого не будет таким ненадежным. Но это по-прежнему остается одной из тех проблем, что может быть решена завтра или через многолет...

Что мне оставалось делать? Я нуждался в человеке, которому мог бы все рассказать, для проведения экспериментов требовались ассистенты. Передо мной встала очень серьезная проблема: кому доверить тайну? Как отобрать людей, способных устоять перед соблазном получить миллионы фунтов – ведь хватило бы всего нескольких ключевых фраз? Даже если бы я и нашел таких людей... нельзя сбрасывать со счетов проблему утечки информации: вскользь брошенного слова, намек было бы достаточно, чтобы кое-кто серьезно призадумался и попытался разнюхать, чем мы тут

в «Дарре» занимаемся. Профессионалу понять это не, стоило бы никакого труда – и тогда, как я и предсказывал, с лишайником будет покончено!

Я не знал, кому мог бы доверять безоговорочно. Вероятно, в подобной ситуации легко потерять чувство реальности. Но вот представьте себе: вы нашли очень надежного человека, а потом в один прекрасный момент он произносит всего лишь одно важное слово, и урон нанесен... В конце концов я пришел к выводу, что в мире есть однаединственная личность, которой можно полностью доверять, – я сам. До тех пор пока я принимаю все меры предосторожности, никому ничего не рассказываю, утечка информации исключена – только так можно рассчитывать на сохранение полной секретности...

С другой стороны, если никто не способен извлечь никакой пользы из моего открытия, его и делать не стоило. Меня абсолютно удовлетворили результаты, полученные при введении лищанина лабораторным животным. Следующая ступень – попробовать действие вещества на себе. Все первоначальные выводы подтвердились. Тогда встал вопрос о вас. Кто, как не вы, должен был в первую очередь выиграть от изобретения вашего отца?

Однако тут снова возникала проблема сохранения тайны. Вы были еще совсем юными. Подобный секрет был бы для вас непосильным бременем. Кроме того,

вы могли случайно проговориться – а ведь ваша фамилия Саксовер, соответствующие выводы сделать было бы совсем нетрудно. Значит, следовало провести все таким образом, чтобы вы ничего не знали.

Теперь я понимаю, что моя затея была обречена на провал. Когда-нибудь вы сами заметили бы, что с вами что-то не так, а потом сомнения появились бы и у всех тех, кто вас окружает. Однако мне сопутствовала удача, и на несколько лет я получил передышку. С тех пор как я сделал первую прививку Полу, прошло десять лет. К сожалению, за все эти годы мне так и не удалось синтезировать лишанин.

Мне кажется, я сделал все, что мог, но этого оказалось недостаточно. Ну а что касается проблем, которые возникли у Дианы Бреккли... Удалось ли ей и в самом деле с ними разобраться, теперь уже не имеет принципиального значения. Пройдет совсем немного времени, и вокруг заговорят: «Вы только посмотрите, как молодо выглядят эти Саксоверы», и кто-нибудь обязательно захочет проведать, в чем тут дело. Так что пришла пора вам узнать всю правду. Но я считаю, что нужно постараться как можно дольше продержат мое открытие в секрете – может быть, удастся избежать кризиса. Здесь каждый месяц на счету.

Наступило долгое молчание, которое прервала Стефани.

– Папочка, а что ты думаешь о роли Дианы?

– Это очень сложный вопрос, моя дорогая.

– Ты довольно спокойно ко всему отнесся, тебя только возмутило название, которое она выбрала для своего салона.

– Да, я повел себя глупо. Сожалею. Сначала я просто разозлился. Потом злость прошла. Конечно, Диана нарушила контракт, но это не кража – ни секунды не сомневаюсь. У меня было пятнадцать лет на раздумья, а я так и не смог решить, как поступить со своим открытием. Не знаю, чем именно занимается Диана, но ей каким-то образом удалось сохранить наше изобретение в тайне. Если бы она этого не сделала, могла бы произойти трагедия, но теперь... Ну, как я уже говорил, скоро наш секрет станет всеобщим достоянием. Нет, я уже не сержусь – в какомто смысле я даже испытал облегчение, узнав, что больше не должен оставаться наедине со своими мучительными мыслями. Но я все равно хотел бы выиграть еще немного времени...

– Если то, что сказала Диана, правда и ей удалось успешно разрешить кризис – тогда ничего существенно не изменилось? – спросила Стефани.

Френсис покачал головой:

– Три дня назад я был один. Теперь мне известно, что Диана все знает, а после сегодняшнего разговора количество людей, которым открылась правда, удвоилось.

– Но только мы, папочка, Пол и я. Если только Диана

не рассказала еще кому-нибудь...

– Она утверждает, что нет.

– Тогда все в порядке.

Пол наклонился вперед.

– Конечно, – перебил он Стефани, – для тебя все осталось по-прежнему, но вот что касается меня, тут гораздо сложнее. Я ведь женат.

Выражение лиц его отца и сестры почти не изменилось

– Пока я ничего не знал – я ничего не знал, и все. Но теперь, когда мне стала известна правда... ну, моя жена тоже имеет право ее знать.

Френсис и Стефани молчали. Стефани сидела не шевелясь, ее волосы разметались по темной обивке кресла. Казалось, девушку совершенно неожиданно заинтересовал рисунок на ковре. Френсис тоже избегал смотреть сыну в глаза. Молчание затянулось и стало неловким. Стефани не выдержала и нарушила его.

– Ты не обязан сразу ей все говорить, Пол. Нам же необходимо время, чтобы самим привыкнуть, увидеть в правильном свете.

– А ты попытайся поставить себя на ее место, – предложил Пол – Как бы ты стала относиться к мужу, который не посчитал нужным сообщить тебе о подобном повороте в его судьбе?

– Подобных поворотов в судьбе до сих пор еще не случилось, – возразила Стефани. – Это очень необыч-

ное и странное событие. Я не говорю, что ты не должен ей рассказать, но можно же отложить разговор до тех пор, пока мы не разработаем какой-нибудь разумный план.

– Она имеет право рассчитывать на то, что ее муж будет вести себя с ней предельно честно, – упрямо заявил Пол.

Стефани повернулась к Френсису:

– Папа, скажи ему, чтобы он немного подождал – пока мы не поймем, как все это может обернуться.

Френсис не сразу заговорил. Он погладил рукой свою трубку, несколько минут задумчиво ее разглядывал, а потом поднял глаза и посмотрел на сына.

– Именно это, – сказал он, – и мучило меня четырнадцать лет. Я молчал, потому что не мог доверить свою тайну ни единому человеку; я никому не доверял абсолютно – с тех пор как умерла ваша мать. Как только идея возникает, никто и никогда не в состоянии предсказать, когда она прекратит развиваться. Единственно надежный способ установить над ней контроль – это сделать все, чтобы она не возникла, не позволить ей дать ростки. Так я считал и, похоже, это было даже разумнее, чем я предполагал.

Он посмотрел на часы.

– Прошло три с половиной часа с той минуты, – продолжал Френсис, – как я выпустил свою тайну на свободу – с тех пор как рассказал вам о своем открытии.

И вот идея уже пустила ростки и сражается за жизнь. Если бы я мог воззвать к холодному голосу разума, думаю, у нас не возникло бы никаких сложностей. Однако, к несчастью, мужья часто забывают о доводах рассудка, когда речь идет об их женах, а те, в свою очередь, ведут себя еще менее благоразумно. Поверь, Пол, я понимаю твои проблемы.

И тем не менее я должен сказать вот что: если ты готов рискнуть и взять на себя ответственность за то, что из-за тебя мир погрузится в пучину трагедии, масштаб которой тебе и не снился, ты сделаешь то, что считаешь благородным; но если тебе хватит мудрости, ты никому, совсем никому, ничего не скажешь.

– И все же, – заявил Пол, – ты несколько минут назад дал нам понять, что, если бы мама была жива, ты ей все рассказал бы.

Френсис ничего не ответил, только не сводил с сына глаз. Пол нахмурился:

– Ну хорошо, я понимаю. Что уж тут говорить! Мне прекрасно известно, что вам обоим Джейн никогда не нравилась. А теперь вы даете мне понять, что не доверяете ей. Ведь именно так обстоит дело, правда?

Стефани пошевелилась, словно собиралась возразить, но передумала. Френсис тоже молчал.

Пол встал и, не глядя на сестру и отца, вышел из комнаты, с грохотом захлопнув за собой дверь. Через несколько секунд они услышали, как мимо окон про-

мчалась машина, направляющаяся в сторону шоссе.

– Не очень хорошо у меня получилось, – печально проговорил Френсис. – Наверное, он ей все-таки скажет?

– Боюсь, что да, папочка. Знаешь, в каком-то смысле он действительно прав. Кроме того, Пол побаивается Джейн – он не знает, как она себя поведет, когда узнает, что ему все было известно, а ей он ничего не рассказал.

– И что будет потом?

– Вероятно, она придет к тебе и захочет, чтобы ты сделал ей прививку лишанина. Впрочем, не думаю, что она это сделает сразу.

Френсис ничего не сказал, лишь кивнул. Чуть позже Стефани добавила:

– Папочка, прежде чем я уйду, хотелось бы узнать побольше... как все это на мне скажется.

ГЛАВА 5

Стефани вышла из лифта и принялась искать в сумочке ключ от своей квартиры. На неудобном стуле, поставленном на площадке исключительно для уюта, а не для того, чтобы на нем сидели, устроился кто-то очень большой. Когда Стефани подошла к двери, человек встал и приблизился к ней. Задумчивость мгновенно покинула лицо девушки, она узнала человека, вспомнила свое обещание и ужасно расстроилась – и все за единую долю секунды.

– О Господи! – не к месту воскликнула она.

– Вот уж это точно, – мрачно произнес молодой человек. – Я должен был зайти за тобой час назад. Что я и сделал.

– Мне страшно стыдно, Ричард. На самом деле я...

– Только ты забыла.

– Да нет, вовсе нет, Ричард... по крайней мере сегодня утром я помнила. Но с тех пор столько всего произошло. Поэтому... у меня просто вылетело из головы.

– Вот уж это точно, – снова проговорил Ричард Треверн.

Он стоял на площадке – высокий, светловолосый, довольно плотный молодой человек – и внимательно смотрел на Стефани. Искреннее смущение девушки

немного остудило его возмущение.

– Что произошло? – поинтересовался он.

– Да... семейные проблемы, – неопределенно ответила Стефани и положила руку на лацкан его пиджака. – Пожалуйста, Ричард, не сердись. От меня ничего не зависело. Нужно было срочно съездить домой. Ты же знаешь, иногда возникают неотложные дела... Мне ужасно жаль, что все так получилось... – Она принялась снова шарить в сумочке, пока наконец не нашла ключ. – Заходи, садись. Дай мне минут десять – я приму душ, переоденусь и буду готова.

Ричард фыркнул, следуя за Стефани в квартиру.

– Через десять минут занавес уже будет поднят вот уже пять минут. Если ты действительно уложишься в десять минут.

Стефани остановилась и с сомнением посмотрела на своего приятеля.

– Ой, Ричард, а ты очень расстроишься, если мы совсем не пойдем? Может быть, лучше отыщем какое-нибудь тихое место, пообедаем и все? Я знаю, с моей стороны это страшное свинство, но сегодня мне совсем не хочется идти в театр. Я думаю, если ты им позвонишь, они смогут продать наши билеты...

Ричард пристально посмотрел на нее.

– Семейный скандал? Кто-нибудь умер? – спросил он.

Стефани покачала головой:

– Просто я пережила некоторое потрясение. Это пройдет... если ты сможешь мне справиться.

– Ладно, – согласился Ричард. – Позвоню. Все в порядке, только я есть хочу.

Стефани положила руку ему на плечо, подставила щеку для поцелуя и, сказав:

– Ты такой милый, Ричард, – умчалась в спальню.

После столь неудачного начала вечер продолжал катиться под гору Стефани решила прибегнуть к искусственному способу улучшения настроения. Прежде чем уйти из дома, она выпила две порции мартини и еще две в ресторане. Это не очень помогло, и тогда она сообщила Ричарду, что только шипучее вино в состоянии поднять ей настроение – так и случилось, но в такой форме, что Ричард был несколько обеспокоен. Впрочем, продолжалось это недолго. В конце обеда Стефани принялась так настойчиво требовать двойную порцию бренди, что Ричард, несмотря на сомнения, посчитал нужным уступить. После этого Стефани раздумала пить и решила поплакать. Похлюпав несколько минут носом, она потребовала еще бренди. Получив категорический отказ, она почувствовала себя несчастной жертвой жестокого обращения и со слезами на глазах возвала к милосердию официанта, который с удивительным тактом помог Ричарду вывести ее протестующее тело из ресторана.

Доставив Стефани домой, Ричард помог ей снять

пальто, после чего посадил девушку в уголок дивана, стоящего в гостиной, где она, устроившись поудобнее, принялась тихонько плакать. Сам же отправился на кухню и поставил чайник. Через некоторое время Ричард вернулся в гостиную с чашкой дымящегося крепкого кофе в руках.

– Давай, всю чашку, – приказал он, когда Стефани на время перестала плакать.

– Не буду! Что это ты тут раскомандовался?!

– Будешь! – настаивал на своем Ричард и оставался возле Стефани, пока она не допила кофе до конца.

После этого девушка снова откинулась на спинку дивана. Она больше не плакала, слезы пролились, не оставив никаких следов – сияющие глаза, чуть покрасневшие веки, а в остальном ясное, чистое лицо – такое могло бы быть у ребенка. Действительно, подумал Ричард, внимательно глядя на Стефани, именно так: у нее лицо ребенка. Трудно было поверить, что расстроенной девушке, сидящей на диване с мокрым платочком в руках, больше семнадцати лет.

– Ну, – ласково промолвил он, – что происходит? В чем дело?

Стефани молча покачала головой.

– Перестань дурить, – мягко проговорил Ричард. – Люди вроде тебя обычно не напиваются без причины. А те, у кого к этому делу привычка, нуждаются в гораздо большем количестве спиртного.

– Ричард! Ты что, хочешь сказать, будто я написала? – с возмущенным видом поинтересовалась Стефани.

– Именно. Ну-ка выпей еще чашку кофе, – велел он.

– Нет!

– Да, – Ричард был непреклонен.

Стефани с обиженным видом выпила полчашки.

– А теперь давай выкладывай, – сказал он.

– Нет. Это тайна, – ответила Стефани.

– Ну и черт с ним. Я умею хранить секреты. Разве я смогу тебе помочь, если не буду знать, что произошло?

– А ты не сможешь, и никто не сможет. С-секрет, – заявила она.

– Иногда помогает просто поговорить, – посоветовал Ричард.

Стефани долго смотрела на него, потом глаза у нее заблестели, и в них снова появились слезы.

– О Господи! – сказал Ричард. Поколебавшись, он подошел к ней, уселся рядом на диван и взял за руку. – Послушай, Стефи, милая, иной раз кажется, будто весь мир ополчился против тебя... когда ты один. Все это так на тебя не похоже, Стефи.

Она вцепилась в его руку, по щекам потекли слезы.

– Я б-боюсь, Ричард. Я не хочу этого. Не хочу.

– Чего ты не хочешь? – ничего не понимая и беспомощно глядя на Стефани, спросил Ричард.

Она покачала головой.

Неожиданно он весь напрягся, задумчиво посмотрел на нее, а потом сказал:

– О! – И после короткого молчания добавил: – Ты только сегодня узнала?

– Сегодня утром, – объяснила Стефани. – Но я, на самом деле... ну, сначала мне это показалось таким восхитительным.

– О! – снова выдохнул Ричард.

Повисло молчание, которое продолжалось почти целую минуту. Затем он неожиданно повернулся к Стефани и обнял ее за плечи.

– Господи, Стефи... милая... почему ты не подождала меня?

Стефани печально и удивленно посмотрела на него.

– Кто? – сердито спросил он. – Ты только скажи мне, кто это, и я... я... Кто это сделал?

– Как кто? Папа, конечно! – ответила Стефани. – Он хотел как лучше, – прибавила она, стараясь быть справедливой.

У Ричарда отвисла челюсть и сами собой опустились руки. В течение нескольких секунд он выглядел так, словно его треснули по голове каким-то очень тяжелым предметом. Ему явно нужно было время, чтобы прийти в себя. Наконец он мрачно заявил:

– Похоже, мы говорим о разных вещах. Давай-ка выясним: чего это ты так страстно не хочешь иметь?

– Ричард, почему ты такой злой? – жалобно прого-

ворила Стефани.

– Я злой? Проклятье, я тоже только что пережил потрясение. А теперь я бы хотел, черт побери, знать, о чем мы с тобой говорим? И больше ничего.

Стефани растерянно посмотрела на него:

– Как о чем, обо мне, конечно. Обо мне и о том, что я буду продолжать, и продолжать, и продолжать. Ты только подумай об этом, Ричард. Все постареют, устанут от жизни, умрут, а я буду продолжать одна, продолжать и продолжать. Теперь мне это уже не кажется восхитительным, Ричард, я боюсь. Я хочу умереть, как все остальные. Не продолжать и продолжать – а просто любить и жить, а потом стать старой и умереть. Больше мне ничего не надо. – Она умолкла, и слезы снова потекли по щекам.

Ричард внимательно ее разглядывал.

– Началась стадия мрачных рассуждений, – констатировал он.

– Это и правда ужасно мрачно – продолжаешь, и продолжаешь, и продолжаешь. Кошмар, – уверенно заявила она.

Ричард же твердо сказал:

– Знаешь что, Стефи, хватит этой чепухи – «продолжаешь и продолжаешь». Кончай, пора отправляться в постельку. Попытайся утешиться размышлениями о грустной стороне данного вопроса: «Утром все зеленое и растет – а вечером его срубают и высушивают».

Лично я предпочитаю, чтобы оно продолжалось и продолжалось, а высушивание можно было бы отложить.

– Но двести лет – это слишком много, чтобы продолжать, и продолжать, и продолжать – так я думаю. Это такой длинный, длинный путь, чтобы идти по нему в полном одиночестве. Двести лет... – Она вдруг замолчала, глядя на Ричарда широко раскрытыми глазами. – Ой-ой-ой! Нельзя говорить. Забудь, Ричард. С-секрет. Ужасно важный.

– Да ладно, Стефи, милая. Со мной твой секрет в безопасности. А теперь давай отправляйся спать.

– Не могу. Помоги мне, Ричард.

Он поднял ее на руки, отнес в спальню и положил на кровать. Стефани крепко обняла его за шею.

– Останься, – попросила Стефани. – Останься со мной. Пожалуйста, Ричард.

Он с трудом расцепил ее руки.

– Ты перебрала, милая. Постарайся расслабиться и заснуть. Утром все будет в порядке.

На глазах Стефани снова появились слезы.

– Мне так одиноко, Ричард. Я боюсь. Совсем одна. Ты умрешь, все умрут – кроме меня, а я буду продолжать, и продолжать, и продолжать...

Ричарду удалось высвободиться, и он решительно опустил руки Стефани на кровать. Девушка отвернулась и заплакала, уткнувшись лицом в подушку. Он постоял несколько минут около ее постели, затем нахло-

нился и нежно поцеловал в ухо. Оставив дверь в спальню слегка приоткрытой, Ричард вернулся в гостиную и закурил. Не успел он докурить свою сигарету, как рыдания начали стихать, а потом и вовсе прекратились. Когда Ричард погасил свет Стефани уже тихонько посапывала.

Ричард осторожно прикрыл дверь, взял шляпу и пальто и вышел из квартиры.

Рассказать Джейн оказалось совсем не так просто, как предполагал Пол. Начать с того, что он забыл о приглашении на коктейль, на который Джейн очень хотелось пойти. Его опоздание было встречено холодным недовольством; когда же Пол предложил вообще не ходить на вечеринку, последовал ледяной отказ. Весь вечер они ели что-то при помощи маленьких вилочек – а-ля фуршет, – и настроение совсем испортилось. Так что дома им пришлось устроить поздний ужин – что тоже не способствовало созданию подходящего настроения для столь важного заявления. Поэтому Пол решил подождать до того момента, когда они окажутся в постели. Но, забравшись под одеяло, Джейн решительно повернулась к нему спиной, явно намереваясь спать.

Пол выключил свет. Сначала он хотел было рассказать обо всем в темноте, но потом, наученный горьким опытом, отказался от этой мысли. Пока он колебался, дыхание Джейн стало ровным, и вопрос решился сам собой. Откровения придется отложить до завтра.

Характер Джейн сложился под влиянием обстоятельств, которые практически не коснулись Саксоверов; самыми важными из них были финансовые проблемы, в то время, как в семье Саксоверов деньги всегда являлись побочным продуктом и имели свойство увеличиваться почти что самостоятельно. Джейн же, сколько себя помнила, постоянно слышала разговоры о том, что денег становится все меньше и меньше.

Ее отец, полковник Партон, всю жизнь прослуживший в регулярной армии, вышел в отставку и поселился в своем поместье в Камберленде; обстоятельства складывались так, – что ему постоянно приходилось распродавать его по частям, так что в результате остался лишь маленький клочок земли. Единственный сын полковника от первого брака, Генри, был весьма симпатичным парнем, имевшим успех у женщин. Однако он не использовал свой шанс – скандал с дочерью ректора положил конец надеждам полковника на удачную женитьбу сына. Угроза окончательно потерять поместье становилась все реальнее.

Таким образом, полковник Партон с неохотой обратил свой взор на дочь, поскольку даже в нынешние времена послушная дочь, хорошо знакомая с жесткими фактами жизни, могла спасти положение. Если у девушки есть определенные способности, стоит вложить в нее капитал. В любом случае без риска никак не обойтись: нет никакого смысла откладывать деньги на

Черный день, когда министерство финансов нависает над ними, как неотвратимый рок. Итак, Джейн отправили в дорожную частную школу, выпускной год она провела в Париже, потом сезон в Лондоне и, после ряда разочарований, вышла замуж за Пола.

Френсису хотелось бы, чтобы его сыну досталась не такая жена, он не сомневался, что семейное состояние сыграло существенную роль в принятии решения. Однако он тут же вспомнил других кандидаток, которые нравились ему еще меньше, – и не стал особенно возражать. Кроме броской внешности Джейн обладала известной толикой уверенности в себе. Ее манера держаться точно соответствовала правилам поведения молодой женщины ее круга. Она знала, как вести себя в обществе, жестко подчинялась запретам и с необходимым почтением относилась ко всем заповедям, выполнение которых стало модным в последние годы. Вне всякого сомнения, Джейн обладала всеми необходимыми качествами, чтобы стать отличной женой и хозяйкой дома.

Кроме того, она прекрасно знала, чего хочет и что намеревается предпринять в будущем, а это, с небольшими допущениями, с точки зрения Френсиса, было полезным качеством. Полу не подошла бы женщина со слабым характером.

И тем не менее Пол был прав, когда сказал, что ни его отец, ни сестра не любили Джейн. Они пытались,

Френсис был готов предпринимать все новые и новые попытки, но Стефани довольно быстро сдалась.

– Мне ужасно жаль, папа, – призналась она однажды Френсису, – я сделала все, что могла, однако мне кажется, мы с ней живем в разных мирах и смотрим на вещи по-разному. Она ни о чем не думает – точно ее запрограммировали, как компьютер, в котором заложена заранее определенная система реагирования. Она слышит что-то, оценивает, отказывается от всего лишнего, приходит в действие механизм реагирования, щелк-щелкщелк – и появляется закодированный ответ, который могут расшифровать люди, владеющие ключом.

– А не слишком ли ты нетерпима? – спросил Френсис. – В конце концов, мы все ведем себя так, когда нам представляется, что мы правы, разве нет?

– До определенной степени, – согласилась Стефани. – Только некоторые, как кассирша, всегда ошибаются в свою пользу.

Френсис задумчиво посмотрел на дочь.

– Думаю, нам следует отказаться от этой аналогии, – сказал он. – Мы должны сделать все возможное, чтобы сохранить в нашей семье отношения, принятые среди цивилизованных людей.

– Естественно, – ответила Стефани, а потом добавила, словно эта мысль пришла ей в самый последний момент: – Хотя это как раз то, о чем я тебе и говорила

— «цивилизованный» одно из слов, которые Джейн понимает совсем иначе, чем мы с тобой.

С тех пор Стефани намеренно избегала Джейн, что устраивало обеих.

А это, подумал Пол, когда решал, как лучше сообщить новость жене, не сделает предстоящий разговор приятнее.

Он понимал, что утро — не самое лучшее время для обсуждения этой проблемы. С другой стороны, вечером им снова предстояло идти в гости, поэтому завтра утром он окажется в точно таком же положении, а Пол знал, что чем больше он откладывает, тем уверенней будет себя чувствовать Джейн. В конечном счете он решился на прямые действия: за второй чашкой кофе обо всем рассказал.

Правила поведения не предусматривали подходящего ответа для молодой женщины, муж которой сообщил за завтраком, что собирается прожить двести лет.

Сначала Джейн Саксовер посмотрела на него пустыми глазами, потом ее взгляд стал более внимательным. Большая часть лица Пола была скрыта бородой, однако в таких случаях нужно прежде всего наблюдать за глазами. Она искала веселые искорки розыгрыша, сдерживаемое напряжение, но ничего подобного ей увидеть не удалось. Отсутствие улик, к несчастью, не могло ее удовлетворить: жена всегда чувствует себя спокойнее, когда всякое отклонение от нормы можно

объяснить традиционными причинами, и чем они банальнее, тем лучше. Даже тот факт, что вчера она ничего особенного не заметила, был с легкостью отброшен. Она решила сделать вид, что плохо расслышала, чтобы дать мужу возможность отказаться от своих слов и выйти из затруднительного положения без потери лица.

– Ну, – рассудительно проговорила Джейн, – за последние пятьдесят лет средняя продолжительность жизни заметно увеличилась. Вероятно, уже следующие поколения смогут жить лет до ста.

Человек всегда начинает злиться, когда его полное драматизма заявление встречают подобным образом.

– Я не говорил «сто лет», – раздраженно возразил Пол. – Я говорил «двести».

Джейн еще раз внимательно взглянула на мужа:

– Пол, а ты хорошо себя чувствуешь? Я ведь просила не пить разных коктейлей. На тебя это всегда плохо...

Терпение Пола лопнуло.

– О Господи, до чего же женщины банальны! – воскликнул он. – Неужели у тебя совсем нет воображения?

Джейн мрачно посмотрела на него через стол:

– Если ты собираешься меня оскорблять...

– Сядь на место! – рявкнул он. – И перестань отвечать мне стандартными фразами. Сядь и послушай. То, что я говорю, касается и тебя тоже.

Джейн хорошо знала, что в соответствии с неписаными законами стратегии сейчас самый подходящий момент уйти – противник будет смущен, его атака потеряет стройность, а состояние духа упадет. С другой стороны, Пол казался серьезно озабоченным, поэтому, что было для нее совсем не характерным, Джейн заколебалась. Когда он снова закричал: «Сядь и послушай!», она так удивилась, что не стала спорить.

– А теперь, – заявил Пол, – если ты хоть немного подумаешь, прежде чем начнешь опять пороть чепуху, то поймешь: сейчас я собираюсь сказать тебе нечто очень важное.

Джейн выслушала его, не перебивая. Когда Пол закончил, она сказала:

– Пол, неужели ты думаешь, что я тебе поверю? Это совершенно фантастично! Твой отец, наверное, просто пошутил.

Пол сжал кулаки. Он сердито посмотрел на жену, потом выражение его лица изменилось, и он вздохнул.

– Да, похоже они были правы, – устало произнес он. – Лучше бы я ничего тебе не говорил.

– Кто был прав?

– Ну, отец и Стефани, конечно.

– Иными словами, они не хотели, чтобы ты мне рассказал?

– Да. Какое это имеет значение?

– Так, значит, ты не шутишь?

– Ради Бога! Во-первых, ты достаточно хорошо знаешь моего отца – он не станет так шутить, во-вторых, предполагается, что шутка должна быть смешной. Ну а теперь скажи, что в этом смешного, я с удовольствием послушаю.

– Почему они не хотели, чтобы я обо всем узнала?

– Ну, дело не простое. Они хотели, чтобы я рассказал тебе попозже, когда будет решено, как вести себя дальше,

– И это несмотря на то, что я твоя жена и член семьи?

– Проклятье! Старик ничего не говорил ни мне, ни Стефани до вчерашнего дня.

– Но ты ведь мог догадаться. Сколько времени это уже продолжается?

– С тех пор, как мне исполнилось семнадцать, а Стеф – шестнадцать.

– И ты хочешь, чтобы я поверила в то, что ты ни о чем не догадывался?

– Ну, ты же не поверила, когда я тебе прямо все сказал, не так ли? Сама подумай: можно догадаться о какой-нибудь возможной ситуации, но кому придет в голову предполагать нечто совершенно невероятное? Дело было так...

И он рассказал Джейн о том, что отец говорил им со Стефани, когда ежегодно вшивал детям маленькие капсулы с лишанином.

– Заживало все очень быстро, – закончил Пол, – оставался лишь едва различимый бугорок под кожей, вот и все. Как я мог догадаться, что за этим стоит на самом деле?

Джейн с сомнением посмотрела на него:

– Но должен же был быть какой-то эффект. Неужели ты ничего не замечал?

– Почему же, – ответил Пол, – я видел, что очень редко подхватываю простуду. За десять лет только один раз болел гриппом, да и то в легкой форме. И еще я обратил внимание на то, что любые царапины и порезы быстро заживают и никогда не гноятся. Я заметил то, что мог заметить. Почему я должен был обратить внимание на что-нибудь другое?

Джейн решила переключиться на другие вопросы.

– А почему именно двести лет? Откуда такая точность? – поинтересовалась она.

– Потому что эта штука так действует. Я еще не знаю всех деталей, да мне и не понять механизма. Отец сказал, что лишанин уменьшает скорость деления клеток примерно в три раза – таким образом, за каждые три года, с тех пор как отец начал делать мне прививки, мой организм старел на один.

Джейн задумчиво посмотрела на мужа.

– Понятно. Значит, при том, что тебе двадцать семь, твоему организму – около двадцати лет. Именно это ты имел в виду?

Пол кивнул:

– Да, я понял объяснения отца именно так.

– Но ты не заметил такой мелочи?

– Конечно, я заметил, что для своего возраста выгляжу очень молодо – поэтому и отпустил бороду. Но и другие люди нередко кажутся моложе своих лет.

Джейн бросила на него скептический взгляд.

– Ну, что ты теперь придумала? – сердито спросил

Пол. – Пытаешься убедить себя, что я все от тебя скрывал? Теперь, когда мы знаем, в глаза начинают бросаться многие детали. Черт побери, разве ты сама не замечала, как редко мне нужно стричься, как долго росла моя борода? Почему у тебя не возникло никаких подозрений?

– Ну, – задумчиво заметила Джейн, – если ты мог не обратить внимания на все эти мелочи, Стефани должна была.

– Не понимаю, почему ей следовало догадаться раньше. Наоборот – ей ведь не нужно бриться, – ответил Пол.

– Дорогой, – заметила Джейн язвительно, – со мной тебе не обязательно прикидываться дурачком.

– А я и не прикидываюсь... Ах вот ты о чем, понимаю, – ответил немного смущенно Пол. – И все же я не думаю, что она догадалась. Тому не было никаких свидетельств. Правда, она сообразила, что к чему, быстрее меня, когда отец нам все рассказывал.

– Она должна была догадаться, – повторила Джейн. – Стефани очень часто бывала в «Дарре». И даже если она сама не сообразила, кто-нибудь мог обронить неосторожное слово, считая, что она в курсе дела.

– Но я же говорил тебе, – терпеливо сказал Пол. ~ Никто об этом не знает – по крайней мере отец так считал до тех пор, пока не позвонила Диана.

Джейн еще немного подумала, а потом покачала головой:

– Как можно быть таким наивным? Пол, ты, я вижу, даже не сообразил, что все это значит. Миллионы, многие миллионы! Существуют сотни мужчин и женщин, которые с удовольствием заплатят тысячи фунтов, чтобы продлить свою жизнь. Ведь даже самые богатые никогда не могли купить себе одного лишнего дня. Неужели ты думаешь, я поверю в то, что твой отец так ничего и не сделал со своим изобретением, лишь вшивал вам со Стефани эти волшебные шарики? Ради Бога, Пол, у тебя есть хоть немного здравого смысла?

– Ты просто не понимаешь. Дело совсем не в этом. Конечно, он не равнодушен к славе, да и от денег не стал бы отказываться. Но отца беспокоит другое. Теперь у него есть время, чтобы...

Джейн неожиданно перебила его:

– Ты хочешь сказать, что он и себе вводит лишанин?

– Естественно. Как он мог начать давать его нам, не

проверив сначала?

– Но, – Джейн так сильно вцепилась в стол, что костяшки ее пальцев побелели, – ты хочешь сказать, что он тоже проживет двести лет? – нервно спросила она.

– Ну, конечно нет. Он же начал, когда был гораздо старше.

– Тем не менее он сумеет продержаться больше ста лет?

– Несомненно.

Джейн пристально взглянула на мужа. Она уже открыла было рот, чтобы что-то сказать, но потом передумала.

Пол добавил:

– Проблема заключается в том, что он не знает, как преподнести свое изобретение. Он хочет избежать как-таклизмов.

– Мне не понятно, какие тут могут быть проблемы, – заявила Джейн. – Покажите хоть одного богатея, который с удовольствием не расстался бы с целым состоянием, чтобы получить подобное лечение! Кроме того, этот человек будет сам заинтересован в сохранении тайны. Я не сомневаюсь, что именно так все и происходит.

– Ты хочешь сказать, что мой отец может так поступать?

– Да брось ты! Он толковый бизнесмен и разумно ведет свои дела, ты же это сам всегда говорил. Поэтому-

му я тебя и спрашиваю, как мог деловой человек в течение четырнадцати лет упускать такую возможность? Бессмыслица!

– Значит, ты считаешь, что, раз отец не смог начать продавать лишанин, как какое-нибудь моющее средство, он решил продавать его тайно?

– А какая от лишанина польза, если его нельзя продавать тем или иным способом? Рано или поздно это все равно придется сделать. Очевидно, не выкинув на открытый рынок свое изобретение, он может получить очень высокую цену, продавая это чудодейственное средство избранным. И какую высокую! Как только ему удастся убедить покупателя в качестве продукта, любой отдаст ему половину своего капитала. – Джейн немного помолчала, затем продолжила: – А ты какое к этому имеешь отношение? Он все это время наживался, а ты даже ничего не знал, пока не произошло утечки информации и твой папаша не сообразил, что сливки уже сняты, ты обязательно все узнаешь. Вот тогда-то он и решил поделиться с тобой своим секретом!

Он уже, наверное, сделал на этом миллионы – и держит их при себе... а еще он увеличил продолжительность своей жизни. Сколько пройдет времени, прежде чем мы что-нибудь получим – столетие, или еще больше?

Пол смущенно посмотрел на жену. Теперь пришла его очередь колебаться. Заметив выражение его лица,

Джейн заявила:

– Нет ничего дурного в том, чтобы смотреть правде в глаза. Старики умирают, а молодые получают наследство – это вполне естественно.

Тут Пол не выдержал и принялся возражать:

– Ты все неправильно поняла, – повторил он. – Если бы отец хотел быть очень богатым, он уже давно изменил бы свою жизнь: все в «Дарре» было бы устроено иначе, более того, фирма уже давно прекратила бы свое существование. Отца прежде всего интересует работа, и так было всегда. Его беспокоят последствия. А что до твоего предположения относительно тайных продаж, вроде врача, который делает подпольные аборт – это просто чушь собачья. Ты же прекрасно знаешь, что он не такой.

– Каждый человек имеет свою цену... – начала Джейн.

– Кто же спорит, но это не обязательно выражается в деньгах.

– Если не деньги, значит, власть, – заявила Джейн. – Деньги это и есть власть. Если у тебя их достаточно, твоя власть ничем не ограничена, так что в конечном счете результат тот же.

– Отец никогда не страдал манией величия. Он ужасно беспокоится о том, к чему может привести обнародование его открытия. Если ты с ним поговоришь...

– Если! – воскликнула она. – Мой дорогой Пол, я обязательно поговорю с ним. Мне очень многое нужно ему сказать – например, почему он скрыл от нас свои планы и признался лишь тогда, когда все пошло наперекосяк. И не только это. Похоже, ты не понимаешь, что он сделал со мной – твоей женой, своей невесткой. Если все, что ты сказал, правда, значит он сознательно дал мне стать на два года старше, хотя это могло бы быть всего восемь месяцев. Он хладнокровно лишил меня шестнадцати месяцев жизни. Ну, что ты на это скажешь?..

ГЛАВА 6

– Я бы хотел написать об этом статью. Там происходит что-то интересное. Не сомневаюсь, – сказал Джеральд Марлин.

– Очень модное заведение, «Нефертити». Тут нужно быть абсолютно уверенным в своих источниках, – ответил редактор «Санди Проул».

– Естественно. Именно такое заведение и заинтересует наших читателей, в особенности скандал. Скандал из жизни богатых.

– М-м, – с сомнением промычал редактор.

– Послушайте, Билл, – продолжал настаивать на своем Джеральд. – Эта женщина по фамилии Уилбери вытрясла из них пять тысяч фунтов. Пять тысяч – я сильно сомневаюсь, что ей удалось бы получить столько же, обратись она в суд. Конечно, крылышки ей малость подрезали: она хотела получить десять тысяч. Вы же не станете спорить: это дурно пахнет.

– Роскошные заведения, вроде «Нефертити», готовы оплатить баснословные суммы, чтобы только их не стали таскать по судам. Такая слава им не нужна.

– Но ведь пять тысяч!

– Всего лишь обычные расходы, вроде налогов, что нужно платить министерству финансов. – Редактор

немного помолчал. – По правде говоря, Джеральд, я очень сомневаюсь, что тут что-то нечисто. У этой Уилберри всего лишь аллергия. С любым может случиться-ся.

И очень даже часто случается. Раньше было очень модно снимать под этим предлогом денежки с парикмахеров, пользующихся разными новыми красками для волос. Одному Богу известно, что кладут во всякие кремы, лосьоны, примочки и что там еще они применяют в этих заведениях. Предположим, у тебя аллергия на китов.

– Если бы у меня была аллергия на китов, точнее, на китовый жир, мне не нужно было бы идти в шикарный салон красоты, чтобы об этом узнать.

– Представь себе, пришел кто-нибудь и сказал: «Вот последнее достижение науки, которое будет верой и правдой служить Красоте! Потрясающая вещь, редкий дар Природы, которую можно обнаружить только в июне в левом желудочке осы, откуда опытные ученые, посвятившие всю свою жизнь тому, чтобы подарить ВАМ новую красоту, извлекают драгоценное вещество по капле!» Ну и как ты узнаешь, есть у тебя аллергия именно на эту муть или нет, пока не попробуешь ее на собственной шкуре? Кроме того, большинство будут чувствовать себя прекрасно, и лишь время от времени, в одном случае из тысячи найдется кто-нибудь, у кого этот препарат вызывает, скажем, сыпь. Несколько не-

удач – всего лишь несчастный случай на производстве, коим и можно считать эту Уилберри. Она что-то вроде предусмотренного профессионального риска, как, например, процент брака на заводе. Однако, естественно, шумиха никого не устраивает, и они стараются ее избежать.

– Да, но...

– Знаешь, старик, мне кажется, ты не понимаешь, что значит связываться с подобными заведениями – со всеми вытекающими последствиями.

– Билл, мы с вами явно не о том говорим. Я не сомневаюсь, что здесь дело нечисто; не знаю, в чем это заключается, просто чувствую. Эта Уилберри с радостью согласилась бы на триста, или даже двести фунтов, но ее адвокаты твердо стояли на пяти тысячах и получили их. Должна быть какая-то причина – ясно, наркотики тут ни при чем – по крайней мере Скотленд-Ярд не нашел ничего, указывающего на применение наркотиков; они ведь присматривают за подобными заведениями, это всем известно.

– Ну, если они удовлетворены...

– Следовательно, раз дело не в наркотиках, значит, в чем-то другом.

– Предположим, однако дорогостоящие салоны красоты кричат на всех углах, что владеют баснословно ценными секретами – только я не понимаю вот чего: если то, что они говорят, правда, почему же тогда все

женщины поголовно не превратились давным-давно в ослепительных красоток.

– Ну хорошо, будем считать, что дело всего лишь в профессиональном секрете, который позволил создать заведение высокого класса, приносящее его владельцам немалый доход... Тогда почему бы нам не попытаться разнюхать, в чем там у них дело, и не порадовать наших читателей, приоткрыв завесу тайны?

Редактор задумался.

– В этой идее что-то есть, – признал он наконец.

– Конечно, есть! Что-то в ней точно есть. Если дело тут нечисто, или нам удастся выведать потрясающий рецепт, дарующий всем и каждому неувядаемую красоту, мы в любом случае окажемся в выигрыше.

Оба задумались.

– Кроме того, эта Брекли – владелица заведения – очень странная особа. Совсем не типичная. Умна – я имею в виду не обычную деловую хватку. Я немного тут покопался, кое-что узнал про нее.

Марлин нащупал в кармане несколько сложенных листков бумаги и протянул их своему шефу.

Редактор развернул листки и прочитал заголовок: «Диана Присцилла Брекли – предварительные заметки». Заметки были напечатаны на машинке кем-то, кого гораздо больше занимала скорость, чем правильность написания. Не обращая внимания на опечатки, ошибки и сражаясь изо всех сил с дикими, с точки зрения

здорового смысла, сокращениями, редактор прочитал:
"Д. П. Брекли, тридцать девять лет, говорят, выглядит гораздо моложе (следует проверить, правда это или вымысел, может иметь отношение к ее профессии). Красива. Пять футов десять дюймов, темно-рыжие волосы, правильные черты лица, серые глаза. Водит роскошный «роллс-ройс», который стоит примерно семь тысяч. Адрес: Дарлингтон-Оуэншнс, 83, платит за квартиру астрономические деньги.

Отец: Гарольд Брекли, умер, банковский служащий (Уэссекский Банк), примерный работник, постоянный член театральной труппы банка. Жена Мальвина, вторая дочь Валентина де Траверса, богатого подрядчика, сбежала с мужем без согласия родителей. В. де Т. – суровый отец: отказал от дома и заявил, что не даст ни пени.

Семья Брекли жила в доме номер 43 Деспент-роуд, Клэпхэм, 3 особняке на две семьи, небольшой залог. Интересующая нас особа – единственный ребенок. Местная частная школа – до одиннадцати лет. Затем колледж святого Меррина. Училась прекрасно. Получила стипендию в Кембридже. Разного рода награды и дипломы. Биохимия. Три с половиной года работала в «Дарр Девелопментс», в Окинхэме.

Тем временем В. де Т. умер. Так и не простил дочь и зятя, но оставил наследство внучке. Интересующая нас особа получила около сорока или пятидесяти ты-

саяч в возрасте двадцати пяти лет. Через полгода оставила работу в «Дарре». (Примечание: после – очень разумно.) Построила дом для родителей возле Эшфорда, Кент. Предприняла кругосветное путешествие – отсутствовала год.

Вернувшись, купила партнерство в маленьком салоне красоты «Фрешет», где-то в Мейфере. Через два года выкупила долю своего партнера. Через год превратила «Фрешет» в новое заведение под названием «Нефертити Лимитед» (частное предприятие: уставной капитал 100 фунтов). С тех пор имеет дело только с самыми богатыми и знатными членами общества.

Подробностей о личной жизни почти нет, несмотря на специфический характер ее занятий. Насколько известно, замужем до сих пор не была – по крайней мере сохранила свою девичью фамилию. Живет на широкую ногу, но не вызывающе. Много тратит на одежду. Никаких побочных занятий, хотя проявляет интерес к Джойнингам, производящим химические вещества. В темных делах не замешана. Производит впечатление честного человека. Безукоризненная деловая репутация. Весь персонал «Нефертити» тщательно отбирается. Слишком хорошо, чтобы быть правдой? Думаю, нет. Просто старательно поддерживаемая безупречная репутация. Даже нападки конкурентов незначительны.

Личная жизнь: не известно. Складывается впечатление

ние, что в данный момент отсутствует, как и в недавнем прошлом, однако изучение данного вопроса продолжается".

– Гм-м, – проворчал редактор, дочитав до конца. – Портрет не вырисовывается.

– Ну, это же всего лишь предварительное исследование, – проговорил Джеральд. – Можно узнать поподробнее. Я считаю, что это интересно. Работа в «Дарре», например. Туда принимают только самых толковых – это своего рода знак отличия. Так вот мне страшно интересно, что может заставить исследователя такого калибра оставить серьезные занятия наукой и с головой погрузиться в мир косметики?

– Вполне естественное желание иметь «роллсройс» со всеми надлежащими аксессуарами, – предположил редактор.

Джеральд покачал головой:

– Нет, этого недостаточно, Билл. Если бы она хотела заработать побольше денег, реклама была бы поставлена по-другому. Обычно они стараются переплюнуть конкурентов и править бал в одиночку. Давайте посмотрим на дело с иной стороны. Брекли, полнейший чужак, врывается в этот парфюмерный мир, где каждый источает яд, а за улыбками скрывается желание воткнуть нож в спину. И что же? Она не только сумела выжить, но и добилась успеха, настоящего, классического успеха – не воспользовавшись при этом обычным

оружием. Как? Есть только один ответ на этот вопрос, Билл, – изобретение. У нее есть то, чего нет у других. Судя по ее досье, я полагаю, что она наткнулась на что-то во время работы в «Дарре» и решила сделать на этом деньги. Носит ли это изобретение сомнительный характер, сейчас сказать трудно, но я считаю, нам следует попытаться выяснить.

Редактор еще немного подумал, а потом кивнул:

– Ладно, Джерри, попробуй разнюхать, что же там все-таки происходит. Только действуй крайне осторожно. Многие очень известные женщины посещают «Нефертити». Если дело выльется в серьезный скандал, в нем могут оказаться замешанными жены высокопоставленных особ. Не забывай об этом, пожалуйста.

– Я передам мадам, что вы пришли, мисс, – сказала молоденькая горничная и удалилась, прикрыв за собой дверь.

Комната была чересчур строгой, на вкус Стефани, ей она даже показалась немного старомодной, слишком застывшей по современным стандартам, но в этом был особый шарм – вкус декоратора не вызывал сомнений, и после первой реакции отторжения вам даже начинало нравиться. Стефани подошла к окну. Она увидела, что через прозрачную стеклянную дверь можно выйти на крышу в маленький садик. На нескольких клумбах уже расцвели карликовые тюльпаны. В тени тщательно подстриженных кустов росли фиалки. В од-

ном из углов миниатюрной лужайки был устроен красивый фонтан. Сбоку от ветра сад защищала стеклянная стена. За невысокой изящной железной оградой виднелись теряющиеся в тумане очертания зданий и свежая зелень парка.

– Вот это да! – воскликнула Стефани с откровенной завистью.

Услышав, что дверь открылась, она обернулась. На пороге стояла Диана в простом, но отлично сшитом костюме из серого шелка. Единственными украшениями служили простой золотой браслет на запястье, золотая булавка на лацкане пиджака и тонкая золотая цепочка на шее.

Они молча смотрели друг на друга.

Диана почти не изменилась. Стефани знала, что ей сейчас около сорока; выглядела она, ну, скажем, лет на двадцать восемь, никак не больше.

Стефани смущенно улыбнулась:

– У меня такое ощущение, что я снова стала маленькой девочкой.

Диана улыбнулась ей в ответ.

– Ну, сейчас ты выглядишь так, словно с нашей последней встречи прошло совсем немного времени, – сказала она Стефани.

Они продолжали разглядывать друг друга.

– Это правда. Оно действует, – прошептала Стефани, скорее для себя, чем для Дианы.

– Посмотри в зеркало, – сказала Диана.

– Ну, этого недостаточно. Моя внешность еще ничего – не доказывает. А вот ты – ты такая же красивая, Диана – и совсем не постарела.

Диана взяла ее за руки, а затем обняла.

– Ты, наверное, была потрясена, когда все узнала.

Стефани кивнула.

– Сначала, да, – призналась она. – Я чувствовала себя такой одинокой. Теперь начинаю привыкать.

– По телефону твой голос звучал немного напряженно. Я посчитала, что лучше встретиться здесь, где мы сможем спокойно поговорить, – объяснила Диана. – Впрочем, об этом позже. Сначала я хочу услышать о тебе, как ты и твой отец жили все это время, расскажи и про «Дарр» тоже.

Они заговорили, и постепенно Диане удалось успокоить Стефани. Девушка уже не чувствовала, что неожиданно вернулась в прошлое. К тому моменту когда наступило время ужина, впервые после того, как Френсис во всем признался, внутреннее напряжение немного отпустило Стефани. Однако когда они вернулись в гостиную, Диана обратилась наконец к причине ее визита.

– Ну а теперь, моя дорогая, что ты хочешь, чтобы я сделала? В чем проблема? С твоей точки зрения.

Стефани неуверенно ответила:

– Ну, некоторые мои сомнения ты уже развеяла. Раз-

говор с тобой придал мне уверенности. У меня было ощущение, что я стала каким-то уродом – не знаю даже, как поточнее выразиться. Я действительно хочу понять, что происходит. В голове у меня все перепуталось. Папочка сделал открытие, которое должно... ну, оказать влияние на все последующие века. Он станет так же знаменит, как Ньютон, Дженнер* и Эйнштейн, ведь правда? И вместо того чтобы насладиться славой первооткрывателя, он просто затаился. И считал, что тайна известна ему одному, а оказалось, ты все знала – но почему-то тоже молчала все эти годы. Не понимаю. Конечно, папа говорит, что лишанина совсем немного, чтобы с ним можно было что-нибудь делать, но ведь с новыми открытиями так часто бывает. Как только становится известно, что это возможно, считай, полдела уже сделано: все, как безумные, начинают заниматься исследованиями, и на свет рождаются альтер* Эдвард Дженнер (1749-1823) – английский врач, получил вакцину против оспы. нативные варианты. Да и вообще, если даже этого лишайчика действительно совсем мало, какой может быть вывод, если взять и предать гласности открытие, чтобы люди занялись поисками другого антигерона, как его называет папа? Но потом я подумала, а вдруг он имеет какой-нибудь побочный эффект, ну, вроде... например, если ты принимаешь лишанин, у тебя не будет детей, или что-нибудь в таком же духе.

– Тут можешь быть совершенно спокойна, – ответила Диана. – Никакого воздействия – только, естественно, тебе вряд ли захочется, чтобы беременность продолжалась так же долго, как у слонов, поэтому придется на время отложить прием лишанина. Что же касается других побочных эффектов, скрытых – насколько мне известно, их нет. Возникает совсем незаметное замедление реакций, которое можно зафиксировать только при помощи специальных исследований, гораздо менее чувствительное, чем после двойной порции джина. Остальное лежит на поверхности – по крайней мере для тебя.

– Прекрасно, – сказала Стефани, – одним опасением меньше. Но все равно, Диана, у меня такое чувство, будто я попала в полутемную комнату. Мне не понятно, какое ты имеешь к этому отношение и при чем тут «Нефертити», твой салон красоты, и о каких проблемах ты говорила – они возникли, а потом вдруг разрешились, ну и...

Диана взяла сигарету и стала внимательно ее разглядывать.

– Хорошо, – сказала она. – Знание наполовину – опасная штука. Пожалуй, начну с самого начала. – Диана закурила и принялась рассказывать про то, как Френсис принес блюдечко с молоком, и про то, что из этого получилось. – Итак, по закону, – сказала она в заключение, – правда не на моей стороне, хотя с точки

зрения справедливости я имею на это открытие столько же прав, сколько и твой отец. Впрочем, сейчас это не имеет значения. Дело в том, что мы оба завязли в одной и той же проблеме – что делать с нашим изобретением. Я поняла это далеко не сразу. Мне казалось, пройдет время и выход найдется, но чем больше я об этом размышляла, тем отчетливее понимала, какие могут возникнуть трудности. Только тогда я сообразила, что все очень серьезно. Я не могла придумать, как следует поступить, – а потом ты кое-что сказала, и я увидела выход и положения.

– Я что-то сказала? – удивленно переспросила Стефани.

– Да. Мы говорили о том, как в нашем обществе манипулируют женщинами, помнишь?

– Помню. Ты любила порассуждать на эту тему, улыбнувшись, проговорила Стефани.

– И сейчас просто обожаю, – призналась Диана. – А тогда ты сказала, что говорила об этом со своей учительницей и она заявила, что мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы хорошо жить в тех обстоятельствах, которые попадаем, потому что жизнь слишком коротка, чтобы пытаться изменить мир, или что-то в таком же духе.

– Не очень помню.

– Конечно же, эти идеи бродили и у меня в голове, том или ином виде. Нам с твоим отцом удалось сде-

лать новый шаг в эволюции. Возможно, единственный шаг вперед по эволюционной лестнице, сделанный человеком за миллион лет. Он совершенно изменит историю

Если бы жизнь не была такой короткой, имело бы смысл попытаться навести в ней порядок. Но когда я услышала твои слова, на меня снизошло озарение. Я вдруг поняла как.

– Что «как»? – с недоумением спросила Стефани

– Я представила себе, как женщины начнут жить дольше, сначала сами того не сознавая. Позднее они, конечно, узнают правду, но к тому времени их будет достаточно, чтобы оказать существенное влияние на дальнейшее развитие событий. Необходимо было каким-то образом собрать группу людей – любую группу – убедить их в реальности продления жизни и заставить бороться за признание нового человека – Homo superior. И я знала, как это можно сделать. Люди, получившие долгую жизнь, никогда не смогут от нее отказаться. Они будут отчаянно сражаться за право ее сохранить.

Стефани нахмурилась.

– Я не совсем понимаю, – призналась она.

– А следовало бы, – сказала Диана. – Сейчас ты смущена и расстроена, но в конечном счете ты не станешь отказываться от долгой жизни, верно? И постарайся защитить свое право на нее, если кто-нибудь захочет

у тебя его отнять, ведь так?

– Да, пожалуй, ты права. Однако лишайника недостаточно..

– Ну, как ты сама только что сказала, ученые скоро решат эту проблему – будет спрос, будет и предложение. Если вложить достаточное количество денег...

– Но папа говорил, что может начаться настоящий хаос.

– Конечно, хаос возникнет обязательно. Появление Homo superior невозможно без родовых мук. Но это неизбежно. Главное, чтобы его не задушили при рождении. Вот в чем проблема.

– Тут я тебя не понимаю. Как только открытие станет достоянием широкой публики, люди начнут бороться за то, чтобы получить долгую жизнь.

– Ты говоришь об отдельных личностях, дорогая, но они подчиняются различным учреждениям. Соль проблемы заключается в том, что именно эти учреждения не захотят применения лишанина.

В конечном счете есть две основные причины существования учреждений: одна состоит в том, что производится крупномасштабное управление, другая заключается в обеспечении преемственности, смягчении проблем, возникающих от того, что наша жизнь слишком коротка. Эти системы – продукт реальных обстоятельств, они создавались так, чтобы преодолеть недостатки человеческой природы, постоянно заменяя из-

ношенные части новыми. Иначе это называется продвижением по служебной лестнице.

Понятно? Прекрасно, а теперь попробуй представить себе, многие ли люди согласятся получить долгую жизнь, если в результате им придется двести, а то и триста лет оставаться на вторых ролях? Неужели кому-нибудь понравится мысль о том, что в течение двух столетий во главе их компании, например, будет стоять один и тот же директор, президент, судья, комиссар полиции, правитель, лидер партии, папа или ведущий модельер? Подумай немного и ты поймешь: все наши учреждения рассчитаны на определенную продолжительность жизни – семьдесят лет, или около того. Как только это условие перестанет соблюдаться, большинство из них потеряет *raison d'être**. * Разушюс – толкование, смысл (фр.).

– Ну, это уж слишком, – с сомнением заметила Стефани.

– А ты подумай как следует. Возьми какой-нибудь конкретный пример. Скажем, ты поступила на государственную службу и стала каким-то мелким клерком; конечно, ты не откажешься от продления жизни – пока не сообразишь, что в результате тебе придется оставаться таким клерком лет пятьдесят-шестьдесят: тогда ты уже не будешь так уверена, что тебе хочется принимать антигерон.

Или ты окажешься на месте одной из множества мо-

лоденьких девушек, которые мчатся вперед, словно лемминги, стараясь побыстрее выскочить замуж, – не думаю, что тебя вдохновит перспектива провести следующие сто лет с одним и тем же партнером.

А что произойдет с образованием? Запаса знаний с трудом хватает на пятьдесят лет – что будет потом?

Так что интересы человека и общества могут сильно разойтись – твой отец прав: начнется повальная шизофрения.

И тут нельзя понадеяться на свободу выбора, поскольку всякий человек, избравший долгую жизнь, автоматически блокирует продвижение по службе тому, кто этого не сделал.

Поэтому все эти учреждения есть нечто большее, чем сумма составляющих их частей, а каждое является частью общественных или профессиональных организаций; получается, что будет предпринята решительная попытка запретить применение лишанина.

Стефани покачала головой:

– Нет, я не могу в это поверить. Подобное поведение противоречит инстинкту самосохранения!

– Неважно. Все цивилизованные люди постоянно подавляют множество инстинктов. Я считаю, что вероятность отказа от лишанина весьма велика.

– Но даже если будут приняты соответствующие законы, что может помешать сотням и тысячам людей тайно делать прививки? – не сдавалась Стефани.

– Ну, это уж совсем несерьезно. За колоссальные деньги, и всего лишь крошечная группа людей – не более того. Нечто вроде черного рынка на продление жизни. Не думаю, что у них что-нибудь получится – ведь скрыть это не удастся, не так ли? Во всяком случае, на длительный срок.

Стефани повернулась к окну. Некоторое время она наблюдала за маленькими, залитыми солнцем белыми облачками, плывущими по голубому небу.

– Когда я шла сюда, мне было немного страшно – за себя, – сказала она. – Но и взволнована я была тоже, мне показалось, что я начинаю понимать значение папиного открытия – ну, твоего и папиного, – как одного из грандиозных шагов вперед, сделанных человеком. Нечто полностью изменившее течение истории, чудесная новая эра... Однако он считает, что люди начнут сражаться за обладание лишанином – а ты полагаешь, что будет сделана попытка помешать его распространению. Какая же тогда от него польза? Если это изобретение принесет только войны и страдания, лучше уж было совсем его не делать.

Диана задумчиво посмотрела на нее:

– Но ты ведь так не думаешь, моя дорогая. Ты ведь не хуже меня знаешь, что мир и без того с каждым днем все глубже погружается в неразрешимые проблемы. Лишь с колоссальным трудом нам удастся сдерживать силы, которые мы сами же и вызвали к жизни, – и при

этом мы пренебрегаем решением действительно необходимых проблем. Взгляни на нас – каждый день рождаются тысячи... Пройдет сотня лет, и наступит Столетие Голода. Нам удастся немного отсрочить его приближение, но нельзя же назвать это решением – когда начнется решающий кризис, водородная бомба покажется нам проявлением милосердия.

Меня никогда не привлекали пустые рассуждения. Я говорю о том неизбежном времени, когда люди будут охотиться друг за другом среди руин, пытаюсь раздобыть пищу. Мы демонстрируем полную несостоятельность и безответственность, а мир все дальше сползает в пропасть – каждый рассчитывает, что его жизнь слишком коротка и он не увидит последствий. Разве наше поколение беспокоится о будущем своих детей? Нет. «Это их проблемы, – говорим мы. – Нам плевать на наших внуков, с нами ведь все в порядке».

А вот если хотя бы какая-то часть людей будет жить достаточно долго, чтобы начать бояться за себя... А еще мы имеем больше узнать. Нельзя так жить дальше: мы познаем мудрость лишь на пороге смерти. Нам необходимо время, чтобы обрести знания, без которых мы не сможем разобраться с множеством проблем. Если этого не произойдет, то, как и всякое животное, которое слишком быстро размножается, мы станем жертвами голода. Миллионы будут голодать – средневековые покажутся настоящим раем.

Вот почему нам необходима долгая жизнь, пока еще не поздно. Чтобы выиграть время и обрести мудрость, который наконец позволит нам стать хозяевами своей судьбы чтобы мы перестали быть самыми талантливыми из всех животных и окончательно создали цивилизованное общество

Диана замолчала и печально улыбнулась Стефани.

– Извини за напыщенность, моя дорогая. Ты не представляешь, какое облегчение – иметь возможность поговорить об этих проблемах. Я хочу сказать: какие бы катаклизмы ни вызвало к жизни наше открытие, альтернатива может быть неизмеримо ужаснее.

Стефани довольно долго молчала.

– Работая в «Дарре», ты тоже так считала?

Диана покачала головой:

– Нет, я только сейчас стала так думать. Тогда я рассматривала наше открытие как дар, который мы должны обязательно использовать, мне казалось, что это следующий шаг в эволюции, дающий человеку возможность действительно подняться над животными. Лишь значительно позднее я начала понимать, насколько наше открытие необходимо людям. Если бы я с самого начала думала так же то многое сделала бы иначе. Возможно, мне следовало просто-напросто опубликовать результаты – и больше в этом не участвовать.

Однако я считала, что торопиться некуда. Мне каза-

лось, что необходимо создать группу людей, которые поначалу не будут знать о том, что их жизнь очень существенно удлинилась, и которые потом, когда придет время, приложат все силы, чтобы защитить наше открытие.

По ее лицу скользнула быстрая улыбка

– Я знаю: то, что сделано, выглядит довольно странно. А твой отец, я уверена, был возмущен – все равно как налить шипучего лимонада в чашу Святого Грааля или что-то в этом роде. Но я и сейчас продолжаю считать, что у меня не было другой возможности успешно выполнить поставленную задачу. Понимаешь, теперь они проглотили наживку. Почти тысяча женщин, большинство из них либо замужем, либо приходится родственницами очень влиятельным людям. Как только они все поймут, мне будет очень жаль тех, кто попытается лишить моих женщин дополнительных лет жизни.

– А как ты это делаешь? – поинтересовалась Стефани.

– Едва у меня появилась идея, я начала ее обдумывать, она мне ужасно понравилась. Тут я как раз и вспомнила историю о человеке, который занимался контрабандой жемчуга, так вот, он прятал нитки с настоящим жемчугом среди большого количества фальшивых...

В любой женской газете полно предложений «сохранить вашу юность». Никто, естественно, не верит ни

единому слову, но людям нравится мечтать, всякий раз они надеются на лучшее. Поэтому, если я смогу продемонстрировать положительные результаты, они будут в восторге, но в то же время их так часто обманывали, что никто еще долгие годы не сможет окончательно мне поверить. Они будут просто радоваться тому, что оказались более удачливыми, чем другие. Припишут успехи диете. Возможно, даже придут к выводу, что я действительно более талантлива, чем мои конкуренты. Однако поверить, что им предлагают настоящий товар после тысяч лет фальшивых рецептов вечной молодости... Нет, нет и нет!

Должна признаться, поначалу эта идея меня несколько шокировала. Тогда я сказала себе: "Это двадцатое столетие со всеми плюсами и минусами. Не век здравого смысла и даже не девятнадцатое столетие – эра пустых обещаний и дьявольских обманов. Здравый смысл удалился за кулисы, где строят козни и придумывают способы заставить людей двигаться в заданном направлении. И когда я говорю «люди», я имею в виду женщин. К дьяволу здравый смысл! Задача состоит в том, чтобы любым способом заставить их купить то, что нам хочется. Таким образом оказалось, что мой план очень хорошо соответствует принципам современной, торговли.

Как только я поняла, как это можно сделать, я решила начать с того, что позаботилась о запасах. Мне хо-

телось быть упаренной в постоянных поставках материала, который твой отец назвал лишанином – я дала ему имя тертианин. Вот тогда-то я и заявила, что решила предпринять кругосветное путешествие.

Сказано – сделано, хотя большую часть времени мне пришлось провести в Восточной Азии. Сначала я направилась в Гонконг, где вошла в контакт с поставщиком твое отца. Он, в свою очередь, познакомил меня с мистером Крейгом. Мистер Крейг был другом мистера Макдональда, который и присылал нам лишайник *tertius*, однако мистер Макдональд умер за год до этого. Тем не менее мистер Крейг свел меня с несколькими людьми, работавшими мистером Макдональдом, а через некоторое время я встретила с мистером Макмэрти – он участвовал в экспедиции, во время которой удалось найти тот самый лишайник. Я без проблем сумела договориться с этим Макмэрти, он даже получил разрешение от китайцев.

Наверное, отец говорил тебе, что в названии лишайник присутствует слово *mongolensis*, так я назвала первую партию, только это оказалось неправильным. На самом деле он поступает из Хокианга, в Маньчжурии, севернее Владивостока. К счастью, разрешение пришло весной, так что мы смогли заняться добычей сразу.

Макмэрти доставил нас на место без каких бы то ни было проблем, но там я испытала настоящее разо-

чарованне. Тертиуса оказалось совсем мало. Он рос вокруг небольшого озера на территории, равняющейся примерно тысяче акров, причем небольшими полянами. Все оказалось гораздо хуже, чем я предполагала. Мы нашли человека, чья семья занималась сбором и поставками лишайника, и, когда мы с ним поговорили, мне стало ясно, что если я договорюсь с ними собирать лишайник в этом месте, он очень скоро кончится. Однако этот человек предполагал, что есть и другие места, поэтому мы организовали экспедицию и прочесали довольно большую территорию. Нам никто не мешал – это пустынная болотистая местность, где в основном растет жесткая трава. Всего удалось обнаружить еще пять районов с тертиусом. Три из них были гораздо больше того, откуда получал лишайник твой отец, а два меньше, все они располагались в радиусе двадцати пяти миль.

Это нас порадовало, но, если лишайник не растет где-нибудь в совершенно другом месте, вне всякого сомнения, его запасы весьма ограничены. Тем не менее удалось договориться с местными властями, что я буду ежегодно получать определенное количество лишайника, а мистер Макмэрти все устроил таким образом, что грузы отправляются в Дайрен, после чего через Нагасаки прибывают сюда на – пароходе. Я прикинула, какое количество лишайника можно собирать, чтобы его количество не уменьшилось до критических разме-

ров, но тертиус растет очень медленно, так что особенно тут не разгуляешься. К сожалению, не существует другого надежного способа узнать, как там обстоят дела – только поехать и посмотреть собственными глазами. Мы не можем рассчитывать на увеличение поставок, пока не обнаружим какие-нибудь новые районы, где растет лишайник, или не откроем новые виды, из которых можно получать лишанин.

Если честно, положение с запасами меня всегда беспокоило. Пока все в порядке – только потому, что кроме нас никто тертиусом не интересуется. Но стоит возникнуть каким-нибудь неприятностям в тех местах, и мы будем полностью отрезаны от всех поставок. Более того, дело не только в том, что китайцы контролируют территорию, где растет наш лишайник. Русские могут о нем узнать и начать исследовать: это место в Маньчжурии находится совсем недалеко от русской границы, до нее не более двухсот миль.

Я рассказываю тебе все это, поскольку считаю, что кто-то должен знать. У меня такое ощущение, что нам не удастся хранить тайну долго, а когда все выяснится, ни в коем случае не следует разглашать местонахождение источника лишанина. Не сомневаюсь, что твой отец тоже это понимает, но все же я бы хотела, чтобы ты еще раз это ему повторила. Я сама сделала все, чтобы направить поиски по ложному следу, и, надеюсь, он тоже. Что касается тебя, ты всего лишь один из

пациентов, получивших препарат. Если тебе когда-нибудь станут задавать вопросы, ты должна, во-первых, сказать, что ничего не знаешь ни про какие лишайники, во-вторых, что не имеешь ни малейшего представления, где их берут. Тайна источника должна быть сохранена – это жизненно необходимо; но так же важно, чтобы это знание не пропало. Я, или твой отец, или мы оба станем, естественно, главными мишенями – как дело обернется, никто не ведает. Возможно, речь пойдет о жизни и смерти.

– Кажется, я начинаю понимать, – произнесла Стефани.

– Так вот, когда проблема добычи была решена, – продолжала Диана, – я вернулась сюда и занялась делом. И, – добавила она, оглядывая комнату и сад, видневшийся за окном, – я неплохо справилась. Как по-твоему?

Стефани молчала. Девушка сидела, глубоко задумавшись, остановив невидящий взгляд на картине, висевшей на стене. Затем она повернулась и посмотрела на Диану.

– Зря ты мне это сказала – про источник лишайника.

– Если б только ты знала, как часто я жалела о том, что этот лишайник вообще попался мне на глаза, – горько произнесла Диана.

– Нет, просто мне нельзя доверять, – призналась Стефани и рассказала про Ричарда.

Диана задумчиво посмотрела на нее:

– Ты пережила потрясение, и немалое. Не думаю, что подобное может повториться.

– Да, пожалуй. Теперь я понимаю ситуацию гораздо лучше. Раньше у меня в голове была полнейшая путаница. Мне казалось, что я осталась совсем одна. Одна лицом к лицу со всеми сомнениями. Но сейчас, когда я знаю, что нас много, все совсем по-другому. И все же меня это не извиняет, мне не следовало так поступать.

– А он тебе поверил или просто посчитал, что ты говоришь глупости?

– Я... я не уверена. Он, наверное, подумал: что-то в этом есть.

Диана задумалась.

– Этот молодой человек, Ричард, что он из себя представляет? Ум или сила?

– И то и другое, – ответила Стефани.

– Повезло парню. Ты ему доверяешь?

– Я собираюсь за него замуж, – резко ответила Стефани.

– Это не ответ. Женщины частенько выходят за мужчин, которым не доверяют. Чем он занимается?

– Он адвокат.

– Ну, тогда он должен уметь хранить тайны. Если ты в нем уверена, приведи его к отцу и поговорите начистоту. Если же у тебя есть сомнения, скажи мне об этом сейчас...

– Я в нем уверена, – твердо заявила Стефани.

– Вот и отлично. Тогда не жди, что он начнет сам интересоваться этим вопросом.

– Но...

– А какие еще есть варианты? Ты можешь либо рассказать ему все, либо попытаться заставить его молчать.

– Да, – кротко согласилась Стефани.

– Прекрасно, – вздохнула Диана, давая понять, что вопрос решен. – Теперь я хочу побольше узнать о тебе. Какой коэффициент использует для тебя отец?

– Какой что?

– Коэффициент. Он увеличивает твоё время в три, четыре или пять раз?

– А-а, понятно. Он сказал, в три раза, для Пола и для меня.

– Ясно. Осторожничает... ну, с вами он не мог поступить иначе. Могу спорить, что для себя он использует куда больший коэффициент.

– Ты хочешь сказать, что можно жить еще дольше? Я об этом не знала.

– Я использую коэффициент пять. Это достаточно надежно, но более заметно. Для моих клиентов эта цифра изменяется от двух до трех.

– Как тебе удастся сделать это без их ведома?

– О, совсем просто. Ради сохранения красоты они с готовностью подвергаются самым разнообразным про-

цедурам – и кто может знать, что именно дает иско-
мый результат... Да и потом, кого это интересует, если
все довольны? – Диана нахмурилась. – Меня беспо-
коят только те женщины, которые не сообщают о сво-
ей беременности, чтобы мы вовремя успели прекра-
тить делать инъекции лишанина. Я всегда опасалась,
что настанет день, когда доктора сообразят: клиенты
«Нефертити» почти всегда дольше вынашивают де-
тей. Это может привести к неприятностям, будет до-
вольно трудно все объяснить. К счастью, до сих пор
ничего подобного не случилось...

Все шло отлично, пока мы не связались с миссис
Уилберри и ее проклятой аллергией. Тут и нам, и ей
не повезло, бедняжке крепко досталось. Ее раздуло,
вдобавок вся она покрылась ярко-красной сыпью; из-
за астматических явлений затруднилось дыхание. Не-
сомненно, ей пришлось несладко, но она вполне со-
гласилась бы на компенсацию в несколько сотен фун-
тов и была бы даже этим довольна, если бы в дело
не вмешался ее адвокат. Он убедил миссис Уилбер-
ри потребовать компенсацию в десять тысяч фунтов!
Десять тысяч – и это из-за того, что всякий раз, когда
она поест грибов, возникают те же симптомы, хотя и в
не ярко выраженной форме. Разве можно было такое
предположить! И этот тип уперся на пяти тысячах, как
настоящий мул – а у нас могли возникнуть серьезные
неприятности, если бы в дело вмешалась пресса. Гри-

бы, черт бы их побрал!..

Диана помрачнела, потом решительно тряхнула головой.

– Может быть, нам удастся с этим справиться, – сказала она. – А если нет – что ж, нельзя же убегать до бесконечности...

ГЛАВА 7

Секретарша остановила Пола, когда он уже собирался уйти из офиса.

– Вас просит к телефону доктор Саксовер, сэр.

Пол вернулся и взял трубку.

– Это ты. Пол? – голос Френсиса звучал холодно.

– Да, отец.

– Меня сегодня утром навестила твоя жена, Пол. Мне кажется, ты мог бы сообщить мне, что все ей рассказал.

– Я же тебе говорил, что должен поставить ее в известность, отец. И объяснил, как понимаю сложившуюся ситуацию. Я не изменил своего мнения.

– Ты когда ей сказал?

– На следующее утро.

– Пять дней назад, да? А она говорила, что собирается меня навестить?

– Ну да, говорила. Только я не был уверен, что она это сделает. Мы... ну... обсуждение было довольно бурным. А потом, когда она не отправилась в «Дарр» сразу, я решил, что она передумала и хочет немножко подождать.

– Не очень-то она долго ждала.

– А чего она хотела?

– Ну знаешь, Пол! Как ты думаешь, чего она хотела... нет, потребовала?

– А ты?..

– Да, сделал. Я посчитал, что будет лучше, если ты об этом узнаешь.

Послышался щелчок, Френсис закончил разговор. Пол продолжал еще несколько секунд держать трубку в руке, а потом медленно положил ее на место.

Когда он пришел домой, Джейн не было. Она вернулась после девяти и направилась прямо в спальню. Через некоторое время Пол услышал, как она пустила в ванной воду. Через полчаса она появилась в гостиной в белом стеганом халате. Пол, который уже допивал третий стакан виски, сердито на нее посмотрел, но Джейн не обратила на него ни малейшего внимания.

– Я была в «Дарре», – сообщила она, прежде чем Пол успел открыть рот.

– Знаю. Почему ты мне не сказала, что собираешься туда?

– А я сказала.

– Да, только не уточнила когда.

– А что, это имеет какое-нибудь значение?

– Существуют разные способы делать дела. Я бы предупредил отца заранее.

– А я не хотела, чтобы ты его предупреждал. Совершенно ни к чему было давать ему время придумать причины, по которым меня исключат из всего этого –

заставят прожить короткую жизнь, в то время как вам всем будет обеспечена длинная. Я знала, что хочу получить – и получила.

– Я это понял. Отец разговаривал со мной по телефону довольно сухо.

– Да, мой визит не доставил ему удовольствия. А как ты думаешь, мне понравилось то, что он сознательно исключил меня?

– Это не было сознательным действием – по крайней мере не так, как ты это понимаешь. Он же должен соблюдать осторожность, неужели тебе не ясно? Ему приходится делать все, чтобы информация не просочилась. Ведь он понимает, какой хаос может возникнуть даже при малейшем намеке на это открытие. Ответственность... Почему ты так на меня смотришь? Это же не смешно, Джейн, совсем не смешно.

– А мне все это кажется забавным. Знаешь, ты такой наивный и даже немного трогательный. Благослови тебя Боже, дружок, ты и вправду веришь тому, что говорит тебе твой умник папаша, не так ли? Может, пора немножко повзрослеть, радость моя, или этот ваш препарат действует на мозги так, что они тоже остаются в младенческом состоянии?

Пол вытаращил на нее глаза:

– О чем, черт побери, ты тут рассуждаешь?

– О твоем папочке, миленький, о его чувстве ответственности, сознании и долге перед человечеством. На-

верное, тебя ужасно удивит, если я сообщу, что твой великий папаша, кроме всего прочего, еще и потрясающий лицемер?

– Ну знаешь, Джейн, я не...

– Да, кажется, тебя это удивляет.

– Джейн, я не собираюсь...

Джейн не обратила ни малейшего внимания на его слова. Она продолжала:

– Ты всему поверил, что тебе сказали, не так ли? Тебе даже в голову не пришло поинтересоваться, кто такая эта Диана Брекли и чем она занимается.

– Мне известно, чем она занимается. Она хозяйка «Нефертити Лимитед».

На мгновение на лице Джейн появилась растерянность.

– Мне ты про это не сказал.

– А зачем?

Она сердито посмотрела на него:

– Мне кажется, твой отец тебя загипнотизировал или еще что-нибудь в этом духе. Ты знал – и тебе даже не пришло в голову, что все эти годы твой папаша поставлял ей свой препарат. Нет, она, конечно, не употребляет его как антигерон. Она просто содержит роскошный салон красоты. Берет за свои услуги столько, сколько пожелает, вот так-то. Именно это и происходит с секретом, являющимся слишком взрывоопасным, чтобы он стал достоянием широкой публики. Не-

плохо они обстригали это дельце, и уж наверняка немало получили за эти годы!

Пол не сводил с нее глаз:

– Я не верю.

– Тогда почему он ничего не отрицал?

– Он отрицал, когда Стефани спросила, является ли Диана его представителем. Он категорически это отрицал.

– Со мной обстояло иначе.

– Что он сказал?

– Да ничего особенного. Даже если бы он и стал отрицать, вряд ли это имело бы какой-нибудь смысл. По крайней мере теперь, когда я все узнала.

– Да, я начинаю понимать, как он ко всему этому отнесся, – медленно проговорил Пол. – Что он сделал?

– Он сделал то, что я просила. – Она погладила правой рукой левое предплечье. – Он не мог мне отказать, правда?

Пол не сводил с нее глаз, он думал.

– Пойду-ка позвоню ему.

– Зачем? – резко спросила Джейн. – Он лишь подтвердит мои слова.

– Я рассказал тебе все, так как считал, что, будучи моей женой, ты имеешь право узнать истину сразу же, едва она стала известна мне. Ты ведь знала, что я так этого не оставлю. Ты знала, что я сделаю все, чтобы отец ввел тебе препарат. Почему же ты не могла подо-

ждать несколько дней, а вместо этого прибегла к шантажу?

– Шантаж! Знаешь что, Пол...

– А как это иначе называется? Что ты прикидываешься? Одному Богу известно, к чему могут привести твои расспросы о Диане.

– Я не идиотка, Пол.

– Но ведь ты же задавала вопросы, а имя твоего мужа – Саксовер. Мне следует позвонить в «Дарр».

– Я же сказала тебе, что произошло. Он был холоден, на грани приличий – но все сделал.

– Ты думаешь, будто он это сделал. Я хочу знать, что произошло в действительности.

– В каком смысле? – с опаской спросила Джейн.

– Ну, если бы ко мне кто-нибудь пришел и стал угрожать и требовать, я совсем не уверен, что сделал бы именно требуемое – в особенности учитывая, что этот человек все равно не сможет ничего проверить. Заменить препарат совсем несложно...

Он неожиданно замолчал, потрясенный тем, как побледнела Джейн, и тем, как она на него посмотрела.

– Не волнуйся, – попытался успокоить ее Пол. – Ничего опасного он тебе не стал бы вводить.

– А как... откуда мне это знать? – спросила Джейн. – Если он может такое сотворить... Нет, у него не было времени. Он же не знал о моем приезде, – неуверенно добавила она.

Пол поднялся на ноги:

– По крайней мере, нужно увидеть, похоже ли это на то, что он вшивал мне. Дай-ка я посмотрю на размер.

– Нет! – воскликнула она, и ее тон удивил Пола.

– В чем дело? – нахмурившись, спросил он. – Разве ты не хочешь узнать, ввел отец тебе то, что нужно, или нет?

Он протянул руку в сторону Джейн, но она отодвинулась от него, прижавшись к спинке кресла.

– Нет! – повторила она. – Естественно, все в порядке. Отойди от меня! Оставь меня в покое.

Пол остановился и удивленно посмотрел на нее.

– Бессмыслица какая-то, – медленно проговорил он. – Чего ты боишься?

– Боюсь? Что ты имеешь в виду?

Пол стоял, не шевелясь и не сводя с нее глаз.

– Меня тошнит от всего этого. Я же рассказала тебе, что произошло, и вообще, я устала. Пожалуйста, отвяжись от меня. Я хочу спать.

Однако Пол приблизился к ней:

– Ты что, все наврала, Дженни? Не было никакой имплантации?

– Была, конечно.

– В таком случае я хочу посмотреть.

Она покачала головой:

– Не сейчас, я смертельно устала.

Пола охватил гнев, он быстрым движением сдернул

рукав халата с левого предплечья своей жены – и увидел аккуратную белую повязку. Пол внимательно на нее посмотрел.

– Понятно, – сказал он.

– Жаль, что ты не веришь мне на слово, – холодно проговорила Джейн.

Он опять медленно покачал головой.

– Ты делаешь все, чтобы тебе было трудно верить, – сказал он ей. – Я прекрасно знаю, как мой отец накладывает повязки. Это не его рук дело.

– Не его, – согласилась Джейн. – Кровь просочилась, и мне пришлось наложить новую повязку.

– И тебе удалось сделать это так аккуратно одной рукой? Да ты просто настоящая умелица. – Пол помолчал, а затем сердито продолжал: – Итак, мне это уже все смертельно надоело. Что еще ты задумала? Что ты от меня скрываешь?

Джейн попыталась не выпускать инициативы, но у нее ничего не получилось. Пол еще никогда не вел себя с ней так, и она начала сомневаться в своей способности манипулировать им.

– Скрываю? – растерянно повторила она. – Не понимаю, о чем ты. Я только рассказала тебе...

– Ты только что мне рассказала, что угрожала моему ОТЦУ. Я хочу знать, что еще ты задумала, и можешь не сомневаться, я это узнаю, – заявил Пол.

На пятом этаже ничем не примечательного здания,

расположенного неподалеку от Керзон-стрит, располагались офисы «Нефертити Лимитед». Коммуникатор на столе Дианы тихонько зазвенел. Она нажала на кнопку и услышала негромкий голос своей секретарши:

– Тут у меня мисс Брендон со второго этажа. Очень хочет вас видеть. Я сказала, что ей следует сначала обратиться к мисс Роллридж, но она настаивает на встрече с вами, говорит, что у нее к вам личное дело. Она приходит уже второй раз за сегодняшний день.

– Она сейчас с тобой, Сара?

– Да, мисс Брекли.

Диана задумалась. Она знала, что даже десятый заход не помог бы никому пробраться мимо Сары Толпуин, если бы причина была недостаточно уважительной.

– Ну хорошо, Сара. Я ее приму.

Мисс Брендон вошла в кабинет. Небольшого роста, хорошенькая золотоволосая девушка, немного похожая на куколку, с решительным подбородком, твердой линией рта и голубыми глазами, в которых горела готовность идти до конца. Диана внимательно изучала ее, а та так же откровенно рассматривала Диану.

– Почему вы не захотели поговорить сначала с мисс Роллридж? – спросила Диана.

– А я бы так и сделала, если бы проблема была административной, – ответила девушка. – Но вы моя начальница, и я посчитала, что вам следует знать. Кроме

того...

– Да?

– Ну, мне показалось, будет лучше, если об этом никто не узнает.

– Даже управляющий вашим отделом?

Мисс Брендон колебалась.

– Люди здесь так любят болтать, – неуверенно начала она.

Диана кивнула.

– Ну, что вы слышали?

– Вчера я ходила на вечеринку, мисс Брекли. Просто ужин, ну, и танцы. Нас было шестеро. Я знала только парня, который пригласил меня. Пока мы ели, кто-то заговорил про миссис Уилберри. Один из мужчин сказал, что интересуется разного рода аллергиями, и спросил, что могло быть причиной ее неприятностей. Мой приятель сказал что я работаю в «Нефертити», мол, мне и карты в руки. Конечно, я ответила, что ничего не знаю – это же правда. Однако тот, другой человек продолжал об этом рассуждать, без конца задавая разные вопросы. Постепенно я поняла, что разговор о миссис Уилберри возник совершенно не случайно. Ну так вот, тот человек был очень ко мне внимателен, а в конце пригласил меня прогуляться. Мне не хотелось, поэтому я ему отказала. Тогда он попытался назначить мне свидание на следующий день. А я ответила, что мы еще созвонимся, мне казалось, по те-

лефону легче отказаться, – она немного помолчала. – Наверное, со стороны я кажусь совсем молоденькой, но на самом деле это не так. Меня заинтересовало, почему это он вдруг включил свое обаяние на полную катушку, и я стала размышлять о вопросах, которые он задавал про «Нефертити». Навела справки, и выяснилось, что он журналист, довольно-таки известный, его зовут Марлин. Работает на «Санди Проул».

Диана задумчиво кивнула, не сводя глаз с лица девушки.

– Да, теперь я вижу, что вы девушка опытная, мисс Брендон. Насколько я понимаю, вы об этом никому не сказали?

– Нет, мисс Брекли.

– Хорошо. А теперь, я думаю, лучше всего будет сделать так – если вы, конечно, не возражаете – вы встретитесь с мистером Марлином завтра вечером и ответите на все его вопросы.

– Я не знаю, что...

– Никаких проблем. Я попрошу мисс Толлуин ввести вас в курс дела.

Мисс Брендон казалась удивленной.

– Вы ведь уже давно в нашем бизнесе, не так ли, мисс Брендон? – спросила Диана.

– В «Нефертити» я работаю меньше года, мисс Брекли.

– А до этого?

– Я училась на медсестру, но потом умер мой отец. У мамы осталось совсем мало денег, поэтому мне пришлось пойти работать.

– Понятно... Когда вы лучше узнаете наше дело, мисс Крендон, вы поймете, как здесь все непросто. Конечно, тут не принято перерезать друг другу глотки, но девяносто процентов наших конкурентов наполнят наши спасательные круги свинцом или продадут своих бабушек в Южную Америку, если на этом можно будет хорошенько заработать. Вы откажетесь разговаривать с этим мистером Марлином, и бедняге придется искать другую девушку, которая у нас работает.

Мне бы хотелось знать, о чем этот журналист станет вас спрашивать. Кроме того, если он толковый профессионал, вы не будете его единственным источником информации. Он захочет проверить ваши слова. Придется облегчить ему жизнь. Было бы неплохо ненавязчиво познакомить его с еще одной девушкой, работающей на нас.

Мисс Брендон почувствовала себя гораздо свободнее, когда они начали обсуждать тактические вопросы. К концу разговора девушка уже явно наслаждалась возможностью поинтриговать.

– Ну что же, – сказала в завершение Диана, – постарайтесь получить удовольствие от свидания. Не забывайте об имидже нашей фирмы: мы никогда не заказываем в ресторанах дешевых блюд. В противном случае

у него могут возникнуть подозрения; кроме того, чем дороже ему обойдется информация, тем скорее он в нее поверит. Когда он предложит вам деньги, удвойте сумму, а в конце соглашайтесь на среднем. Такая торговля еще больше уверит его в том, что он получает истинные сведения.

– Понятно, – проговорила мисс Брендон, – а что мне делать с деньгами, мисс Брекли?

– Благослови вас Бог! Делайте с ними, что хотите! Ну кажется, все. Зайдите к мисс Толлуин после работы, и она вам все расскажет. Сообщите мне, как прошло свидание.

После того как она ушла, Диана нажала на кнопку внутренней связи:

– Сара, принесите мне личное дело мисс Брендон, пожалуйста.

Довольно быстро появилась Сара Толлуин и положила на стол тонкую папку.

– Хорошая девушка... удачная получится сделка, – сказала Диана.

– Способная, – согласилась мисс Толлуин. – Из таких выходят хорошие медсестры. Жаль, что она не сумела закончить образование.

– Милая Сара, вы такая тактичная, – сказала Диана, открывая папку.

– И все? – спросил Ричард.

Он посмотрел на левую руку и аккуратную повязку.

затем тихонько погладил ее пальцами.

– Да, боюсь, никаких фейерверков не будет. В кино все происходит совсем не так, – сказал ему Френсис, а потом добавил: – Оно рассасывается очень медленно и постепенно усваивается. Можно, конечно, делать инъекции, откровенно говоря, я с этого начинал на себе, но такой способ менее удобен, да и результаты не столь впечатляющи. Возникает что-то вроде скачков, в то время как этот способ надежен и дает стабильный эффект.

Ричард снова посмотрел на повязку.

– Просто невозможно поверить. Не знаю, что и сказать, сэр.

– А ничего и не нужно говорить. Посмотрите на вопрос с практической точки зрения – как только я узнал, что вам все известно, предложить воспользоваться плодами моего открытия было только естественно. Помимо этого, Стефани все равно настояла бы на том, чтобы я это сделал. Важно, чтобы вы об этом никому не рассказывали.

– Я не стану. Но... – продолжал Ричард после некоторых колебаний, – разве вы не рискуете, сэр? Ну, я хочу сказать, мы встречались раза три или четыре, но ведь вы про меня ничего не знаете.

– Вас это, наверное, удивит, дружище, но в «Дарре», – проговорил Френсис, – мы работаем сразу над несколькими проектами, некоторые из них потенциаль-

но могут принести большую прибыль. Естественно, наши конкуренты заинтересованы в том, чтобы узнать о нас как можно больше. Кое-кто из них не очень-то разборчив в средствах. И чтобы добиться своей цели, они готовы воспользоваться любыми возможностями. Если у тебя есть привлекательная дочь – должен сразу сказать, что это не очень приятная обязанность, – ты вынужден принимать меры, чтобы получить информацию о ее друзьях и их связях. Если обнаруживается, что они как-то связаны с химической промышленностью или их дядюшки являются директорами крупных концернов... Обычно для того, чтобы отвести таких ухажеров, хватает одного намека. – Он задумчиво посмотрел на Ричарда. – Кстати, мне придется позаботиться о том, чтобы мистеру Фарье ничего не стало известно.

В глазах Ричарда появилось удивление.

– Том Фарье? Он же работает в рекламном бизнесе. Мы вместе учились в школе.

– Да, но недавно вы с ним случайно встретились и представили его Стефани, не так ли? А вам известно, что его мать снова вышла замуж три или четыре года назад и ее новый муж возглавляет исследовательский отдел «Кемикалчез Лимитед»? Понятно, вижу, что вы этого не знали. Да, мой мальчик, мы живем в очень непростом мире.

Давайте спустимся вниз. Кстати, я думаю, не стоит

говорить об этом Стефани. Я уже сказал вам, что это весьма неприятная, но необходимая мера предосторожности.

– Привет, Ричард, – сказала Стефани, когда они вошли в гостиную. – Чешется, да? Скоро пройдет. И ты про все забудешь.

– Надеюсь, нет, – с сомнением проговорил Ричард. – Первой огорчительной мыслью было: раз один мой день будет равняться трем дням обычного человека, мне придется есть всего один раз в сутки.

– Если ты не впадешь в апатию, или в спячку, или что-нибудь в том же духе, твой организм, чтобы нормально функционировать, будет продолжать нуждаться в прежнем количестве калорий, – сказала Стефани таким тоном, словно это было очевидно и младенцу.

– Но... да, ладно, поверю тебе на слово, – проворчал Ричард. – Мне не остается ничего другого. В это вообще довольно трудно поверить. Честно говоря, если бы на обложке не стояло имя «Саксовер» – Он пожал плечами, нахмурился и продолжал: – Вы должны простить меня, Доктор, но я до сих пор до конца не могу поверить в этот секретный рецепт... если я правильно выражаюсь. Да, вы Мне все объяснили с удивительным терпением, тут мне не на что жаловаться. Со временем, наверное, дойдет, но сейчас у меня такое чувство, что я неожиданно оказался среди алхимиков – не считите мои слова за оскорбление. Просто мы живем в

двадцатом веке, и ученые – во всяком случае по моим представлениям – так себя не ведут; я хочу сказать, никто не боится, что теперь его будут преследовать за колдовство, – закончил он совсем смутившись.

– Могу вас уверить, что никто действительно так себя не ведет, – ответил Френсис. – И если бы у нас были достаточные запасы препарата, или если бы мы смогли его синтезировать, никаких проблем не возникло бы. Все дело именно в этом. Ну а теперь прошу извинить, мне еще нужно успеть до обеда много сделать, – заявил Френсис и ушел.

– Полагаю, – сказал Ричард, когда дверь за Саксвером закрылась, – придет день, когда я поверю. В настоящий момент для меня это лишь некое предположение.

– Да, наверное, так оно и будет, – согласилась Стефани, – но это совсем нелегко. На самом деле до конца поверить оказалось гораздо труднее, чем я думала. Для этого придется отказаться от многих основ, которые мы усвоили с самого детства. Юные дети, родители среднего возраста, пожилые бабушки и дедушки – сама идея разных поколений теперь поставлена под сомнение. Нам нужно отказаться от прежних понятий. Очень многие из них потеряли всякий смысл.

Она заглянула Ричарду в глаза:

– Десять дней назад я была счастлива провести с тобой пятьдесят лет – если нам повезет, конечно. Есте-

ственно, я не думала об этом так. Я просто собиралась прожить с тобой жизнь. Сейчас – даже не знаю... Могут ли люди прожить вместе сто пятьдесят, а то и двести лет? Могут ли двое так долго любить друг друга? Что будет? Как сильно изменится человек за такой срок? Нам не дано знать. Никто не может рассказать об этом.

Ричард подошел к ней и обнял за плечи:

– Дорогая, никто не в силах пересечь мост, даже длинной в пятьдесят лет, не подойдя к нему. Может быть, многие трудности возникают именно потому, что у нас в запасе есть всего пятьдесят лет? На этот вопрос тоже нет ответа. Конечно, придется иначе строить свою жизнь, но все равно нет никакого смысла беспокоиться о том, что произойдет через сто лет. Что же до остального – какая разница на самом деле? Мы не могли знать о том, что нас ждет, десять дней назад; мы и сейчас не можем ничего начинать – кроме того, что проживем намного дольше, чем предполагали. Почему бы нам не вести себя так, словно ничего не изменилось – к лучшему или худшему? Мы ведь все равно хотим этого, не так ли?

– О да, Ричард, да. Только вот...

– Только что?

– Я и сама толком не пойму... Потеря многовековых традиций... Стать, например, бабушкой, когда тебе – по физическому состоянию – двадцать семь, или прабабушкой, когда тебе тридцать пять.. Иметь возмож-

ность завести ребенка в девяносто лет... И это при коэффициенте всего лишь три. Все так ужасно перепутается! Я даже не знаю, ХОЧУ этого или нет...

– Дорогая, ты сейчас рассуждаешь так, словно до сих пор каждый человек планировал свою жизнь. Тебе ведь известно, что это не так. Люди учатся в процессе жизни – а когда они уже все знают, наступает время умирать. Нет возможности исправить ошибки. Мы же сможем сначала всему научиться, а потом насладиться жизнью. Все это еще не стало для меня реальным, но мне уже кажется, что твоя Диана совершенно права. Очень важно иметь в запасе время. Если мы будем жить дольше, мы сможем лучше познать жизнь. Начнем больше понимать. Наша жизнь будет более полной и богатой. Так должно быть. Невозможно заполнить двести лет банальностями, которых вполне хватает на пятьдесят...

Перестань, дорогая, не стоит беспокоиться. Надо просто жить. Нам предстоит удивительное приключение. Ты должна настроиться именно на это. Мы получим удовольствие от того, что будем вместе. Ну, разве ты со мной не согласна?

Стефани посмотрела на него. Ее лицо прояснилось, и она улынулась.

– О да, Ричард, дорогой. Конечно.

ГЛАВА 8

Среди почты, полученной Френсисом Сакеовером в понедельник утром и лежащей возле его тарелки с завтраком, выделялся пухлый конверт, адрес на котором был написан незнакомым почерком. Вскрыв конверт, он обнаружил вырезку из газеты и короткое письмо:

Дорогой Френсис!

Зная, что по воскресеньям в «Дарре» принято изучать лишь первые полосы «Обзервера» или «Таймс», я предполагаю, что эта статья не попала вам на глаза. Думаю, вам стоит ознакомиться с ее содержанием.

Дело в том, что ловушка, в которую я намеревалась заманить тех, кто страдает излишним любопытством сработала – надеюсь, результаты не заставят себя долго ждать. К тому же нам повезло, что правая рука Флит-стрит* не ведает, что делает левая и что я, возможно, возмущена поведением Б.

Извините за короткую записку, я ужасно спешу.

Искренне Ваша Диана Брекли.

Сильно озадаченный, Френсис взял сложенную газетную вырезку, помеченную буквой А. Оказалось, что это целая страница из «Санди Радар»; некоторые абзацы были помечены красными крестиками, а наверху страницы красовалось четыре фотографии и заго-

ЛОВОК.

СЕКРЕТ ОДНОГО ИЗ САЛОНОВ КРАСОТЫ РАСКРЫТ

ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ «РАДАРА».

Внизу было напечатано:

"Потрясающие новости только для ВАС!

Говорят, что за деньги можно купить далеко не все. Например, утреннее солнце или ночную луну, радостные улыбки и любящие сердца и множество других вещей, на которых нет ярлыков с ценой. Но нам-то с вами прекрасноизвестно: современный мир устроен таким образом, что деньги обеспечивают безмятежную жизнь – те, у кого они есть, даже могут рассчитывать, если повезет, конечно, что по дорогам судьбы они промчатся в золотом «даймлере».

А теперь посмотрите на эти фотографии, и вы поймете, что я имею в виду. Верхняя фотография сделана десять лет назад, а на нижней изображено то же лицо, только сейчас. Теперь возьмите какую-нибудь из ваших фотографии десятилетней давности и посмотрите на себя в зеркало. Видите? Разница колоссальная, в отличие от приведенных нами снимков, не так ли? * Улица, где сосредоточены почти все редакции лондонских газет.

Так сколько же платит дама из высшего общества за то, чтобы десять лет прошли мимо, не оставив на ее лице никаких следов? Ну, нам сказали, что в одном

из самых водных салонов красоты, расположенных на Мейфере в Лондоне, это стоит 300 или 400 фунтов в год, иногда больше.

Возможно, так оно и есть – если у вас водятся такие денежки и вы можете спокойно потратить их на что пожелаете.

Впрочем, большинство наших читателей с грустью вынуждены будут признать, что они об этом и мечтать не могут. Однако нет. Они ошибаются. Теперь, благодаря «Радару», каждый, понимаете, каждый сможет себе это позволить".

Дальше в статье рассказывалось о том, что журналистам «Радара» удалось раскрыть секрет сохранения красоты, который позволяет «Нефертити» получать огромные прибыли. На самом деле секрет стоит совсем не триста фунтов в год: трехсот пенсов было бы вполне достаточно. Газета готова поделиться своим знанием с читателями.

"На следующей неделе «Санди радар» начнет печатать серию статей, в которых будет приоткрыта завеса тайны, и каждая женщина сможет узнать, как сохранить юность и красоту.

Так что поспешите заказать номер нашей газеты на следующей неделе – нам известно то, что Вы хотите знать!"

Френсис, испытывая раздражение от того, что ему сообщили лишь самый минимум информации, отло-

жил газету в сторону. Интересно, подумал он, сколько выйдут выпусков «Радара», прежде чем они наконец выпустят джинна из бутылки. Впрочем, с его точки зрения самым интересным в статье были обведенные красным карандашом фотографш, рядом с которыми было написано: «Клиенты!»

Затем он взял другую вырезку, покорооче – две колонки из «Санди проул». Вначале тоже были напечатаны пары контрастных фотографий, только на этот раз их было всего две и меньшего формата. Да и дамы, изображенные здесь, были не теми же самыми, что появились на страницах «Радара». Заголовок гласил:

«ЗАБУДЬТЕ ПРО ВОЗРАСТ!»

Ниже шло имя журналиста: Джеральд Марлин. Он начал свою статью так:

"На этой неделе все на Мейфере говорят о том, что некий салон красоты, чье название известно во многих домах, – если, конечно, жители этих домов обладают сверхвысокими доходами, которые могут тратить совершенно свободно, – согласился заплатить огромную сумму по обвинению в нанесении ущерба, лишь бы не привлечь к себе вульгарного внимания суда и, возможно, не оказаться в положении, когда им пришлось бы отвечать на бесцеремонные вопросы при широкой публике. Итак, шелковые юбки, прикрывавшие грязное белье, приподняты, а право на частную жизнь или даже добродетель сохранено, но какой ценой?"

Аллергия – странная вещь, она проявляется в самых неожиданных ситуациях и иногда доставляет нам немало хлопот. Мы сочувствуем даме, которая не только пережила массу неприятных моментов, но еще и вынуждена была страдать в одиночестве, не имея возможности прислониться к надежному плечу своего мужа, которого срочные дела призвали в Южную Америку около года назад и не дали ему возможности находиться возле постели жены в самый критический момент ее жизни – он даже не смог вернуться в Англию. Эта дама заслуживает не только нашего сочувствия, она заслуживает еще и самых искренних поздравлений. Потому что она прекрасно справилась с такой сложной ситуацией.

Однако аллергия доставляет неприятности не только тому, кто от нее страдает; ее виновник, вне всякого сомнения, тоже не испытывает по этому поводу особой радости, особенно если виновником является фирма, которая занимается тем, что помогает богатым дамам обманывать природу и возраст. Наши фотографии несомненно подтверждают, что слава этой фирмы, конечно же, абсолютно заслужена. Естественно, в их работе иногда случаются сбои, но они предпочитают устраивать все таким образом, чтобы об этом знало как можно меньше народа. Во-первых, совершенно ни к чему волновать богатых клиентов. Во-вторых, в каждом деле есть свои тайны и, следовательно, име-

ет смысл заплатить щедрую компенсацию, чтобы потом не пришлось публично признать, что источником весьма солидных прибылей является не какой-нибудь экзотический продукт арабской пустыни или изысканное вещество из Черкесии, а всего лишь простое нечто, которое можно отыскать неподалеку от дома и которое почти ничего не стоит".

Френсису Саксоверу слегка надоел напыщенный стиль умолчания и намеков, которым пользовался мистер Марлин, поэтому он просмотрел среднюю часть статьи по диагонали и более внимательно прочитал лишь последний абзац.

«Источник страданий чувствительной клиентки, впрочем, как и предосторожностей, которым она должна следовать, чтобы избежать повторения приступа аллергии, остается до сих пор ей неизвестен. Нам кажется несправедливым, что леди так и осталась в состоянии неопределенности, не зная, в какой момент она может вновь столкнуться с веществом, причинившим ей такое беспокойство, тем более что на этот раз уже вряд ли удастся получить за него вторичную компенсацию. Поэтому, сочувствуя ее положению, мы вправе предложить следующий совет: избегать по возможности посещения берегов залива Голуэй – но если уж ей и придется туда отправиться, то ни в коем случае не купаться; однако если обстоятельства сложатся так, что избежать купания будет невозможно, она должна

приложить все силы, чтобы не коснуться определенно-го вида водорослей, которые там водятся. Таким образом, соблюдая эти простые предосторожности, наша леди сможет спокойно насладиться той немалой суммой, которую она получила, – если только и другие косметологи не попытаются заработать целые состояния на этой волшебной водоросли, стоящей, как выяснилось, гораздо дороже собственного веса в золоте».

Закончив завтрак, Френсис нарушил свою многолетнюю привычку и не пошел прямо в лабораторию, а направился к себе в кабинет. Здесь, положив руку на телефон, он задумался, не зная, какой номер набрать; в конце концов он решил, что Диана скорее всего еще не вышла из дома". И оказался прав.

– Спасибо за газетные вырезки, Диана, – сказал он. – До тех пор пока никто не заинтересуется, почему у миссис Уилберри возникла аллергия на грибы в результате лечения водорослями, все, пожалуй, будет отлично.

– Никому это и в голову не придет, – ответила Диана. – Аллергии имеют такое странное происхождение что это никого не удивит. Кроме того, я не согласна со словечком «пожалуй». Мой план сработал полностью – как разорвавшаяся бомба. Все мои ненавистные конкуренты целое воскресенье просидели на телефонах, отчаянно пытаюсь узнать что-нибудь еще. Мистеру Марлину, должно быть, предлагали целые состояния за дополнительную информацию. Практиче-

ски все женские газеты послали своих представителей ко мне в контору – они там сидят и поджидают меня, а секретарша говорит, что нам следует нанять попугая, который бы повторял: «Никаких комментариев» репортерам, да и просто любопытным. На мое имя пришел запрос из министерства сельского хозяйства и рыбной ловли по поводу разрешения от министерства торговли на ввоз морских водорослей из Ирландской Республики,

– Это любопытно, – сказал Френсис. – Откуда взялось время на подобную реакцию? Ведь статья была напечатана только вчера, в воскресенье. По всей видимости, они получают информацию из другого источника.

– Конечно, – согласилась Диана. – Я знаю, откуда ее получил Марлин, но неделю назад я позаботилась о том, чтобы данная информация достигла ушей трех моих самых болтливых девушек – по страшному секрету. Теперь этом уже знают все. Ну и повеселимся же мы.

– Послушайте, – сказал Френсис. – Мне не хочется портить вам настроение, но боюсь, у меня нет другого выхода. Пожалуй, я не стану вам ничего говорить сейчас, но сегодня я собираюсь в Лондон, и мне кажется, нам стоит это обсудить. Можете со мной пообедать? Как насчет «Клариджа» в восемь тридцать?

– Время подходящее, а место – нет. Сейчас очень

важно, чтобы ваше имя не связывалось с моим. В ближайшее время на меня будут обращать самое пристальное внимание, поэтому вам не стоит приходить сюда. Давайте встретимся в маленьком ресторанчике «Этомиум» на Шарпott-стрит. Не думаю, что нас там кто-нибудь узнает.

– Да, мне это тоже кажется маловероятным, – согласился Френсис. – Договорились. «Этониум», в восемь тридцать.

– Хорошо, – сказала Диана. – Я с нетерпением буду ждать встречи, после стольких лет, Френсис. Мне очень хочется с вами поговорить и многое объяснить. – Она помолчала, а потом добавила: – У вас такой голос... Это очень серьезно, Френсис?

– Да. Боюсь, что да.

– А, это ты? – проворчал редактор. – Кажется, ты собой страшно доволен.

– И с полным основанием, – ответил Джеральд Марлин.

– Возможно, это к лучшему, потому что у меня нет никакой уверенности, что я... полностью на твоей стороне, надеюсь, ты меня понимаешь. Мне звонил Уилкс из «Радара» – моя телефонная трубка источала яд, он самым натуральным образом желал моей смерти. Ты испортил ему рандиозную кампанию, которую он только начал разворачивать.

– Какая досада, я ужасно сожалею, – весело прого-

ворил Джеральд.

– Что произошло?

– Ну, как я вам и говорил, величина суммы, уплаченной Уилберри, недвусмысленно указывала на то, что «Нефертити» не хочет, чтобы это известие просочилось в газеты. И не удивительно. В этом заведении, похоже, и в самом деле делают с клиентами потрясающие вещи. Я ознакомился с одной хорошенькой девушкой, ужасно невинного вида, которая обожает икру и шампанское, а торгуется не хуже старого лавочника. Я решил, что «Куаглино» будет самым подходящим местом; когда мы вошли, мне в глаза бросилась молодая женщина, которая с удивлением посмотрела на мою новую подружку, а потом быстро отвернулась, сделав вид, что она ее не заметила. Моя спутница тоже слегка удивилась, поэтому я начал ее расрашивать. Она как раз пустилась в объяснения, что другая девушка тоже из «Нефертити», когда к ней подошел Радди Раммер из «Радара» – как вам это нравится? Я отвернулся, чтобы он меня не заметил, а когда они вышли из фойе и направились к своему столику, мы решили пообедать в другом месте.

Ну а потом из своих источников информации я узнал, что «Радар» планирует грандиозную серию статей о косметическом салоне, и тогда мне все стало ясно. Для меня это было ударом. Я хочу сказать, что собирался немного потянуть время и попробовать ка-

ким-то образом заполучить права на добычу водорослей в заливе Голуэй. Однако, ждать больше было нельзя, поэтому я послал телеграмму приятелю в Дублине, чтобы тот навел справки о возможности приобретения прав на добычу морских водорослей в соответствии с ирландскими законами.

– Тебе придется посылать прошение папе римскому или еще что-нибудь в таком же духе, – покачав головой, заявил редактор. – Весьма вероятно, что могут возникнуть очень серьезные проблемы с Ирландией. Они эту штуку едят.

– Они... что?!

– Едят. И называют ее «красная водоросль».

Теперь пришла очередь Джеральда покачать головой, впрочем, трудно было понять: сочувствует ли он ирландцам или сомневается в том, что сказал редактор.

– Так или иначе, я опоздал. Мне оставалось либо позволить «Радару» обойти нас, либо вставить им пару маленьких палочек в колеса. Моего несчастного приятеля, того, что живет в Ирландии, уже, вероятно, затоптали до смерти. Я, можно не сомневаться, не единственный, кому пришла в голову мысль застолбить участок. Дублин, наверное, выглядит просто потрясающе сегодня утром, когда полчища вагончиков мчатся наперегонки, стремясь побыстрее покинуть пределы города и унося отлично экипированные команды на

запад, к болотам.

– О чем, черт подери, ты говоришь? – спросил редактор.

– Золотая лихорадка, старина, – ответил Джеральд и пропел себе под нос:

Как много золота, говорят, – хэй?

На дальних берегах залива Голуэй?

– Должен заметить, – продолжал он, – что и у там есть представители. Вчера мне звонили из всех ных компаний королевства, занимающихся косметикой – кроме «Нефертити», естественно, – чтобы разузнать подробности. Я сделал все, чтобы еще сильнее подогреть их интерес, но боюсь, это слишком рискованно. Единственное, что мешает мне заработать состояние, – признался он, – неприятный факт: в заливе Голуэй водится несколько дюжин разновидностей этих проклятых водорослей, а я, откровенно говоря, не имею ни малейшего представления о том, какая же из них является волшебной. А эта деталь, как выяснилось, является жизненно важной. Если «Радар» сумеет это выяснить, они нас обойдут.

Редактор «Санди Проул» задумался, а потом покачал головой

– Нет. Тогда бы Уилкс так бы не возмущался. Хотя... Возможно, он полагает, что мы нашли ответ на этот вопрос, но пока держим секрет про запас. В любом случае следует выяснить, где они добывают эту дрянь, и

заполучить образец. Игра стоит свеч. Мы можем привлечь к нашей газете множество женщин...

Диана сдвинулась в сторону от толстой красной свечи, стоявшей между ними. Они изучали друг друга. Наконец, Френсис удивленно проговорил:

– Странно: оказалось, что знать – совсем не то же самое, что увидеть.

Диана продолжала пристально смотреть на него. Она вдруг почувствовала, что ее рука, лежащая на столе, задрожала, и поспешно спрятала ее. Медленно и внимательно изучала она каждую черточку его лица. Наконец, сделав над собой усилие, спросила:

– Вы очень на меня сердиты, Френсис?

Он покачал головой:

– Теперь я не сержусь. Раньше – да. Сначала я был возмущен, но потом до меня начал доходить смысл того, что произошло. Когда я сумел разобраться в своих чувствах – изумление, оскорбленное тщеславие и тревога – больше всего именно тревога, мне стало ясно, что не следует давать волю злости. Прежде всего я должен был 'взглянуть на собственные действия – за четырнадцать лет я потерял право на возмущение, но не на тревогу. Я по-прежнему очень обеспокоен.

Он помолчал, продолжая изучать лицо Дианы.

– Теперь я стыжусь своего раздражения. Мой Бог! Сердиться на вас! Сожалеть о том, что я не смог вам помешать! Это будет мучить меня всю жизнь. Непрост-

тительно. Нет, я не сержусь, мне стыдно. Но не только... Френсис смолк, почувствовав, как она коснулась его руки. – В чем дело?

Официант принес меню.

– Нет, нет, позже, – раздраженно сказал Саксовер. – Принесите нам шерри... Так что я говорил? – Он снова повернулся к Диане.

Диана не могла ему ничем помочь. Она не слышала ни единого слова из того, что он сказал. Они продолжали смотреть друг на друга.

Наконец Френсис проговорил:

– Вы не замужем?

– Нет, – ответила Диана.

Он озадаченно посмотрел на нее.

– Я думал... – начал он и остановился.

– Что вы думали?

– Ну, я не совсем уверен... из-за этого?

– В той степени, что я не воспринимаю мир, как большинство женщин. Впрочем, вряд ли меня можно считать типичной: я знала только одного мужчину, за которого действительно хотела бы выйти замуж... Откровенно говоря, мне интересно, как брак будет сочетаться с новым порядком вещей. Люди, которые смогут любить друг друга на протяжении двухсот или трехсот лет, вряд ли встречаются часто.

– А разве он сочетается, если говорить вашими словами, с нынешним порядком вещей? – поинтересовался

ся Френсис. – Люди просто приспособливаются. Не вижу причин, почему бы они не стали приспособливаться – дальше. Например, браки, заключенные на определенный срок, с заранее оговоренными условиями – так составляются договоры на аренду собственности.

Диана покачала головой:

– Все гораздо сложнее. С точки зрения антропологии: в настоящее время главной социальной ролью западной женщины является роль жены; затем – матери; в высших и средних слоях общества она иногда имеет статус соратницы, в остальных классах эта роль находится в самом, конце списка, а в большинстве не западных стран она и вовсе сведена к нулю. Однако как только возникает перспектива продления срока союза от пятидесяти до двухсот или трехсот лет, возможны самые разнообразные варианты. Я магически не сомневаюсь[^] что в такой ситуации сотрудничество выйдет на первое место. А поскольку наши социальные законы, общественная пропаганда и часть торговли пытаются убедить девушек в необходимости приобретения статуса жены, перенесение акцента вызовет самую настоящую социальную революцию.

К счастью, это станет ясно только через некоторое время, иначе против нас ополчились бы все молодые женщины. Быть женой так легко – за тебя почти все делает природа. Мозги тут не нужны, достаточно привлекательной внешности, да и ее можно получить за день-

ги. Быть сора́тницей – гораздо более сложная штука; приходится шевелить мозгами, и тут не купишь бутылочки с притираниями – они все равно не помогут. Эта идея не будет пользоваться популярностью, но сначала они ничего не сообразят. Просто не поверят, даже если им кто-нибудь и объяснит. Все склонны считать, что нынешние антропологические принципы поведения являются законами природы. Поэтому все женщины должны быть хорошенькими милашками с куриными мозгами, и все любящие мужья, все страдающие ленью мысли будут на нашей стороне, ибо единственное, что они увидят в возможности долгой жизни, – дополнительное время для игр в спальне.

Не сводя с нее глаз, Френсис медленно улыбнулся.

– Вот это настоящая Диана, – сказал он. – Кое-что за эти годы я успел забыть.

Диана застыла.

– Тут нет ничего... – начала она, а потом смолкла. Быстро заморгала. – Я... – снова начала она. И веко чила на ноги. – Через минуту я вернусь, – бросила она уже на ходу и, прежде чем Френсис успел что-нибудь сказать, была уже в другой части ресторана.

Он сидел, потягивая шерри, бессмысленно уставясь на оставленную Дианой шаль. Подошел официант и положил перед ним и перед тарелкой Дианы большое меню. Френсис заказал еще один бокал шерри. Примерно через десять минут Диана вернулась.

– Пора заказывать, – сказал он.

Официант принял заказ и ушел. Наступившее молчание возило затянуться. Диана слегка наклонила красную свечу, так что воск начал медленно стекать вниз по одной стороне. Потом довольно резко спросила:

– Вы слышали шестичасовые новости?

Френсис не слышал.

– Так вот, примите к сведению, что министерство сельского хозяйства Ирландской Республики опубликовало указ запрещающий добычу морских водорослей без соответствующей лицензии. – Она сделала паузу. – «И после того как ты занялся экспортом водорослей... тут-то ты и превратился в Пэдди*?»

– «Вовсе нет!»

– «А вот и да! Правительство-то заявило, что ты не можешь заниматься своим промыслом без бумажки»... Лицензии, – добавила она, – очевидно будут выдаваться, когда правительство придет к решению, какую пошлину следует взимать. Тут все здорово развлекутся.

– Кроме тех несчастных женщин, которые с надеждой ждут чуда, – напомнил Френсис.

– Ну, их это не очень удивит, – успокоила его Диана. – Слово «чудо» часто встречается в женских журналах. Никто и не думает, что оно что-нибудь действительно означает. Это нечто вроде украшения для дерьма чтобы не угасала надежда.

– А зачем вам вообще потребовалось затевать эти глупости с водорослями? – поинтересовался Френсис.

– Чтобы отвлечь их, – объяснила Диана. – Мои конкуренты страдают от излишней доверчивости. Пройдет немало времени, прежде чем они сообразят, что это полнейшая чепуха. А пока клиенты будут требовать крем из водорослей, лосьон из водорослей, станут употреблять водоросли на завтрак и все такое прочее, так что конкурирующие фирмы не очень пострадают в материальном отношении. Я заранее заготовила несколько статей и могут поместить их в разных газетах; в одной из них говорится, что рецепт сохранения красоты, в состав которого входят водоросли, был придуман еще в глубокой древности, его удалось восстановить только сейчас – миф о Венере, выходящей из морской пены, символизирует связь моря красоты в представлении древних. Здорово, правда? По моим расчетам, должно хватить как минимум на два года, может быть, на четыре, а затем кто-нибудь заметит, что все эти глупости с водорослями не дают тех результатов, которых добивается «Нефертити». К тому времени выяснится * Шутливое прозвище ирландца. что «Нефертити» применяет в своей практике абсолютно новый электронный прибор – при помощи ультразвуковой стимуляции клеток, расположенных под эпидермой, восстанавливает эластичность тканей, что и является секретом истинной глубинной красоты. Знаете, если потребуется,

я могу придумывать такие штуки до бесконечности.

Френсис покачал головой.

– Хитро, – признал он. – Только я очень боюсь, что все это зря, Диана.

– О нет! – воскликнула она, неожиданно обеспокоенная его тоном. – Френсис, что случилось?

Френсис еще раз огляделся по сторонам. Он не знал никого из обедающих. Соседние столики пустовали, а в зале было достаточно шумно, чтобы никто не мог подслушать их разговор.

– Вот о чем я хотел вам рассказать, – начал он. – Не очень-то приятно в этом признаваться, но в данных обстоятельствах вам может грозить опасность, если я не буду полностью откровенным. Это связано с женой моего сына.

– Понятно. Стефани говорила мне о ней. Иными словами, Пол ей все рассказал?

– Да, – кивнул Френсис. – Он считал, что это его долг. Пол рассказал ей на следующий день. Как я понял, разговор получился не очень приятным. Они поругались – а в результате Пол никак не может вспомнить, что именно успел ей сказать. Однако он упомянул лишанин и вас.

Пальцы Дианы сжались в кулаки.

– Это, – сказала она, с трудом сдерживаясь, – было уж совсем ни к чему.

– О да, этого вообще не стоило делать, черт бы его

побрал. По когда Пол начал ей рассказывать, он никак не мог объяснить, почему я открыл этот секрет ему и Стефани именно сейчас.

Диана кивнула.

– А что было потом?

– Джейн отнеслась к известию довольно своеобразно несколько дней она размышляла, а затем навела кое-какие справки. После чего явилась в «Дарр», прямо ко мне. – Он рассказал Диане о визите Джейн.

Диана нахмурилась:

– Иными словами, она прижала вас к стенке. Мало-симпатичная молодая особа.

– Ну, – ответил Френсис, стараясь соблюдать объективность, – в ее доводах о том, что, как жену моего сына ее несправедливо лишили благ, которые я должен был предоставить, есть некоторый резон. Только вот вела она себя чересчур уж агрессивно.

– Но вы ведь сделали то, чего она хотела? Вы дали ей лишанин?

Френсис кивнул.

– Мне было бы совсем не трудно обмануть ее и вшить что-нибудь безвредное, – признался он. – Однако я подумал, что таким образом ничего не выиграю. Мне бы все равно пришлось признаться, иначе она сама обнаружила бы подмену, а отношения еще сильнее ухудшились бы. Я полагаю, серьезный урон уже и так нанесен – хотя бы тем фактом, что она знает о нашем

открытии. Поэтому я дал ей лишанин. Насколько я понял, вы используете инъекции, но мне представляется удобнее делать имплантации лишанина в растворимой оболочке, так я вводил его Полу и Стефани. Как я теперь жалею, что не использовал для этого обычные инъекции!

– Я не совсем понимаю, в чем разница.

– Сейчас поймете. Когда Джейн пришла домой, она рассказала Полу, что была у меня – видимо, считала, что так будет лучше; он бы все равно заметил повязку у нее руке. Пол догадался о том, как она со мной разговаривала, и ужасно рассердился. Как только он увидел повязку, сразу же понял, что она сделана несколько необычно. него уже возникли подозрения – видимо, Джейн вела себя немного странно. Пол настаивал на том, чтобы посмотреть надрез и... оказалось, что капсулы с лишанином там нет.

Джейн упрямо утверждала, что капсула, вероятно, выпала, когда она делала перевязку. Полнейшая ерунда, конечно, капсулу извлекли, а потом зашили рану парой швов, так, как это было сделано мной.

Но Джейн продолжала настаивать на своих словах, кими бы дурацкими они ни казались. Кончилось тем, она кинулась в свою спальню и там заперлась. Пол ночь провел в соседней комнате. Когда на следующее он проснулся, Джейн исчезла – с двумя чемоданами... Больше ее никто не видел.

– Может, все это произошло случайно? – после секундного раздумья спросила Диана.

– Исключено.

– Вы хотите сказать, что она получила капсулу у вас для того, чтобы передать ее кому-нибудь другому?

– Очевидно. Скорее всего это сопровождалось обещанием, что они вернут ее на место, когда как следует изучат.

– И заплатят хорошие деньги – судя по тому, что вы рассказали о Джейн. Что можно выяснить, исследовав капсулу?

– Гораздо меньше, чем они рассчитывают, полагаю. Ни вам, ни мне за долгие годы не удалось синтезировать вещество. Мы должны предположить худшее и быть готовыми к тому, что она рассказала все, что знает. Таким образом, они получают направление дальнейшего научного поиска.

– Джейн знает, откуда берется лишанин?

– Нет. К счастью, я не успел рассказать об этом Полу.

– Как вы думаете, каким будет следующий шаг?

– Они попытаются навести справки о нашем импорте, а затем выследить источник поставок, так я полагаю.

– Если им удастся преодолеть мою систему защиты менее чем за пару лет, – тут Диана не удержалась от улыбки, – я буду сильно удивлена. Что же до «Дарра», вы постоянно получаете грузы самого странного про-

исхождения со всех концов света.

– К несчастью, в «Дарр» доставляется очень мало лишайников, – сказал ей Френсис. – Естественно, я старался соблюдать осторожность и принял меры против случайностей, но тщательное расследование – это дело серьезное... – он пожал плечами.

– Даже если и так, – проговорила Диана, – кто сможет идентифицировать именно этот вид лишайника? Мы дали ему отличное длинное название, но сказать, какому именно растению принадлежит это имя, можем только мы – вы и я.

– Если они найдут сборщиков, то без труда смогут определить, какой вид лишайника нас интересует, – объяснил Френсис.

Они молча сидели, пока официант суетился возле столика и наполнял бокалы. Френсис нарушил молчание и философски сказал:

– Так должно было случиться, Диана. Мы же знали, что рано или поздно это произойдет.

– Лично меня устроило бы, если бы это произошло? позже, – нахмурившись, ответила Диана, – однако я думаю, что чувствовала бы себя точно так же, когда бы этот момент ни наступил. Черт побери проклятую Уилберри и ее аллергию... Надо сказать, у нее не обычный вид лергии, иначе я бы с ней столкнулась раньше. Впрочем, все равно уже ничего не изменишь. – Диана еще немного помолчала, потом продолжила: – Мы все

время говорим «они». Можем ли мы предположить, кто «они» такие?

– Понятия не имею, – пожав плечами, проговорился Френсис. – Ни одна уважающая себя фирма не стала бы связываться с таким сомнительным делом и в подобных обстоятельствах. Однако имя «Саксовер» могло открыть Джейн двери в любых других заведениях, работающих тем же, чем занимаемся мы.

– Да. Вероятно, это кто-то из них.

– Похоже на то. Джейн не стала бы платить комиссионные промежуточному звену.

Диана нахмурилась:

– Мне это нравится все меньше и меньше, Френсис. Ведь нашим лишанином можно воспользоваться таким образом, что он будет приносить колоссальную прибыль... пока его будет хватать. – Она хитро улыбнулась. – Я и сама совсем неплохо устроила свои дела, но если у человека нет принципов... – Она немного помолчала, а потом заговорила снова: – Простая утечка – это одно, но то, что вы рассказали, – совсем другое. Иными словами, если для них не имеет значения, каким способом добывать информацию, то вряд ли они будут руководствоваться соображениями морали, когда поймут, что дело пахнет миллиардами.

– Они – кем бы они там ни были – не смогут сохранить дело в тайне, – покачав головой, сказал Френсис, – Посмотрите, что произошло, когда я рассказал о

открытии собственным детям.

– Может быть, вы и правы, – согласилась Диана. – Только я имела в виду вот что: возможно, мы сумеем помешать, предав наш секрет гласности. Как только убедятся, что заполучили самое настоящее сокровище, они захотят захватить как можно больше вещества, а единственный способ сделать это... ну, естественно, украсть его, разузнать, в чем заключается суть процесса, а лучше поймать одного из нас. Или обоих.

– Об этом я тоже подумал, – кивнул Френсис. – В «Дарре» теперь вряд ли можно отыскать что-нибудь полезное, а если я исчезну, немедленно появится статья в газете. Полагаю, вы приняли такие же меры предосторожности?

Диана кивнула.

Они внимательно посмотрели друг на друга.

– Френсис, – проговорила Диана. – Это же так глупо и мелко. Единственное, что мы хотим, – подарить людям нечто. Чтобы их древняя мечта сбылась. Мы можем предложить им жизнь и дадим им время, чтобы эту жизнь прожить. Вместо короткой борьбы за существование... и быстрого конца. Они смогут стать мудрыми и построить новый мир, станут настоящими мужчинами и женщинами, вместо того чтобы до конца дней оставаться детьми-переростками. И посмотрите на нас – вы представляете себе картины хаоса, а я уверена в

том, что наш проект встретит жестокое сопротивление, что он будет уничтожен силой. Ничего не изменилось — для нас с вами.

Она налила себе еще кофе. Целую минуту внимательно разглядывала содержимое чашки, словно в ней было какое-то колдовское зелье, а потом сказала:

— Дело зашло слишком далеко, Френсис. Больше нельзя держать наше открытие в секрете. Вы опубликуете заметки?

— Пока еще нет, — сказал Френсис.

— Предупреждаю, я начинаю готовить своих дам.

— А почему бы и нет? — согласился он. — Это же не имеет никакого отношения к обоснованной научной статье.

— Ну, придется и статью публиковать, если зазвучат громкие требовательные голоса. — Она немного помолчала. — Да, вы правы, Френсис, вам лучше появиться на сцене немного позже... Но я предложила вам первенство.

— Я этого не забуду, Диана.

— А еще я тщательно проинструктирую своих дам — всего их девятьсот восемьдесят — и отправлю на поле боя сражаться за наше дело. Сомневаюсь, что они добровольно согласятся на то, чтобы наша идея была тихо похоронена. — Диана снова помолчала, а потом рассмеялась. — Жаль, что с нами нет моей воинственной тетушки Анни! Тут она была бы в своей стихии. Молот-

ки для витрин, бензин для почтовых ящиков, бурные сцены в суде!

– Как я посмотрю, вы с нетерпением ждете всего этого, – в голосе Френсиса появилось осуждение.

– Конечно, – согласилась Диана. – Со стратегической точки зрения я бы не возражала, если бы у нас было еще немного времени, но лично я... Ну, когда в течение двенадцати лет разрабатываешь идею, погружившись в окутанную розовыми тенями, напоенную ароматом цветов, устланную мягкими коврами, одетую в шуршащие шелка и в целлофановые обертки сказочную страну, населенную нежно мурлычущими, коварными, циничными, жадными, безжалостными кошками, которые ох как часто выпускают когти и которые зарабатывают себе на жизнь тем, что помогают другим женщинам использовать на максимум свои сексуальные прелести... так вот, вы бы тоже радовались любым переменам.

Френсис рассмеялся:

– Мне говорили, что вы отличный бизнесмен.

– Ну, эта сторона дела бывает иногда достаточно интересной, – призналась Диана, – да и выгодной. Однако поскольку я обеспечиваю клиенток тем, о чем мои конкуренты могут только мечтать, вряд ли я могу проиграть, не так ли?

– А как насчет будущего? У вас ведь впереди долгая жизнь.

– У меня масса планов, – весело проговорила Диана. – План А, план Б, план В. Ну ладно, хватит обо мне. Расскажите мне про себя и про «Дарр»...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 9

Проходя через приемную в свой кабинет, Диана остановилась.

– Доброе утро, Сара. Есть сегодня что-нибудь интересное?

– В почте нет, мисс Брекли, – ответила мисс Толлуин, – а вообще есть. Вы, наверное, еще не видели этого.

Она держала в руках номер «Рефлектора». Как и обычно журнал был скорее похож на слоеный пирог, чем на информационное издание. Жирные заголовки, набранные шрифтами разных размеров и видов, сразу привлекали внимание. А вот объявление, на которое указывала пальцем мисс Толлуин, не бросалось в глаза.

В нем говорилось:

"КРАСОТА! Вечная красота! Больше чем просто внешняя красота! Море, великий прародитель всего живого, дарит Вам новую, истинную красоту – красоту вместе с ГЛАМАРОМ! ГЛАМАР – это великолепное сияние моря, попавшего на ваш туалетный столик. В

ГЛАМАРЕ Вы найдете истинный, пряный, восхитительно терпкий аромат морского ветра!

Из всех элементов, имеющихся в море, всего лишь одно морское растение выделяет, поглощает и концентрирует те свойства, что хранят секрет настоящей, вечной красоты. Благодаря усилиям опытных химиков и косметологов чудесная суть этого растения, до сих пор являющаяся дорогостоящей прерогативой всемирно известного роскошного салопа красоты, стала теперь доступна ВАМ...

Воздействие ГЛАМАРА носит глубинный характер. Чувство внутренней красоты..."

– Отлично, – заявила Диана. – И это всего лишь через месяц после пробного выстрела. Совсем неплохо.

– Насколько мне известно, по-прежнему запрещено добывать и вывозить любые водоросли из залива Голуэй, ирландское правительство все еще пытается выяснить, какой именно вид водорослей интересуют англичан, ну и, конечно, определить размер пошлины, – сказала мисс Толлуин.

– Сара, дорогая, сколько лет вы уже в этом бизнесе? – поинтересовалась Диана.

– А я вовсе не в этом бизнесе, – заявила мисс Толлуин. – Я всего лишь ваш секретарь.

– Вряд ли вы захотите заключить пари на то, что через пару дней после снятия запрета появятся «специалисты», которые станут утверждать, что они применя-

ют в своей практике только настоящие водоросли из залива Голуэй?

– Я не играю в азартные игры, – объявила мисс Толлуин.

– Многие так считают, – сказала Диана. – Ладно, еще что-нибудь?

– С вами хотела поговорить мисс Брендон.

Диана кивнула:

– Скажите ей, чтобы зашла, как только освободится.

– Леди Тьюли хотела бы записаться к вам на прием.

– Но... ко мне? Зачем?

– Она сказала, что по личному делу. Леди была очень настойчива. Я предварительно договорилась на три часа. Могу позвонить и отменить встречу.

Диана покачала головой:

– Нет, наоборот, подтвердите ее, Сара. Леди Тьюли не стала бы настаивать без серьезной на то причины.

Диана зашла в свой кабинет, занялась письмами, которые мисс Толлуин сложила у нее на столе. Минут через пятнадцать к ней вошла мисс Брендон.

– Доброе утро, Люси. Садитесь. Как идут дела в секретной службе тайного агента Брендон?

– Ну, мисс Бреккли, одним из самых интересных открытий было то, что наша секретная служба не единственная, действующая на данной территории. Я считаю, вам следовало сказать мне об этом – а им обо мне. Пару раз возникли весьма неприятные ситуации.

– Понятно, вы столкнулись с агентами Тани, да? Не беспокойтесь. У них другие задачи. Они скорее выполняют розыскные функции. Я поговорю с Таней. Я не хочу, чтобы вы тратили время, играя друг с другом в шпионов. Еще что-нибудь?

Мисс Брендон слегка нахмурилась.

– Тут довольно сложно разобраться, – неуверенно начала она, – столько людей проявляет к нам интерес. Ну, во-первых, этот тип, Марлин, из «Проула». Появился снова и предложил мне пятьдесят фунтов за образец водоросли, которую мы используем...

– Он начинает действовать опрометчиво, – перебила ее Диана. – Откуда он может знать, что мы не используем какой-нибудь обычный вид водорослей?

– Ну, на его месте я бы просто выяснила, какие виды водятся в заливе Голуэй, а какие распространены в других местах. Таким образом, можно было бы сузить круг до нескольких вариантов. И если я передам ему что-нибудь другое, он сразу сообразит, что мы пытаемся его обмануть.

– Да, следует подумать об этом. Продолжайте, – попросила Диана.

– От него мне удалось узнать, что этим делом заинтересовалась полиция. Инспектор расспрашивал его о нас и о женщине, ставшей жертвой аллергии, о миссис Уилберри. Его фамилия Эверхаус – репортер «Проула» по уголовным делам утверждает, что он специ-

ализируется на наркотиках. Инспектора сопровождал сержант Мойн – так получилось, что Эверил Тодд, которая работает на верхнем этаже, рассказала мне, что за ней ухаживает молодой человек по имени Мойн, утверждающий, что состоит на государственной службе.

– Итак, «Проул» и полиция. Кто еще? – спросила Диана.

– Журналист из «Радара», Фредди Раммер, продолжает обрабатывать Бесси Холт, но она ничего не может рассказать и продолжает вешать ему лапшу на уши, не отклоняя приглашений в дорогие рестораны. Кто-то из девушек завел себе новых поклонников, часть из них определенно связана с косметическими фирмами, остальные, возможно, тоже, но я еще не успела выяснить наверняка.

– Они слетаются к нам, как мухи на мед, – усмехнулась Диана. – И все хотят выяснить, какие именно водоросли мы используем?

– Большинство, – подтвердила ее догадку мисс Брендон. – Только мне не совсем понятно, почему нами заинтересовалась полиция. Кстати, через пару дней после того, как инспектор Эверхаус посетил миссис Уилберри, она направилась к кому-то на Харли-стрит, очевидно, на обследование.

– Ребята из полиции ведут себя традиционно. Не думаю, что нам следует опасаться обвинения в распространении наркотиков. Мне удалось нагнать на наших

девушек страху, объяснив, что с ними будет, если они, не дай Бог, возьмут в руки наркотики; к тому же Танина команда следит за ними, как коршуны за цыплятами – да и не только за персоналом. – Диана сделала небольшую паузу. – С другой стороны, существует возможность, что кто-нибудь смог придумать нечто, отличное от наркотиков. Если бы удалось узнать, что именно интересуется полицию, я была бы вам очень признательна.

– Я постараюсь сделать все, что в моих силах, мисс Брекли, – заверила мисс Брендон, собираясь уходить.

Диана остановила ее жестом. Она долго и внимательно смотрела на девушку, пока та не покраснела.

– Если вы закончили... – начала она.

Диана резко ее прервала:

– Мы не закончили, Люси. Осталось еще кое-что, очень важное. Приближается время, когда мне понадобится человек, близкий мне человек, которому я смогу доверять. Я хочу сделать тебе предложение. Мне многое о тебе известно, гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Ты рассказала мне о том, почему пришла к нам; и, надеюсь, я знаю, что именно ты думаешь о нашем заведении. Того, что я расскажу тебе сейчас, никто здесь не знает... никто, кроме меня. После этого я сделаю тебе предложение.

Диана встала и закрыла дверь на задвижку. Затем вернулась за свой стол и взяла телефонную трубку.

– Пожалуйста, Сара, ни с кем меня не соединяйте, – попросила она и положила трубку на место.

– А теперь... – начала она...

Ровно в три часа мисс Толлуин открыла дверь в кабинет и объявила:

– Леди Тьюли, мисс Брекли.

Леди Тьюли вошла. Высокая, стройная, в элегантном сером костюме из мягкой кожи. Все, от кончиков туфель и до маленькой шляпки, было тщательно продумано – не принималась в рассмотрение лишь цена. Такой клиент делал честь «Нефертити».

Когда дверь закрылась, Диана сказала:

– Дженет, дорогая, вы меня встревожили. Всякий раз, стоит мне вас увидеть, я думаю о том, что тоже внесла вклад в создание этого потрясающего произведения искусства.

Леди Тьюли наморщила носик:

– Когда это говорите вы, Диана, возникает подозрение, что вы напрашиваетесь на комплименты. Но получилось очень мило, не так ли? – Она одобрительно оглядела себя. – Кроме того, безработным приходится находить себе занятие.

Она изящно присела на стул. Диана предложила ей сигарету и помогла прикурить, воспользовавшись большой настольной зажигалкой. Дженет Тьюли выпустила облачко дыма и откинулась на спинку. Они посмотрели друг на друга, и Дженет усмехнулась.

– Я знаю, о чем вы думаете. Мне очень льстит, что у вас такой самодовольный вид.

Диана улыбнулась. Она и в самом деле вспомнила их первую встречу, десять лет назад. Леди Тьюли, которая тогда смотрела на нее через тот же самый стол, выглядела совсем иначе. Высокая нервная девушка двадцати двух лет, с приятной внешностью, прелестной фигурой и длинными ногами, но без малейшего представления о том, как следует одеваться и пользоваться макияжем, с крайне неудачной прической, угловатая, как шестнадцатилетняя девчонка. Она несколько мгновений внимательно рассматривала Диану, а потом заявила:

– Вот это да. – Казалось, она говорит это скорее себе.

Уголки рта Дианы дрогнули, и она слегка приподняла брови.

– Прошу прощения, – смутившись, сказала девушка, – я не хотела быть невежливой. Мне никогда не приходилось бывать в подобных местах, – призналась она. – Я почему-то думала, что таким салоном руководит женщина лет шестидесяти, с крашеными волосами, напудренным лицом, в жестком корсете, в общем похожая на королеву Викторию.

– Но, несмотря на это, вы пришли сюда, – заметила Диана. – Я рада, что ваши худшие ожидания не оправдались. А теперь скажите, чем я могу вам помочь?

– Мне требуется нечто похожее на то, что сделал Пигмалион, – немного поколебавшись, ответила девушка. Дальше она заговорила увереннее: – Видите ли, я... согласилась работать в качестве леди Тьюли, поэтому мне бы хотелось выполнять свои обязанности честно. Я и представить себе не могла, что со мной такое произойдет, и мне, нужна помощь. Меня... – Девушка снова немного поколебалась, – меня не очень устраивает помощь, которую до сих пор мне предлагали, и я решила, что следует обратиться к профессионалу, незаинтересованному... – Она не закончила предложения, и оно словно повисло в воздухе.

Диана на короткое мгновение представила себе тетушек и сестер молодой леди Тьюли, которые наверняка принялись за дело, не очень заботясь о такте.

Девушка добавила:

– Я в состоянии научиться выглядеть как надо, только у меня никогда не было настоящих педагогов. Мне просто некогда было обращать внимание на подобные вещи,

– Конечно, вы сможете прекрасно выглядеть, – откровенно призналась Диана, – Я об этом позабочусь. Вы получите прекрасных наставников и педагогов, но вот что вы от них возьмете, чему научитесь – будет зависеть только от вас.

– Я в состоянии научиться, – снова повторила девушка. – Сейчас мне нужна хорошая отработка всех

правил. И если я не сумею в самое ближайшее время победить этих пустоголовых идиотов в их собственных играх... ну, я получу то, что заслуживаю.

– Прекрасно вас понимаю, – кивнув, сказала Диана. – Но вы не должны их недооценивать. Они действуют на своей территории и целеустремленно устраивают свою жизнь в-обществе – в конечном итоге, им не на кого больше рассчитывать, кроме как на самих себя.

– Добиться своего – это, конечно, замечательно, но вряд ли вы победите, если будете принимать все так близко к сердцу.

– Я не стану принимать все близко к сердцу. У меня нет особых амбиций. А если бы и были, я употребила бы их на что-нибудь стоящее, – заверила Диану девушка. – Но я согласилась стать леди Тьюли, так что мне не остается ничего иного, как одержать над ними победу,

В ее голосе появилась горечь, и Диана заметила, что глаза девушки подозрительно заблестели.

– А чем вы занимались раньше? – поинтересовалась она.

– Полгода назад я училась на четвертом курсе, хотела стать врачом и жила в крошечной квартирке в Блумсбери, – ответила леди Тьюли. – Хорошо знала законы той жизни и представить себе не могла, что они совершенно отличаются от тех, которым мне приходится подчиняться теперь.

Диана несколько мгновений раздумывала над обстоятельствами, заставившими девушку так круто изменить свою жизнь, а потом заявила напрямик:

– Не вижу причин, которые могли бы помешать вам добиться успеха. По правде говоря, я абсолютно уверена, что у вас все получится, нужно только захотеть. Но это будет стоить дорого.

– Как раз то, что мне нужно, – ответила леди Тьюли. – Это один из первых уроков – следует тратить на себя много денег, из самоуважения, поступать иначе очень буржуазно.

– Отлично, – сказала Диана, и они приступили к делу. Глядя на одетую с безукоризненным вкусом, уверенную даму с прекрасными манерами, коей стала леди Тьюли, Диана улыбнулась своим воспоминаниям о девушке, пришедшей к ней за помощью.

– Я не самодовольна, это не то слово, которое следовало бы употребить, – сказала она. – Удовлетворена и рада – восхищена, скорее, да, именно так.

– Я принимаю ваше восхищение, – скромно проговорила леди Тьюли. – Знаете, когда нужно, я умею очень здорово притворяться.

– Но это по-прежнему остается притворством? Вы не изменились и не стали такой, как те, кто вас окружает?

– Диана, дорогая, вы же скорее, чем кто-либо другой, должны узнавать притворство. Именно это и озадачивало меня, когда я на вас смотрела. Я притворя-

юсь, потому что вышла замуж и обстоятельства требуют от меня соответствующего поведения. Но почему, спрашивала я себя раньше, притворяется Диана? И никак не могла найти ответа на свой вопрос.

– Раньше? – переспросила Диана. – А теперь вам это известно?

– Вопрос, на который постоянно ищешь и не находишь ответа, может наскучить, не так ли? – уклончиво ответила леди Тьюли. – Вероятно, вам интересно, зачем я пришла.

Диана кивнула.

– Боюсь, новости не очень приятные, – продолжала Дженет. – Наша шикарная и страшно богатая компания напоминает прачечную по понедельникам, куда прибывают целые кучи грязного белья, впрочем, вам это должно быть хорошо известно.

– В общих чертах, да, – согласилась Диана.

– Вот что меня в вас восхищает, Диана. Вашему персоналу известна масса самых разнообразных грязных подробностей о личной жизни клиентов, а вас они совершенно не интересуют.

– А мне следовало бы ими заинтересоваться?

– Ну, учитывая, что вы стоите во главе этого клуба по обмену сплетнями... Ладно, насколько я понимаю, вы еще не слышали о моей интрижке с мистером Смелтоном?

Диана покачала головой.

Дженет пошарила в сумочке, которая безукоризненно подходила к ее костюму, вытащила золотой браслет, усеянный бриллиантами, и положила его на стол Дианы.

– Красивый, правда? Гораций Смелтон подарил мне его на день рождения. Кажется, рыбаки называют это блесной, а я – сверкающей наживкой. Ну, такая штука, которую заглатывают... – она задумчиво посмотрела на браслет. – Самое забавное, что подарил его мне Гораций, только вот деньги заплатил мой муж. Я лишь сейчас узнала об этом. И представил мне Горация тоже мой муж, несколько месяцев назад...

Короче говоря, вашему персоналу, возможно, это известно, даже если до вас еще не дошли слухи: мой муж и я... ну... вот уже три года у нас достаточно официальные отношения... На людях мы изображаем из себя примерную супружескую пару, и больше ничего. Так вот, я никак не могла понять, что же происходит.

Можно было бы подумать, что он намерен поставить меня в положение, когда сможет потребовать развод. Мой муж не очень приятный человек. Но, обдумав все как следует, я пришла к выводу, что существует несколько причин, по которым такое объяснение не проходит. Тогда я решила, что он, вероятно, хочет что-то узнать, но, поскольку мы практически не разговариваем друг с другом, он не имеет возможности задать мне свои вопросы напрямую. Ну, Гораций вполне привле-

кательный молодой человек, даже если и знаешь, что он самый настоящий врун, так что я решила им подыгрывать – не очень его поощряла, но и не отталкивала. – Дженет Тьюли бросила догоревшую сигарету в пепельницу и сразу закурила следующую.

– Короче говоря, – продолжала она, – я заметила, что в наших разговорах постоянно мелькает слово «Нефертити». О, Гораций делал свое дело достаточно тонко, но я постоянно следила, не возникнет ли какая-нибудь повторяющаяся тема, и сразу испробовала несколько ловушек – стала восхвалять результаты вашего открытия с водорослями. Он повел партию очень аккуратно: не заявил, что все эти разговоры про морские водоросли – полнейшая чепуха; он сказал об этом значительно позже. А когда наступил подходящий момент, Гораций сделал мне предложение. Если мы сумеем добыть образцы всех препаратов, которыми вы пользуетесь в «Нефертити», в особенности то, что вводится пациентам в виде инъекций... он знает людей, которые готовы заплатить за них хорошую цену. Если я уговорю какую-нибудь из ваших девушек рассказать мне что-нибудь об исходных материалах, за это тоже неплохо заплатят. Ну а если девушка достанет совсем маленький кусочек вполне определенного материала, который скорее всего напоминает лишайник, они и во все отвалят целое состояние.

Обдумывая его слова, я вспомнила, что Алек, мой

муж, находится в давних приятельских отношениях с директором Сентвордской химической корпорации.

Дженет снова замолчала и задумчиво покачала головой.

– На самом деле, Диана, у меня создается впечатление, что игра практически окончена.

Диана спокойно посмотрела на нее.

– Игра? – осведомилась она.

– Моя дорогая, – сказала Дженет. – Мы знакомы уже десять лет. И вот что интересно – мы обе за это время почти не изменились, не правда ли? Кроме того, вы должны помнить, что я четыре года изучала медицину. Вероятно, я единственная из ваших клиентов владею соответствующими знаниями. Факт интересный. По правде говоря, если моя догадка верна, вполне возможно, что я снова займусь медициной. Конечно, приятно носить дорогую одежду и тому подобное, но цена за такую жизнь оказалась гораздо выше, чем я предполагала, не говоря уже о том, что заниматься этим долго скучно, вы со мной согласны?

Диана не отвела взгляда.

– И как давно вас посетили подобные мысли?

Леди Тьюли пожала плечами:

– Трудно сказать, моя дорогая, потому что в это трудно по-настоящему поверить. Пожалуй, мои подозрения переросли в уверенность около трех лет назад.

– Но вы никому ничего не рассказали?

– Нет. Меня это просто завораживало. Я хотела сама увидеть, что произойдет дальше. В конце концов, если я не ошиблась, у меня достаточно времени на ожидание. А если ошиблась, тогда этой вовсе не имело никакого значения. Я знаю вас, Диана. И верю вам. У меня не было никаких оснований вмешиваться – во всяком случае до сих пор. Теперь же, когда они появились, я просто сгораю от нетерпения, у меня к вам множество вопросов.

Диана посмотрела на нее. Дженет Тьюли слишком хорошо овладела манерами, присущими женщинам ее круга, – вежливое внимание на лице, и больше ничего. Диана улыбнулась и бросила взгляд на запястье, где были часы.

– Ладно, – согласилась она, – но сейчас у меня есть только полчаса.

– Тогда я начну с главного вопроса, – сказала Дженет. – Сопровождается ли замедление процесса старения ускорением процесса распада, если лечение приостанавливается?

– Нет, – ответила Диана. – Метаболизм просто возвращается в свое нормальное состояние.

– Это большое облегчение. Меня преследовала мысль, что однажды, за каких-нибудь пять минут я превращусь из женщины средних лет в старуху, пораженную малярией. Теперь о вторичных эффектах и реакциях на различные стимуляторы. Мне показалось, что

я заметила...

Вопросы продолжались более получаса, пока их не прервал телефонный звонок. Диана взяла трубку. Мисс Толлуин сказала:

– Мне очень жаль, мисс Брекли. Я знаю, вы не хотели, чтобы вас беспокоили, но мисс Саксовер звонит уже в третий раз. Она говорит, что у нее к вам срочное дело.

– Хорошо, Сара. Соедини меня с ней.

Диана помахала рукой леди Тьюли, которая уже собралась уходить.

– Привет, Стефани. Что случилось?

– Я насчет «Дарра», Диана, – услышала она голос Стефани. – Папа считает, что ему лучше тебе не звонить.

– Что произошло?

– Пожар. Жилое крыло нашего дома практически все сгорело. Папа едва спасся.

– С ним все в порядке? – с беспокойством быстро спросила Диана.

– О да. Ему удалось выбраться на крышу и по ней перейти в главное здание. Пожарные смогли отсечь огонь, но папа хотел, чтобы ты знала: полиция практически уверена, что пожар явился результатом поджога.

– Кому это может быть нужно? Нет никакого смысла...

– Полиция предполагает, что, скорее всего, сначала

была предпринята попытка ограбления, а уж потом они устроили пожар, чтобы замести следы. Удалось найти место, где взломаны замки. Конечно, невозможно узнать, что именно взяли грабители. Однако мне поручено сообщить, что тебе не следует беспокоиться ты знаешь о чем. Там не было ничего, имеющего к этому отношение.

– Что ж, прекрасно, я все поняла, Стефани. А твой отец? Ты совершенно уверена, что он не пострадал?

– Только немного поцарапал колено и испортил пижаму.

– Слава Богу, – сказала Диана.

После того как они обменялись еще несколькими фразами, Диана положила трубку, ее рука дрожала. Почти полминуты она неподвижно смотрела на противоположную стену, пока движение Дженет Тьюли не заставило ее оторваться от своих мыслей.

– Слишком многим удалось подобраться к нам чересчур близко, – заметила она скорее для себя. – Пришло время предпринять встречные шаги – нет, нет, не уходите, Дженет. У меня есть к вам дело. Подождите минутку...

Она снова подняла телефонную трубку:

– Сара, вы помните тот пакет, что лежит в углу большого сейфа?.. Да. В нем полно писем. На них уже наклеены марки и подписаны адреса. Пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы они были немедленно отправле-

ны. Сегодня же вечером.

Она снова повернулась к Дженет Тьюли.

– Что ж, – сказала она, – пора снимать крышку. В письмах приглашения моим клиенткам и кое-кому из журналистов на встречу, которая состоится в следующую среду днем – всего их там больше тысячи. Я постаралась составить письма так, что возникает ощущение срочности и важности встречи, но, к сожалению, написала одно и то же – а это означает, что кое-кто отнесется к ним несерьезно, а кое-кто посчитает обычной рекламной кампанией. Так вот, вы хорошо знаете наших клиенток. Я хочу, чтобы вы распустили слух, который дополнил бы письма и заставил всех моих клиенток собраться в назначенное время. Я дам такое же задание и некоторым из моих девушек. Однако если слухи поползут извне, они будут более убедительными.

– Хорошо, – согласилась Дженет. – А какой слух я должна распустить? Вы же не хотите, чтобы правда выплыла раньше, чем все соберутся вместе, не так ли?

– Нет, конечно. Временно будем придерживаться версии о водорослях. Что касается слухов... ну, например, нашей работе угрожают, клиенты могут лишиться услуг салона, потому что ирландцы собираются установить такую высокую пошлину на водоросли, что министерство торговли отказывается санкционировать платежи по таким грабительским ценам. Мы ор-

ганизуем митинг протеста против дискриминационных мер правительства, которые поддерживают конкурирующие фирмы и направлены на то, чтобы лишить наших клиентов возможности и в дальнейшем пользоваться услугами «Нефертити». Как вы думаете, пойдет?

– Думаю, да, – согласилась Дженет. – Эту историю можно здорово приукрасить. Сказать, к примеру, что министерство торговли, или министерство финансов, или кто-нибудь еще находится под влиянием конкурирующих фирм. А все это вместе является грязным разговором людей, которым совершенно наплевать, что произойдет с вашими клиентами, они лишь хотят заполучить «Нефертити» и ваши секреты. Да, эта история, безусловно, вызовет справедливое негодование.

– Отлично, Дженет. Займитесь этим. А я организую утечку информации через персонал – это гораздо более эффективный способ, чем сообщить что-нибудь напрямую. Будем надеяться, что в среду у нас соберется полный зал.

ГЛАВА 10

Их обогнал черный фургон. На боку крупными буквами было написано «Полиция». Из окошка высунулась рука и решительным жестом показала, что им следует остановиться.

– Какого дьявола?.. – спросил Ричард, притормаживая.

– Ну мы же ничего плохого не сделали? – удивленно проговорила Стефани.

Как только они остановились, подъехал другой фургон, на котором ничего не было написано. Дверца распахнулась, и из фургона вышел человек. Он посмотрел назад и спросил:

– Все правильно, Чарли?

– Полный порядок, – ответил чей-то голос.

Человек засунул руку в карман. В следующую секунду он одной рукой распахнул дверь со стороны Ричарда, а другой навел на него пистолет.

– Выходи! – коротко приказал он.

С такой же неожиданностью дверь распахнулась с другой стороны, и второй мужчина предложил Стефани выйти из машины.

– В фургон, – добавил он, угрожающе ткнув ей в спину пистолетом.

Стефани хотела было что-то сказать.

– Заткнись. Залезай, – снова приказал мужчина.

Послышался сухой щелчок выстрела с той стороны автомобиля, где стоял Ричард.

– Видишь? Он стреляет. Пошли, нечего время тянуть, – сказал первый мужчина.

Ричарду и Стефани, к спинам которых были приставлены дула пистолетов, ничего не оставалось, как забраться в фургон. Оба незнакомца быстро залезли в машину вслед за ними и захлопнули за собой дверцы. Вся операция заняла чуть меньше минуты.

Комната была довольно большой. Мебель казалась старомодной и немного потертой, но достаточно удобной. Мужчина, сидящий за письменным столом, повернул лампу так, чтобы она светила Стефани прямо в глаза, а его лицо бледным расплывчатым пятном оставалось в тени. Девушка стояла немного правее от него, а за спиной у нее находился один из доставивших их сюда бандитов. Ричард стоял слева – руки связаны за спиной, рот залеплен большим куском пластыря; его охранял второй бандит.

– Мы не желаем вам зла, мисс Саксовер, – сказал человек, сидящий за столом. – Я просто хочу получить от вас кое-какую информацию, и я ее получу. Для всех будет гораздо лучше, если вы быстро и честно ответите на мои вопросы. – Он немножко помолчал, бледное пятно его лица было по-прежнему повернуто в сторону

Стефани.

– Нам известно, – продолжал он, – что ваш отец сделал замечательное открытие. Я уверен, вы знаете, о чем я говорю.

– Мой отец сделал множество важных открытий, – заявила Стефани.

Мужчина, ведущий допрос, стукнул левой рукой по столу. Бандит, охранявший Ричарда, сжал кулак и нанес ему сильный удар в живот. Ричард сдавленно застонал и наклонился вперед,

– Давайте не будем терять время, – сказал человек за столом. – Вы прекрасно знаете, какое открытие меня интересует.

Стефани беспомощно огляделась по сторонам, хотела было пошевелиться, но две руки крепко ухватили ее чуть выше локтей. Тогда она ударила бандита каблуком. Тот мгновенно больно наступил ей на другую ногу. Прежде чем Стефани успела что-нибудь предпринять, он быстро сорвал с нее туфли и отбросил в сторону.

Человек за письменным столом снова легонько стукнул левой рукой по столу. На сей раз удар кулака пришелся Ричарду в лицо.

– У нас нет никакого желания причинять вам боль, мисс Саксовер, – продолжал человек за столом, – но с вашим приятелем мы можем себе позволить сделать все, что пожелаем. Однако если это не произве-

дет на вас никакого впечатления, придется заняться непосредственно вами. А если вы будете продолжать упрямиться, нам все расскажет ваш отец. Как вы думаете, если он получит вот это колечко – внутри которого, как вы, надеюсь, понимаете, будет ваш пальчик – он захочет сотрудничать с нами? – Бандит снова немного помолчал. – Ну а теперь, мисс Саксовер, вы расскажете мне все об этом открытии.

Стефани решительно сжала зубы и покачала головой. Справа донесся глухой звук нового удара и стон. Она вздрогнула. Еще один удар.

– О Господи! Прекратите! – крикнула она.

– Все в ваших руках, – сказал человек за столом.

– Вас интересует... увеличение срока жизни?.. – несчастным голосом спросила Стефани.

– Так-то лучше, – улыбнулся он. – А применяемое вещество является экстрактом... чего? Не говорите «водорослей». Вашему дружку будет только хуже.

Стефани колебалась, затем увидела, как он поднял левую руку.

– Лишайник. Это лишайник, – ответила она.

– Верно, мисс Саксовер. Вы же знаете, что нужно отвечать на наши вопросы. И как называется этот лишайник?

– Я не могу вам сказать, – проговорила она. – Нет, нет, не бейте его. Я не могу вам сказать. У него нет настоящего имени. Его не классифицировали.

Человек за столом подумал немного и решил принять этот ответ.

– Как он выглядит? Опишите его.

– Тоже не могу, – сказала Стефани. – Я его никогда не видела. – Она вздрогнула, услышав новый удар. – О, не нужно... не делайте этого, я не в силах... Остановите его. Вы должны мне верить. Я не знаю!

Человек поднял левую руку, и удары прекратились, до Стефани доносились лишь стоны Ричарда и его тяжелое дыхание. Она повернулась к столу, по ее лицу текли слезы. Человек выдвинул ящик и достал большой лист бумаги, на котором было приклеено более десятка образцов различных лишайников.

– На какой из этих классов он больше всего похож? – спросил он.

Стефани беспомощно покачала головой:

– Не знаю. Я же вам сказала, мне ни разу не приходилось его видеть. Ричард, о Господи, прекратите, прекратите! Он говорил, что это *imperfectus*. Больше я ничего не могу вам сказать.

– Существуют сотни видов лишайников, которые можно назвать *imperfecti*.

– Понимаю. Но это все, что я могу вам сказать. Клянусь.

– Ну хорошо, остановимся пока на этом и займемся другим вопросом. Имейте в виду: я много знаю и вашему дружку грозят очень серьезные неприятности,

если вы станете мне лгать. Меня интересует, откуда ваш отец получает лишайник?..

– Нет, она в порядке – физически. Они не причинили ей никакого вреда, – произнес Френсис. – Но, конечно же, она перенесла шок и страшно расстроена.

– Бедняжка Стефани, – сказала Диана в телефонную трубку. – А как молодой человек, Ричард?

– Боюсь, ему крепко досталось. Стефани говорит: когда она пришла в себя, оказалось, что они лежат на траве возле машины, стоящей на том же месте, где их остановили. Светало, бедняга Ричард выглядел просто ужасно. Тут появился какой-то фермер, и они вдвоем засунули Ричарда в машину, а потом Стефани отвезла его в больницу. Ей сказали, что на самом деле все не так страшно, как кажется. Он лишился нескольких зубов, однако никаких серьезных повреждений ему не нанесли, хотя врачи советуют подождать результатов рентгена. Стефани вернулась в «Дарр». Она ужасно переживает. Но разве она могла что-нибудь сделать? Ведь она не знала, что бандиты ее обманули, сказав, что им все известно, в то время как на самом деле они ничего не знали. К тому же каждый раз, когда она пыталась что-нибудь скрыть, страдал Ричард. Не сомневаюсь, они избили бы и ее, если бы она стала упрямым.

– Бедняжка. Что она им сообщила? – спросила Диана.

– Почти все, что знала – только не упомянула о вас.

– Так что теперь им известно, откуда мы получаем лишайник?

– Боюсь, что да.

– О Господи. Это все моя вина. Мне не следовало ей рассказывать. Надеюсь, не возникнет никаких серьезных неприятностей. Теперь мы уже ничего не можем с этим поделать. Попробуйте успокоить ее. Полагаю, вы не знаете, кто эти типы?

– Понятия не имею, – ответил Френсис.

– Вряд ли это приятели вашей невестки, как вы думаете? Если бы они были с ней связаны, мое имя почти наверняка всплыло бы. Похоже, по нашим следам идет полдюжины разных фирм, не считая журналистов и полиции. Вы знаете, я объявила своим клиентам и прессе о большом собрании в среду. Создается впечатление, что наша тайна в любом случае не продержится больше нескольких дней.

На другом конце провода молчали.

– Вы меня слышите? – спросила Диана.

– Да, – отозвался Френсис.

– Послушайте, Френсис, мне не нужна слава первооткрывателя. Ведь мы оба сделали открытие. Вы не разрешите мне сказать об этом в среду?

– Я все еще считаю, что лучше подождать...

– Но...

– Моя дорогая, теперь это вопрос тактики. Откровен-

но говоря, то, что вы сейчас делаете, – сенсация на уровне обывателя. Серьезные люди посчитают, что это очередной рекламный трюк вашей фирмы.

– Возможно, сначала так и будет, однако очень не надолго.

– Я продолжаю считать, что принесу больше пользы, если буду оставаться в резерве.

Диана раздумывала над его словами.

– Хорошо, Френсис, – со вздохом согласилась она. – Я бы хотела только... ну, ладно.

– Диана, будьте осторожны, берегите себя. Слишком многих интересует наше открытие.

– Не беспокойтесь обо мне, Френсис. Я знаю, что делаю.

– У меня такой уверенности нет, моя дорогая.

– Френсис, все эти годы я работала именно ради наступающего момента. Люди должны...

– Ну что ж, сейчас это уже невозможно остановить. Но я еще раз повторяю, пожалуйста, Диана, будьте осторожны...

ГЛАВА 11

В четверг утром Диана взялась за пачку газет с нетерпением восходящей звезды на следующий день после премьеры. Однако по мере того как она просматривала их, ее энтузиазм заметно убавлялся.

«Таймс» вообще проигнорировала ее пресс-конференцию – ну, откровенно говоря, трудно было рассчитывать на интерес со стороны консерваторов. В «Гардиан» – тоже ничего. И в «Телеграф»... А вот это уже несколько странно: ведь на встрече было немало людей с громкими титулами.

В маленькой заметке на женской страничке «Нью Кроникл» говорилось, что знаменитый косметолог с улицы Мейфер заявила о новом виде лечения, позволяющем сохранить красоту юности.

«Мейл» писала:

«Если пример знаменитого салона красоты, находящегося в Вест-энде и объявившего о новом виде лечения с помпой, которая обычно сопровождает показ очередных коллекций известного модельера, получит широкое распространение, можно легко себе представить, что скоро наступит время парадов новой моды на лица – осенне-зимнего, или весенне-летнего сезона, которыми будут руководить наши ведущие косметоло-

ги».

«Экспресс» сделала следующее заявление:

«Скромность никогда не была характерной чертой салонов красоты, и уж, конечно, вы бы и следов ее не обнаружили во время выступления известного специалиста, состоявшегося вчера во время собрания женской элиты на улице Мейфер. Никто не собирается отрицать: то, что можно сделать и уже сделано для женского лица и фигуры, превращает наш мир в куда более симпатичное место, но чрезмерные обещания способны привести лишь к волне разочарования, которая обрушится на своего создателя».

Заголовок к небольшой статье в «Миррор» гласил:

«ВСЛЕД ЗА МОРСКИМИ ВОДОРОСЛЯМИ?»

«Нашим читателям, недавно пережившим крушение надежд на чудесное превращение, которое им могут дать морские водоросли, не следует предаваться печали. Вчера выяснилось (причем информация исходит из того же знаменитого салона), что далеко не все еще потеряно. Обещания, которые даются теперь, производят сильное впечатление – морские водоросли, оказывается, совершенно ни при чем; секрет остался нераскрытым, но если вы готовы потратить двести или триста фунтов, то сможете испробовать новое чудодейственное средство на себе»

«Геральд» поместил похожую заметку:

«В СОРОК, КАК В ВОСЕМНАДЦАТЬ?»

«Женщины, которые имели счастье удачно выйти замуж. вправе сегодня радоваться. Отличные новости из салона красоты на Мейфер: двери вечной молодости открыты – если вы готовы платить за это триста или четыреста фунтов в год. Вне всякого сомнения, учитывая распределение денег в нашей стране, капиталисты, которые все это организовали, будут очень собой довольны. Многие считают, что восемь фунтов в неделю можно было бы использовать с гораздо большей пользой для нашего общества, но пока правительство торти стоит у власти...»

«Скетч» писал:

«Говорят, молодость дается человеку один раз, однако некий эксперт по косметическому бизнесу утверждает, что это высказывание устарело. Современные девушки могут быть молодыми два раза или даже три, если захотят. Нужно только обратиться за помощью к науке и заплатить баснословную сумму. Лично мы считаем, что подобные предложения делались еще до того, как на свет появилась наука; и, вполне возможно, на тех же условиях».

– Очень огорчительно, – сказала мисс Толлуин, в ее голосе звучало сочувствие. – Если бы только вы могли придать этим новостям вес, – добавила она.

Диана удивленно посмотрела на нее:

– Силы небесные, Сара! Что это значит? Речь идет о самой величайшей новости – со времен сотворения

мира!

Мисс Толлуин снова покачала головой.

– Новость и то, как ее воспринимают, – это разные вещи, – заметила она. – Все решили, что это рекламные штучки. А британская пресса до смерти боится оказаться обвиненной в том, что она делает кому-нибудь бесплатную рекламу.

– Они просто притворились, что до них ничего не дошло. А большинство клиентов все прекрасно поняли. Я же изо всех сил старалась говорить попроще, – запротестовала Диана.

– Вы жили с этим долгое время и привыкли. А они – нет. Что же до клиентов... ну знаете, большинство из них и сами уже начали задумываться – они были готовы к вашему объяснению, даже ждали его. Однако журналисты. Поставьте себя на их место, мисс Бреккли. Их посылают составить отчет о лекции, посвященной проблеме сохранения красоты, они могут рассчитывать на пару абзацев на женской странице. Наверное, ваши слова заставили некоторых из них задуматься; вы подготовили почву для дальнейшего. Ну хорошо, а теперь представьте себе, что они станут говорить своим многоопытным редакторам? Я-то знаю. Мне уже приходилось сталкиваться с подобными вещами. Сейчас вам нужна настоящая сенсация...

– Ради всего святого, Сара, если то, что я им сказала, не является...

– Вам нужна сенсация в газетном смысле, вот что я имела в виду. Хороший импульс на эмоциональном уровне Вы дали нам факты; чтобы осознать их, требуется время.

– Возможно, с моей стороны было наивно рассчитывать на немедленный взрыв, – с надеждой проговорила Диана. – Но ведь будут еще воскресные выпуски. У них достаточно времени, чтобы все переварить, ведь это как раз то, что нужно газетам, не так ли? Мне абсолютно все равно, как они станут обращаться с полученной информацией, главное, чтобы они ее не проигнорировали. Ну и, конечно же, не следует забывать о женских еженедельниках и журналах. Некоторые из них обязательно должны раздуть эту историю

Но все сложилось таким образом, что Диане не пришлось ждать ни еженедельников, ни воскресных газет потому что вечером в четверг, после того как закрылась биржа, страховая компания «Треднидл и Вестерн» объявила мораторий на ежегодные выплаты и гарантированные доходы – на неопределенный срок. Они заявили, что этот шаг является «временной мерой, на которую Компания вынуждена пойти до выяснения законности обязательств Компании в тех случаях, когда были применены определенные средства для продления обычного срока жизни». С точки зрения многих, в особенности держателей акций этой самой компании и некоторых других страховых компаний, эта

мера, временная или нет, была абсолютно разумной. «Зачем, – раздавались возмущенные голоса, – зачем идиоты, входящие в правление, вообще раскрывали карты? Даже если во всем этом что-то и есть, им следовало хранить молчание до тех пор, пока они не узнают мнение Совета, бездарные кретины».

В пятницу акции «Треднидл и Вестерн» опустились на пять шиллингов. На биржу просочился слух, что накануне вечером некий член Королевского Совета заявил в Национальном либеральном клубе, что в обязанности врача входит продление жизни пациентов, которым грозит смерть, подобные вещи происходят ежедневно, и он не понимает, какие здесь могут возникнуть вопросы. Ни Бог, ни закон не говорят о том, какой должна быть продолжительность жизни. В то время как о термине «естественная продолжительность жизни» можно спорить, соотнося его с «неестественной продолжительностью жизни», любому здравомыслящему человеку очевидно одно: жизнь длится до тех пор, пока ее не пресечет смерть.

Акции страховых компаний упали еще ниже.

Споры о том, есть ли какой-нибудь резон в разговорах о пресловутом «продленном сроке жизни», ни к чему не привели. Постепенно стало распространяться мнение, что слухи эти сильно преувеличивают истину.

Падение акций страховых компаний прекратилось.

Три небольшие компании последовали примеру

«Треднидл и Вестерн» и объявили о моратории на все выплаты. Значит, слухи имеют под собой некоторую почву.

Акции страховых компаний снова начали падать.

Около двух часов дня появились первые выпуски вечерних газет. В разделе городских новостей было напечатано: "Вчерашнее заявление о временном моратории на ряд выплат, сделанное страховой компанией «Треднидл и Вестерн», привело к волнениям на лондонской бирже. Акции страховых компаний начали медленно падать. Позднее падение прекратилось и наступило короткое затишье. Однако в конечном счете, кто сохранил верность своим компаниям, проиграл, и акции снова стали падать.

Неожиданный шаг, предпринятый компанией «Треднидл и Вестерн», был вызван пресс-конференцией, которую в прошлую среду устроила мисс Диана Брекли, владелица широко известного салона красоты «Нефертити Лимитед», во время которой она заявила, что был достигнут существенный прогресс в замедлении процесса старения человеческого организма, а это в самое ближайшее время приведет к существенному увеличению продолжительности жизни

Тот факт, что заверения мисс Брекли были встречены страховыми компаниями с такой серьезностью, вероятно объясняется тем, что она является известным ученым, с отличием закончила факультет биохимии

мии в Кембридже и в течение нескольких лет занималась серьезными научными исследованиями и лишь после этого обратила свои таланты на развитие нового бизнеса в области, где очень высока конкуренция и весьма специфические нравы..."

Один молодой человек, слегка нахмурившись, показал на этот абзац своему коллеге.

– Иными словами, она чего-то добилась. «Существенное увеличение продолжительности жизни» – не слишком исчерпывающая информация, но этого оказалось достаточно, чтобы напугать «Треднидл» и других. Полагаю, стоит продать наши акции, пока они не упали совсем.

Он не был оригинален в своих суждениях.

Все словно с цепи сорвались.

«Таймс» ограничилась комментариями на странице, посвященной финансам: речь шла об акциях страховых компаний. Не упоминая о причинах паники, газета порицала тех, кто принимал решения, основываясь на неподтвержденных слухах, породив тем самым смятение в одной из самых стабильных областей финансовой жизни.

«Файненшиал таймс» придерживалась фактов, но тон ее статьи был достаточно осторожным. Здесь тоже выражалось недоумение по поводу безответственных заявлений, но газета привлекала внимание своих читателей к заметному росту акций химических компаний,

в особенности «Юнайтед коммонвелс кемиклз», которые подскочили в цене, когда начался второй круг падения страховых акций «Экспресс», «Мейл» и «Ньюс кроникл» упомянули о заявлении мисс Врекли, однако воздержались от подробного изложения ее выступления – например, нигде не сообщалось, насколько именно может увеличиться продолжительность жизни; всего лишь неопределенно говорилось о том, что люди смогут жить дольше, в каждой из этих газет статьям отводилось не очень заметное место на женской странице.

Впрочем, «Миррор» немного опередила своих коллег. Им удалось обнаружить, что миссис Макмартин (миссис Маргарет Макмартин, так называли даму в этой газете), жена председателя совета директоров страховой компании «Треднидл и вестерн», вот уже восемь лет является клиенткой «Нефертити». В газете была напечатана фотография миссис Макмартин, а рядом с ней снимок, сделанный десять лет назад. Лица на фотографиях до такой степени не отличались одно от другого, что это производило сильное впечатление. В статье приводились слова самой миссис Макмартин: «Я ни секунды не сомневаюсь в том, что мисс Бреккли говорит правду. И я в этом не одинока. Сотни женщин, чья жизнь подверглась столь революционным переменам вследствие ее открытия, так же искренне ей благодарны, как и я сама». И тем не менее никаких подроб-

ностей в газете не сообщалось.

«Телеграф» проинтервьюировал леди Тьюли, которая заявила среди прочего: «Природа несправедлива к женщинам. Период нашего цветения так трагически короток. До сих пор наука, изменяющая мир, не обращала на нас никакого внимания, но вот, словно посланница Олимпа, появилась мисс Брекли и предложила нам то о чем мечтает каждая женщина: долгое лето, наполненное цветением Мне кажется, это приведет к уменьшению числа разводов».

Суббота началась для Дианы просьбами об интервью. Нарастающее напряжение, однако, заставило ее отказаться от личных встреч и организовать самую настоящую пресс-конференцию. Вначале преобладали легкомысленные, циничные, а иногда и резкие высказывания, потом она от этого устала и, прервав свою вступительную речь, заявила:

– Послушайте, не я настаивала на этой встрече. Вы хотели меня видеть. Я не собираюсь вас ни в чем убеждать, и мне совершенно безразлично, поверите вы или нет. С точки зрения фактической стороны вопроса это не имеет ни малейшего значения. Если вы намереваетесь покинуть сейчас зал и как следует повеселиться на наш счет, пожалуйста – но только краснеть потом придется вам, а не мне. А пока давайте займемся делом. Вы задаете вопросы – я на них отвечаю.

Никто не в состоянии убедить представителей прес-

сы в чем бы то ни было на все сто процентов, и успех, как правило, становится сомнительным, если отвечающий отказывается обсуждать некоторые основополагающие вопросы. Однако когда журналисты расходились, кое-кто выглядел гораздо более задумчивым и тихим, чем когда пришел сюда.

Трудно сказать, какие из воскресных газет не захотели напечатать этот рискованный, с их точки зрения, материал, а какие решили, что новость не стоит того, чтобы менять заранее спланированное распределение материалов. Коегде появились осторожные упоминания, но ни «Проул», ни «Радар» не сомневались в том, что материал заинтересует читателей, и в своих последних выпусках уделили большое внимание новой сенсации. «ХОЧЕТ ЛИ ЖЕНЩИНА ЖИТЬ ДВЕСТИ ЛЕТ?» – спрашивал «Проул». «СКОЛЬКО ЖИЗНЕЙ ВЫ ПРОЖИВЕТЕ?» – интересовался «Радар». «Наука, не остановившаяся на создании водородной бомбы, так потрясшей государственных деятелей всего мира, теперь ставит перед нами самую серьезную проблему человечества, – сообщалось в газете. – В лабораториях родилось обещание новой жизни, которая уже началась – для избранных – с открытия антигерона. Как подействует антигерон на вас?» И так далее, и тому подобное... а в конце автор статьи требовал немедленного правительственного заявления относительно положения пенсионеров в новых условиях.

«Антигерон (говорилось в „Проуле“), вне всякого сомнения, является величайшим открытием в медицинской науке со времен пенициллина. Это еще одна победа британского интеллекта, инициативы и технологии. Он дарит вам длинную жизнь; открытие антигерона окажет серьезное влияние на всех нас. Возможно, на возраст, при котором заключаются браки. Понимая, что впереди долгая жизнь, юные девушки не будут очертя голову бросаться замуж. Семьи в будущем станут многочисленнее. Многие из нас смогут поддерживать в руках прапраправнуков, а может быть, даже их детей. Больше никто не будет считать, что женщина, которой исполнилось сорок лет, приблизилась к своему среднему возрасту, а это, естественно, повлияет на моды...»

Когда раздался телефонный звонок, Диана с грустной улыбкой просматривала газеты.

– О, мисс Брекли, это Сара, – услышала Диана взволнованный голос своей секретарши, – у вас включен приемник?

– Нет, – ответила Диана. – Я просматриваю прессу. Мы заметно продвинулись, Сара.

– Мне кажется, вам стоит послушать, что они говорят, мисс Брекли, – сказала мисс Толлуин и повесила трубку.

Диана включила радио. Комнату сразу наполнил экзальтированный голос.

– ...занялись не своим делом, вторглись во владения, находящиеся в ведении Всемогущего Господа. Ко всем прочим грехам науки, а их и так уже набралось немало, добавился грех гордости – они воспротивились воле Господней. Разрешите мне еще раз напомнить текст девяностого псалма*: «Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь, ибо проходят быстро и мы летим».

Это закон Господен, потому что это Он дал нам смертные тела. Наш конец, так же как и наше начало, часть его замысла. «Дни человека, как трава; как цвет полевой, так он цветет», говорится в сто третьем псалме**. Обратите внимание: «как цвет полевой»; не как цветок, рожденный в результате научных экспериментов.

И вот наука в своем безбожье и тщеславии бросает вызов великому Архитектору Вселенной. Она выступает против воли Господней, утверждая, что способна превзойти Творца. Она предлагает себя в качестве нового золотого тельца, окончательно отказываясь от Бога.

Она грешит, как Дети Израилевы грешили.

Даже преступления и грехи физиков кажутся незначительными по сравнению с наглостью людей, души которых настолько лишились Господа, что они осмелились бросить вызов Его законам. Сатанинский со-

блазн, предложенный нам, будет отвергнут всеми, кто чтит Господа нашего и уважает Его повеления, мы должны позаботиться о том, чтобы защитить слабых духом от их собственной глупости. Законы нашей христианской земли не должны * Автор допускает ошибку – это текст восемьдесят девятого псалма. ** Опять ошибка – это цитата из сто второго псалма. страдать от угроз изменить природу человека, такого, каким создал его наш Господь...

Диана дослушала до конца. Как только закончилось обращение и зазвучала религиозная музыка, снова раздался телефонный звонок. Она выключила приемник.

– Еще раз доброе утро, мисс Брекли. Вы слышали? – спросила мисс Толлуин.

– Слышала, Сара. Возвышенная проповедь. Начи-наешь думать, что лечить больных или передвигаться со скоростью, превышающей возможности пешехода, есть греховное вмешательство в природу человека, не так ли? Во всяком случае, теперь никто не сможет сказать, что нашего открытия не существует. Спасибо, что позвонили. А сейчас я ухожу. Не думаю, что до выхода завтрашних газет появятся еще какие-нибудь новости.

«Роллс-ройс» Дианы остановился возле здания «Дарра», словно большая яхта у причала. Занятая своими проблемами, Диана забыла о пожаре и сейчас с ужасом смотрела на сгоревшее жилое крыло дома.

Большая часть мусора была убрана, строительные материалы, сложенные неподалеку, показывали, что восстановительные работы уже начаты, но жить здесь сейчас, конечно же, было невозможно.

Она включила двигатель и направила автомобиль на стоянку возле единственной машины с поднятым капотом склонилась миловидная молодая женщина. «Роллс-ройс» бесшумно остановился рядом, лишь негромко прошуршал гравий. Молодая женщина подняла голову и удивленно посмотрела на роскошный автомобиль. Диана спросила ее, где можно найти доктора Саксовера.

– Он временно перебрался в многоквартирный дом для персонала, – ответила девушка. – Господи, вот это машина! – добавила она с нескрываемой завистью. Тут только она более внимательно взглянула на Диану. – Скажите, а не вашу ли фотографию я видела в «Санди Джайдж» сегодня утром? Вы мисс Брекли, не так ли?

– Да, – призналась Диана, нахмурившись, – но" я буду вам весьма благодарна, если вы не станете по этому поводу распространяться. Мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал, что я здесь была – думаю, доктор Саксовер придерживается того же мнения.

– Хорошо, – согласилась девушка, – меня это не касается. Только ответьте на один вопрос: антигерон, про который пишут газеты, действительно обладает чудодейственными свойствами?

– Я не знаю, что именно написано в «Джадж», – ответила Диана, – но в основном так оно и есть.

Девушка серьезно посмотрела на нее и сочувственно покачала головой:

– В таком случае не хотела бы я оказаться на вашем месте – хоть у вас и есть «роллс-ройс». Желаю удачи. Вы найдете доктора Саксовера в квартире номер четыре.

Диана пересекла двор, поднялась по знакомой лестнице и постучала в дверь.

Френсис удивленно уставился на нежданную гостью:

– Боже мой, Диана! Как вы здесь оказались? Заходите!

Она вошла в гостиную. На столе было разбросано с полдюжины воскресных газет. Комната показалась ей меньше, чем по воспоминаниям, и не такой аскетичной.

– У меня здесь все было чистым и белым. Так, пожалуй, лучше. Представляете, Френсис, когда в этой квартире жила я... – заметила Диана, но Саксовер ее не слушал.

– Дорогая, – сказал он, – вы знаете, я всегда рад вас видеть, но мы же решили, что не должны встречаться, чтобы никто не догадался... А вы пришли в такое время! Конечно, вы уже, наверное, читали газеты. Мне кажется, вы поступили неразумно, Диана. Вас кто-нибудь

видел?

Она рассказала о девушке на стоянке и о том, что предупредила ее. Френсис был явно обеспокоен.

– Пойду-ка поговорю с ней, чтобы у нее не осталось никаких сомнений. Подождите меня минутку.

Оставшись одна, Диана подошла к окну, выходящему в сад. Когда Френсис вернулся, она по-прежнему неподвижно стояла у окна.

– На нее можно положиться, – сказал он. – Симпатичная девушка, химик, да и работник хороший. Очень похожа на вас... какой вы были раньше – относится к «Дарру» как к месту работы и не ставит перед собой задачу побыстрее выскочить замуж.

– Вы считаете, что я была именно такой? – спросила Диана.

– Ну конечно же, вы были одним из самых трудоспособных сотрудников «Дарра» – тут Френсису показалось, что он уловил какие-то странные нотки в ее голосе. – Что вы хотите этим сказать?

– Ладно, сейчас не стоит. Ведь все было так давно, не правда ли? – Диана повернулась, чтобы еще раз посмотреть на сад, а потом перевела взгляд на дверь, ведущую в маленькую спальню. – Как странно, – продолжала она, – мне следовало бы ненавидеть «Дарр», а я отношусь к нему с любовью. Я нигде не была так же несчастлива, как здесь. – Она кивнула в сторону двери. – В этой спальне я не одну ночь проплакала в по-

душку.

– Я и не представлял. Мне всегда казалось... Но почему? Или это слишком личное? Вы были очень молоды тогда.

– Да. Я была совсем молоденькой. Наблюдать за тем, как постепенно тускнеет твой мир, очень тяжело, когда ты молод. Некоторым требуется много времени, чтобы понять, что на самом деле тускнеет лишь внешняя сторона, а истинная сущность остается без изменений.

– Я всегда плохо разбирался в метафорах, – признался Саксовер.

– Мне это хорошо известно, Френсис. Я тоже не умею выражать свои эмоции. Юные девушки так болезненно нетерпеливы. Они стремятся к абсолюту, лишь время помогает им понять окружающий мир. Давайте оставим эту тему, ладно?

– Ладно, – согласился Френсис. – Не думаю, что вас привели сюда воспоминания.

– Как ни странно, вы ошибаетесь... в некотором смысле. Я пришла сюда именно сейчас потому, что потом у меня просто может не появиться такой возможности. Похоже, в ближайшем будущем я буду очень занята.

– Что верно, то верно. Только я считаю слово «занята» слишком слабым – ведь мы разворошили осиное гнездо.

– Вы по-прежнему уверены, что я выбрала дешевый

и вульгарный путь, Френсис?

– Должен признаться, мне подобный вариант вряд ли мог прийти в голову. А вас он устраивает? – Он махнул рукой в сторону мятых газет.

– В целом, для начала, вполне, – ответила Диана. – Я создала свою армию – живое доказательство собственной правоты. Следующий шаг – довести необходимую информацию до сведения широкой публики, пока наше открытие не успели погубить, а если подход был глупым и вульгарным, так это всего лишь мнение редакторов о читателях.

– Любопытно, – заметил Френсис, – складывается впечатление, что все они сделали два вывода во-первых, все их читатели женщины, и во-вторых, только женщины выигрывают от нашего открытия

Диана кивнула:

– Я думаю, такая ситуация сложилась из-за того, что все исходит от «Нефертити», да и психологически так проще – люди стараются сохранять осторожность гораздо легче, если в этом возникнет необходимость, откреститься от статьи, посвященной женщинам, – с мужчинами такие номера проходят гораздо сложнее И тут они совершенно правы. Ответная реакция будет куда более жесткой.

– Если вы хотите сказать, что женщины стремятся пожить подольше, а мужчин подобная перспектива мало интересует, я с вами совершенно не согласен, – воз-

разил Френсис. – Как ни странно, мысль о смерти их радует так же мало, как и женщин.

– Ну, естественно, – терпеливо сказала Диана, – но они относятся к этому по-другому. Мужчина может ничуть не меньше бояться смерти, но в целом старость и смерть не вызывают в нем такого отвращения, как в женщине. словно женщины находятся в более интимных отношениях с жизнью, что ли; ближе с ней знакомы, если вы понимаете о чем я говорю. И еще мне кажется, что мужчину не преследуют постоянные мысли о времени и возрасте так, как это происходит с женщинами. Конечно, подобные общие рассуждения применимы лишь к средним людям. Меня не удивляет, что существует связь между этим фактом и куда большей тягой женщин к мистике, религии и обещаниям загробной жизни. В любом случае в женщинах очень силен фактор отвращения к возрасту и смерти. Отсюда их готовность схватиться за любое оружие.

Это прекрасно отвечает моим целям. Моя армия, состоящая из женщин, будет истово сражаться за право принимать антигерон. Теперь о нем стало известно милли онам других женщин, которые потребуют антигерон для себя; любая попытка лишить их этого чудодейственного препарата вызовет волну гнева, и тогда появятся очень полезные для нас лозунги о том, что «они» – правительство, состоящее из мужчин, – пытаются лишить женщин права на более долгую жизнь.

Возможно, это не очень логично, но, похоже, логика тут не будет иметь никакого значения. Именно поэтому я и говорю «да», – в заключение заявила Диана.

Френсис печально вздохнул:

– Не могу вспомнить во всех подробностях ту басню, но мне кажется, я слышал историю о человеке, который показал людям потрясающе вкусный пирог, потом отрезал от него кусочек и съел его... а затем сказал, что ему ужасно жаль, но пирога всем не хватит; и тогда, естественно, его разорвали на мелкие куски.

– Но пирога им все равно хотелось, – продолжила Диана. – Толпа направилась ко дворцу и швыряла в окна камни до тех пор, пока на балконе не появился король и не пообещал им национализировать все пекарни и всех пекарей в королевстве – чтобы каждый мог получить свой кусок пирога.

– Однако это не возродило того, первого, пекаря, – добавил Френсис и с беспокойством посмотрел на Диану. – Вы не собираетесь сворачивать с намеченного пути, дорогая? Впрочем, теперь уже поздно пытаться что-либо изменить. Но, пожалуйста, будьте осторожны, будьте осторожны. Может быть, мне все-таки следовало бы...

– Нет, – перебила его Диана. – Рано, Френсис. Вы были совершенно правы. Оппозиция еще не организовала свои усилия. Подождите немного, мы должны посмотреть, как будет развиваться сражение. Если на-

ше положение станет незавидным, тогда вы и подкати-те свои пушки в виде научных обоснований, и начнете палить по врагам, устроившись где-нибудь на господствующей высоте

– Я никак не могу понять, чего вы хотите, Диана, – нахмурившись, проговорил Френсис. – Вы что, представляете себя марширующей во главе огромной армии женщин? Собираетесь устраивать массовые митинги? Или, может быть, дух вашей воинственной тетки соблазняет вас видениями, ну, например, вы сидите на передней скамье в палате общин, положив ноги на стол? Вы жаждете власти?

– Вы путаете средства с целью, Френсис, – снова покачав головой, сказала Диана. – Я совсем не хочу вести всех этих женщин за собой. Я всего лишь пользуюсь ими – обманываю их, если угодно. Им ужасно нравится идея долгой жизни Многие из них понятия не имеют, какое значение для них все это будет иметь. Женщины еще не понимают, что им придется повзрослеть – они просто не смогут в течение двухсот лет вести то же ничтожное и бесполезное существование; никто не выдержит...

Они думают, что я предлагаю им продлить их прежнюю жизнь, а это вовсе не так. Я их обманываю.

Все эти годы я наблюдала за тем, как потенциально способные женщины губили свой талант. Иногда мне было обидно до слез; они многое могли сделать, могли

бы стать.. Дайте им двести, триста лет – и они либо будут вынуждены воспользоваться своими талантами, чтобы окончательно не сойти с ума, либо покончить с собой... так, от безделья.

К мужчинам это тоже относится, почти в такой же степени. Я сомневаюсь, что даже самые одаренные из них в состоянии развить свой потенциал за какие-то семьдесят лет. Способные финансисты уста-нут делать для себя деньги лет эдак за шестьдесят и займутся чем-нибудь другим, более полезным. У людей появится время, чтобы наконец иметь возможность совершить по-настоящему великие дела...

Вы ошибаетесь, когда думаете, что мне нужна власть, Френсис. Я хочу лишь увидеть, как на свет появится homo diuturnus*. Мне совершенно неважно, что он будет отличаться от нас, будет чужим; он должен получить свой шанс. Если для того, чтобы он смог жить, нужно произвести кесарево сечение... ну что ж... Не захотят помочь хирурги... значит, мне придется стать главной повитухой и сделать все самой. Это же первый прогрессивный шаг за миллионы лет истории человечества, Френсис! Мы не должны допустить крушения надежды, чего бы нам это ни стоило!

– Диана, это уже осталось позади. Даже если бы теперь кто-нибудь и стал мешать, довольно быстро будет открыто и запущено в производство новое вещество с такими же свойствами. Вы уже сделали все, что мож-

но. Нет никакой необходимости подвергать себя опасности.

– Ну вот мы и вернулись к нашим основным разногласиям, Френсис. Вы считаете, что наше открытие может самостоятельно двигаться вперед, а я уверена, что оно встретит очень сильное сопротивление. Только сегодня утром я слушала по радио одного проповедника... – Она передала ему суть проповеди. – Определенные организации вступили в бой за право на существование, и вот * Человек долголетний (лат.). их-то я и боюсь, – добавила она. – Они могут приостановить прогресс на целое столетие или даже больше.

– Вы очень рискуете – ставите на карту двести пятьдесят лет жизни, – напомнил ей Френсис.

– Такое заявление не достойно вас, Френсис, – покачивая головой, проговорила Диана. – С каких это пор стало принято рассматривать риск с точки зрения количества лет, отпущенных человеку? Если такие рассуждения возникают в результате влияния нашего препарата, нам следует собственными руками уничтожить весь лишайник! Только я не думаю, что это так.

Френсис переплел пальцы и посмотрел на нее.

– Диана, за годы существования «Дарра» здесь работало много разных людей, несколько сотен. Они приходили и уходили. О большинстве у меня не осталось никаких воспоминаний. Других невозможно забыть. Иные были самодостаточны; за других я чувство-

вал себя ответственным. Разумеется, здесь все ощущают ответственность друг за друга, но только по отношению к некоторым это превращается в обязанность; иногда дело становится очень личным – совсем на ином уровне. И как только ты начинаешь испытывать такую ответственность, она не исчезает только потому, что человек уехал; это чувство дремлет, пока его что-нибудь не разбудит – некая, возможно, иррациональная тревога, – все это время она подспудно дремлет в тебе. Словно ты оказал влияние на некоторых людей, может быть, сам того не осознавая, вывел их на некую дорогу и, таким образом, взял на себя своего рода ответственность за то, что произойдет с ними дальше. Я чувствую это сейчас.

Диана надолго задумалась, разглядывая кончики своих туфель.

– Не понимаю почему, – промолвила она наконец. – Да, если бы вы с самого начала знали, что мне известно про лишанин, тогда понятно. Но вы же не знали.

– Нет, – сказал Френсис. – Дело тут вовсе не в нем. В вас; здесь с вами что-то произошло. Я не знал, что именно, но я это почувствовал.

– Но вы ничего не сделали по этому поводу, за столько лет, не так ли?

– Человек, которому сопутствует успех так, как это произошло с вами, не нуждается ни в совете, ни в помощи, – объяснил Френсис.

– Однако вы считаете, что сейчас я нуждаюсь в помощи?

– Я только советую вам соблюдать осторожность и не подвергать себя опасности.

– После стольких лет вы решили почувствовать некоторую ответственность за меня! – возмутилась Диана.

– Мне очень неприятно, что вы рассматриваете мои слова как вмешательство в ваши дела, – покачав головой, заметил Френсис. – Я надеялся, что вы поймете.

Диана подняла глаза и внимательно на него посмотрела.

– А я понимаю, – с неожиданной горечью проговорила она. – Я все прекрасно понимаю. Вы как отец – чувствуете себя ответственным и заботитесь о дочери. – Губы у нее задрожали. – Будьте вы прокляты, Френсис, прокляты! О Господи, я знала, что мне следует держаться отсюда подальше!

Она поднялась и подошла к окну. Френсис посмотрел на ее спину, и морщины возле его глаз стали еще глубже. Помолчав немного, он сказал:

– Я был намного старше вас.

– Как будто это имело значение, – не поворачиваясь, ответила Диана. – Как будто это когда-либо имело значение!

– Я мог бы быть вашим отцом...

– «Могли бы быть», сказали вы. Даже если и так –

это не имело никакого значения. И уж определенно не имеет никакого значения теперь. Неужели вы не понимаете, Френсис? Ведь мы же с вами и это тоже изменили. Насколько вы теперь меня старше?

Он не сводил глаз с ее спины; только теперь в них появилось новое, смущенное выражение.

– Я не знаю, – медленно проговорил он, помолчал, а потом добавил: – Диана...

– Нет! – крикнула Диана и повернулась. – Нет, Френсис, нет! Я не позволю вам воспользоваться... я... я...

Не договорив, она умчалась в другую комнату.

ГЛАВА 12

Воскресные газеты словно прорвало. Заголовки в понедельник гласили:

«ПО-ПРЕЖНЕМУ НЕОТРАЗИМЫ В ВОСЕМЬДЕСЯТ?» – «Миррор».

«МЕСТА ДЛЯ МОЛОДЕЖИ В ПАРЛАМЕНТЕ?» – «Скетч».

«ДОРОГУ СТАРИКАМ!» – «Мейл».

«ПРИОРИТЕТ ДОМАМ И ЛЮДЯМ» – «Экспресс».

«АНТИГЕРОН И ПРОБЛЕМЫ МОРАЛИ» – «Ньюс-кроникл».

«НИКАКИХ ПРИВИЛЕГИЙ БОГАТЫМ» – «Трампертер».

«НОВЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ВОЗРАСТА» – «Гардиан».

Практически только «Таймс», прежде чем вынести окончательный приговор, постаралась уделить проблеме серьезное внимание.

Без какой бы то ни было на то причины, просто потому, что газета оказалась под рукой, Диана взяла «Трампертер» первым и принялась читать передовую статью:

«То, что правительство тори допустило, чтобы величайшее открытие в истории человечества было ис-

пользовано в частной практике и принесло владельцам предприятия баснословные барыши, поскольку было доступно только праздным богачам, – самый настоящий национальный скандал. То, что только богатые, только те, кто в состоянии платить, имеют право жить дольше тех, кто такой возможности не имеет, является возмутительным нарушением демократии и вообще противоречит принципам Государства Всеобщего Благосостояния».

«Трампер» от имени народа требует, чтобы правительство национализировало антигерои. Он не может оставаться привилегией горстки богачеев и должен быть справедливо распределен между всеми. Следует изъять запасы антигерона, выпустить специальные карточки, раздать их населению и открыть в больницах отделения, где любой сможет подвергнуться бесплатному лечению в соответствии с законом о здравоохранении. Распределение – и распределение всем поровну – вот наш лозунг! А семьи рабочих, тех, кто обеспечивает благосостояние нашей страны, должны получить преимущественное право на получение антигерона..."

Потом Диана открыла «Мейл».

«Прежде всего нас беспокоят старики. Нужно постараться продлить жизнь именно им. Наша страна покроеет себя позором, если позволит молодым захватить новое чудо-средство, предоставив пожилым лю-

дям умирать. Жесткий режим приоритета для пожилых людей, невзирая на богатство и социальное положение, должен быть введен немедленно...»

«Телеграф» писал:

«Ни принцип „первым обслуживается тот, кто пришел первым“, ни страх перед возмущением высших слоев общества не дают возможности принять правильное решение относительно применения новейшего научного чуда, которое, если все, что сообщается по этому поводу, правда, попало к нам в руки. Естественно, оно должно быть доступно каждому, однако Рим был построен не за один день, и проблема распределения препарата таким образом, чтобы максимально выиграли национальные интересы, требует серьезно рассмотрения. Нет никаких сомнений по поводу того, что благосостояние нашего народа будет в огромной степени зависеть от мудрости и опыта тех, кто руководит нашей экономикой и управляет промышленностью. Именно они должны как следует задуматься – ведь способность размышлять позволила им занять нынешнее положение, но даже и эту способность необходимо до определенной степени контролировать напоминанием о том, что многие не доживут до того дня, когда станут очевидны результаты их трудов. Однако, если срок жизни будет продлен...»

А в «Миррор» появилась такая статья:

«Что? – спрашивают себя сегодня женщины по всей

стране – Что чувствует человек, когда остается не только молодым в душе, но еще и молодым внешне?

Ну, во-первых, это означает, что многие годы вы сможете спокойно и без страха смотреть в зеркало, вы сможете отделаться от мысли, которая постоянно терзает вас по ночам: «Неужели я теряю красоту и вместе с ней его любовь?»

А еще вы станете увереннее. Сколько раз вы говорили себе: «Если бы только я знала в молодости все, что знаю сейчас»? Так вот, в будущем, которое подарит вам антигерон, больше не придется спрашивать себя об этом; чудесный препарат сохранит вашу юность, но еще у вас останется жизненный опыт – простая и одновременно сложная перспектива..."

А в «Газетт» писали:

"Более длинная жизнь для ВАС – БЕСПЛАТНО!

Шесть счастливиц из числа читателей «Газетт» будут первыми, кто получит возможность насладиться новым веком. Вы можете оказаться среди тех, кто получит самое новейшее лечение антигероном совершенно бесплатно. Вам нужно сделать только одно: расположить эти двенадцать преимуществ более долгой жизни в том порядке который вы считаете правильным. "

Диана просмотрела остальные газеты, а потом несколько минут раздумывала над прочитанным. Затем подняла телефонную трубку и набрала номер

– Доброе утро, Сара, – сказала она.

– Доброе утро, мисс Брекли. Хорошо, что вы воспользовались нашей внутренней линией. Коммутатор уже, по-моему, дымится. Бедняжке Вайолет крепко достаётся. У меня такое впечатление, что все газеты, все придурки, какие только есть в нашей стране, и практически представители всех торговых организаций одновременно пытаются добраться до вас.

– Скажите ей, пусть передаст на телефонную станцию, чтобы с нами никого не соединяли, – сказала Диана. – Кто дежурит в холле?

– Кажется, Хиксон.

– Хорошо. Пусть Хиксон закроет двери и пропускает только клиентов, записанных на сегодня, ну и, конечно персонал. Он может взять кого-нибудь в помощь, а если снаружи соберется толпа, пусть вызовет полицию. Возле служебного и черного входов поставьте водителей и упаковщиков. Скажите, что они получат сверхурочные.

– Понятно, мисс Брекли.

– И еще, Сара, вы не могли бы позвать к телефону мисс Брендон?

Через некоторое время Диана услышала голос Люси Брендон.

– Люси, – сказала Диана, – я просматривала газеты. Во всех чувствуется предубеждение, в той или иной степени. Я бы хотела знать, что на самом деле думают

и говорят самые разные люди. Выбери пять или шесть толковых девушек из нашего персонала и поручи им это выяснить. Вам следует отправиться в кафе, бары, общественные прачечные, ну и тому подобное в места, где люди общаются, и попытаться понять, как они ко всему этому относятся. Договоритесь между собой, чтобы охватить как можно больше таких мест.

Не выбирай тех, кто может перебрать спиртного. Мисс Трэфффорд выдаст каждой из девушек по четыре фунта на расходы. Ты все поняла?

– Да, мисс Брекли.

– Хорошо. Тогда давай действуй, и постарайтесь организовать все как можно быстрее, не теряя времени. Скажи, пожалуйста, мисс Толлуин, чтобы она соединила меня с мисс Трэфффорд.

Диана решила несколько финансовых проблем с мисс Трэфффорд, а затем снова позвонила мисс Толлуин.

– Пожалуй, мне сегодня следует уйти в подполье, Сара.

– Вне всякого сомнения, – согласилась мисс Толлуин. – Хиксон говорит, что в холле собралось около полдюжины человек – они отказываются покинуть здание, пока не повидают вас. Мне кажется, тут может возникнуть нечто вроде осады. Во время перерыва на ленч будут проблемы.

– Посмотрите, нельзя ли устроить так, чтобы персо-

нал мог входить и выходить через соседнее здание. Я не хочу распускать всех по домам, потому что, если кому-нибудь из клиентов удастся к нам прорваться, они должны быть уверены, что у нас все в порядке, какие бы глупости ни болтали за нашими стенами. Все должно идти по-прежнему и как можно дольше.

– Да-а-а, – с сомнением протянула мисс Толлуин. – Я постараюсь.

– Я очень на вас рассчитываю, Сара. Если я вам понадобится, позвоните мне по этому, внутреннему, телефону.

– Они попытаются добраться до вас дома, мисс Бреккли.

– Об этом не беспокойтесь. У нас там есть два очень больших швейцара, они получили самые подробные инструкции. Желаю удачи.

– Она мне понадобится, – проворчала мисс Толлуин.

– Ну, это же неэтично, – пожаловался управляющий.

Он оглядел всех, кто собрался на утреннее совещание в конференц-зале «Апил артс Лимитед».

– Я четыре раза пробовал убедить эту особу вести дела с нами, и всякий раз она отвечала одно и то же: ее не интересуют большие предприятия, выход на рынок ей не нужен, она полагается на личные рекомендации. Я говорил, что рано или поздно она обязательно захочет расширить свое дело, а мы как раз находимся в таком положении, что можем организовать для

нее грамотную рекламную кампанию; кроме того, мы располагаем превосходными специалистами, консультирующими на самых различных уровнях. Я предлагал ей разнообразные услуги. Но она только отвечала: «Нет, спасибо». Говорила, что у нее есть все, что ей необходимо. А я рассказал ей обычную историю: что ее предприятие ждет смерть, если она не станет расширяться, но она все равно сказала «нет». И только взгляните на это! Кому удалось ее прихватить? Кто занимается ее счетами – занимается, так я, кажется, сказал? Возьмите в руки сегодняшние газеты. Кто-то, кто даже не получает денег!.

– Ну, тот, кто это делает, засунул ее прямо в... грязь, – заметил бухгалтер. – Ни на кого из знакомых не похоже. Настоящее безобразие! Любители!

– По-моему, нужно его найти и нанять на работу, – предложил голос. – Надо признать, он неплохо работает, если сумел провернуть такое.

Управляющий фыркнул.

– Наше агентство обещает своим клиентам, что сделает все возможное, чтобы они получили максимальную выгоду, а не наоборот. Попав в газеты, конечно, можно стать известным, но не более того; дело зашло слишком далеко, – холодно сказал он. – Кто бы это ни совершил, он является угрозой для нашего бизнеса, потому что сможет поколебать веру публики в честность рекламы. Внушать надежду и веру – одно, а обе-

щать чудеса – совсем другое.

Один из молодых работников, присутствующих на совещании, откашлялся. Он совсем недавно закончил Оксфорд и проработал в фирме немногим больше года, но управляющий приходился ему дядей, поэтому все внимательно на него посмотрели.

– Вот что я подумал, – начал он, – ну, я хочу сказать, мы все не сомневаемся в том, что это фальшивка. Однако практически все утренние газеты... – он не договаривал, смущенный взглядами, которые бросали на него другие сотрудники. – Ну, это всего лишь... мысль... – тихо закончил молодой человек.

Управляющий терпеливо покачал головой:

– Я понимаю, Стив, трудно ожидать, что за несколько месяцев ты в состоянии разобраться во всех нюансах нашего дела. Афера задумана очень умно, это приходится признать, но рано или поздно все обязательно выйдет на свет. И мне наплевать, кто ее провернул.

Главное, это неэтично.

Телеграмма министру внутренних дел:

«Сэр, на специальном, внеочередном заседании Генерального британского Общества владельцев похоронных бюро, созванном сегодня, было единодушно принято следующее решение: наш совет должен выразить правительству серьезную озабоченность членов Общества по поводу появления препарата под названием антигерон. Если употребление препарата будет

разрешено, это, вне всякого сомнения, приведет к тому, что потребность в услугах, обеспечиваемых представителями нашей профессии, упадет, а это, в свою очередь, повлечет за собой рост безработицы среди членов Общества. Мы настоятельно просим вас принять соответствующие меры для того, чтобы деятельность по производству и использованию антигерона была признана незаконной».

– Я... гм-м... ну, я хотела бы узнать ваше мнение, доктор, по поводу моего возраста.

– Мадам, в мои обязанности не входит делать лестные комплименты пациентам, так же точно, как и разгадывать загадки. Могу дать вам совет: если у вас нет экземпляра свидетельства о рождении, немедленно обратитесь в мэрию Сомерсета.

– Но ведь может возникнуть путаница. Я хочу сказать, путаница случается, правда? Это может оказаться не мое свидетельство, кто-то совершил ошибку, когда делал запись, разве такое не возможно?

– Возможно, но очень маловероятно.

– И тем не менее, доктор, я хочу быть уверена. Не могли бы вы?..

– Если на самом деле вы пытаетесь играть со мной в какие-то игры, мадам, учтите, я не игрок.

– Ну знаете, доктор...

– Я практикую вот уже тридцать пять лет, мадам. И за все это время ни один мой пациент, если только

он был в своем уме, не сомневался на предмет своего возраста. Сегодня меня посетили вот уже две дамы, которые интересуются своим возрастом. Это просто возмутительно, мадам!

– Но... бывают совпадения...

– Кроме того, вы просите невозможного. Максимум, что я могу, – сделать предположение. Приблизительное... просто мнение... практически не профессиональное.

– Для той, другой, дамы вы сделали именно это?

– Я... ну... да, сделал грубое предположение.

– В таком случае я не сомневаюсь, что вы не откажетесь сделать предположение и на мой счет тоже, не так ли, доктор? Знаете, для меня это очень важно.

– Пожалуйста, три кофе, Крисси... Слушайте, ребята, дело принимает серьезный оборот, вы так не считаете? На выходных говорили, что к сегодняшнему дню все утрясется. В субботу утром целая куча народа не могла понять, каким образом получилось так, что в пятницу их ловко обвели вокруг пальца.

– Да, вначале все было так серьезно. Минут десять, а потом опять началась паника. Цены стали падать, словно листья осенью.

– Но... о, спасибо, Крисси, умница. Нет, Крисси, если ты меня ударишь, я пожалуюсь лорд-мэру, и тебя закуют в кандалы... Так о чем я говорил?

– Ты говорил «но».

– Да? Интересно, что я хотел сказать?.. Ну, если антигерон не фальшивка, тогда почему же никто не подтвердил, что он и вправду существует? Хотя с другой стороны, ведь никто этого и не отрицал... официально. Тогда мы знали бы, как к нему относиться.

– Ты что, не видел сегодняшнюю газету?

– В газете про это ничего нет.

– Ну, старик, некоторые другие Важные Персоны имеют жен, которые ходят в «Нефертити», и в парламенте пронесся слух: мол, они так во все это верят, что сумели убедить своих мужей. Теперь вам понятно, кто там ворочает делами?

– Слушайте, ребята, вы можете протрезветь на парочку минут? Это же очень серьезно! Мне кажется, Билл правильно говорит. Конечно, все может быть не так сенсационно, как оно звучит, но если бы это была пустышка, их давно бы уже вывели на чистую воду. Эта штука взбудоражила рынок! Если и дальше так пойдет, парламент вполне может приостановить биржевые операции вплоть до какого-нибудь особого официального заявления. По крайней мере, меня бы это совсем не удивило.

– Ты думаешь, такое возможно?

– А почему бы и нет, черт побери? Ради соблюдения интересов своих членов. Лично я ставлю на то, что антигерон действительно существует – иначе дело никогда не зашло бы так далеко.

– И что?

– Следовательно, пришло время покупать – цены же колоссально упали, разве нет?

– Что ты собираешься покупать, объясни мне ради всего святого!

– Ну хорошо, только постарайтесь не трепаться. Магазины.

– Магазины?!

– Ты можешь вести себя потише?... Старик, не будь таким идиотом. А теперь слушайте, все же очень просто и совершенно очевидно. Вам известно, что семьдесят процентов одежды, которая продается в нашей стране, покупают женщины в возрасте от семнадцати до двадцати пяти?

– Правда? Не очень-то справедливо, по-моему, только я не понимаю...

– Чистейшая правда. Так вот, если то, что говорят про антигерон, тоже чистейшая правда и он увеличивает срок жизни, к примеру скажем, в два раза – возникнет в два раза больше женщин, которые будут считать, что они находятся в возрасте от семнадцати до двадцати пяти лет, значит, они станут покупать в два раза больше одежды, не так ли?

– А.. разве им всем не понадобится в два раза больше одежды в любом случае?

– Ну и прекрасно. А если антигерон в действительности дает коэффициент три, еще и лучше. Но ведь и

сто процентов прибыли это тебе не кот чихнул. Тряпки – залог успеха!

– Да, только я все равно никак не могу понять, какое отношение имеют семьдесят пять процентов...

– Ладно, неважно. Ты просто возьми и хорошенько поразмышляй над тем, что я тебе сказал, приятель. А я отправляюсь вкладывать свою капустеррию в женское белье.

Телеграмма премьер-министру от секретаря Общества сохранения священного таинства Отдохновения:

«Дней лет наших – семьдесят...»

– Спиллер! Спиллер! Где ты?

– Здесь, сэр Джон.

– Не очень-то ты спешил. Спиллер, что тебе известно про антигерон?

– Только то, что пишут в газетах, сэр Джон.

– Что ты по этому поводу думаешь?

– По правде говоря, не знаю, сэр Джон.

– Я тут с женой обсуждал ситуацию, так вот она верит в эту историю на все сто процентов. И много лет ходит в салон «Нефертити». А я склонен с ней согласиться. Она выглядит точно так же, как когда мы поженились, – ничуть не постарела, верно?

– Леди Каттерхэм потрясающе сохранила привлекательность, сэр Джон.

– Черт возьми, приятель, не говори так, словно она престарелая дама. Посмотри на фотографию! Ее сде-

лали девять лет назад. Сейчас она такая же хорошенькая, как и тогда. Ей не дашь больше двадцати двух.

– Вы совершенно правы, сэр Джон.

– Или тут какая-то хитрость, или в этом что-то есть.

– Как скажете, сэр Джон.

– Я хочу, чтобы ты повидал женщину, которая содержит это заведение, – мисс Брекли. Договорись с ней о курсе лечения. И никаких проволочек. Если она начнет твердить, что все, мол, уже зарезервировано, предложи ей двадцатипятипроцентную надбавку за срочность.

– Но, сэр Джон, я так понял, что леди Каттерхэм уже...

– Боже мой! Спиллер, это не для моей жены, это для меня!

– Э-э... да... Понятно. Очень хорошо, сэр Джон.

– Генри, в завтрашнюю повестку дня включено обсуждение антигерона. У нас собраны по нему данные?

– Боюсь, что нет, сэр. Во всяком случае, ничего заслуживающего доверия

– Ну так надавите на них, старина. Мы же не хотим, чтобы министр поднял шум, не правда ли?

– Конечно, не хотим, сэр.

– Генри, между нами, а что вы сами думаете по этому поводу?

– Ну, как вам сказать, сэр. Моя жена знакома с не сколькими женщинами, являющимися клиентками

«Нефертити». Ни одна из них не сомневается, что все это правда. Конечно, следует сделать поправку на любовь прессы к преувеличению, однако, учитывая все факты, я склонен верить, что возможность появления такого препарата существует. Более того, он уже применяется.

– Я боялся получить от вас именно такой ответ, Генри И мне это не нравится, мой мальчик. Совсем не нравится. Если то, что утверждают в газетах, правда – или соответствует истине хотя бы наполовину, – последствия будут... э-э...

– Апокалиптические, сэр?

– Благодарю вас, Генри. Вы совершенно правы.

– На всякий случай, инспектор. Судя по тому как развиваются события, рано или поздно ее придется изолировать – хотя бы для того, чтобы защитить. Я предчувствую серьезные неприятности. Вы говорите, что нельзя инкриминировать ей применение и распространение наркотиков?

– Комиссар и я уже обсуждали эту возможность, сэр. У нас нет никаких доказательств применения наркотиков, за исключением тех редких случаев, когда это предписывает современная медицина.

– А если попробовать задержать ее по подозрению в хранении?

– Слишком рискованно, сэр. Я уверен, что мы не найдем ничего стоящего.

– Ну, всегда можно что-нибудь найти. Нужно только очень захотеть. А как насчет бродяжничества?

– Бродяжничества, сэр?

– Она же говорит им, что они проживут двести лет, а это предсказание судьбы, не так ли? Значит, она занимается мошенничеством и ее можно привлечь по статье за бродяжничество и мошенничество.

– Весьма сомнительно, сэр. Она не занимается в чистом виде предсказанием судьбы. Насколько я понимаю, она всего лишь утверждает, что у нее есть нечто существенно увеличивающее предполагаемую продолжительность жизни.

– Тем не менее это может оказаться обманом.

– Может, сэр. В этом и заключается главный вопрос. Только вот ответа на него, похоже, никто не знает.

– Ну, не можем же мы ждать двести лет, чтобы выяснить истину, не так ли? Как мне кажется, лучше всего выписать ордер на арест – за попытку сознательно нарушить мир и порядок – и держать ее столько, сколько нам будет нужно.

– Я очень сильно сомневаюсь, что на основании имеющихся у нас фактов кто-нибудь подпишет такой ордер.

– Возможно, Эверхаус, возможно. Однако ситуация, может стать, завтра или послезавтра изменится. Вы еще вспомните мои слова. В любом случае собирайте информацию. У меня такое впечатление, что она скоро

понадобится.

– Есть, сэр, так я и сделаю.

«КОРОЛЕВА И АНТИ-Г»

«Вечерний Флаг» не сомневается, что выражает мнение большинства своих читателей, когда требует, чтобы Первая Леди немедленно воспользовалась новейшим достижением британской науки..."

– Две пинты, дружище... Тогда я так прямо ей и сказал: «Слушай сюда, моя девочка. Есес-с-сенное есть есес-с-сенное, а это – нет. Раз-зе моя ма возникала на-щет того, чтоб прожить двести лет? Или твоя ма? Не-е-е – и тебе нечего. Это неесссес-с-сенно!» Сп-с-сибо, дружище, выпьем.

– Верно, Билл. Это, черт возьми, неессес-сенно. И чего она сказала?

– Она голову задрала и говорит: «Уж если на то пошло, в этом нет ничего плохого». «А я и не спорю, – сказал я, – только пре-пре-упрежаю, мне понятно, че те надо. Ты бы с удовольствием виляла своей жадницей, нацепив бикини, а меня бы заколотили в ящ-щик. Ну так вот, не видать тебе этого, и все тут! Когда они там говорят „Пока смерть не разлучит нас“, они же не имеют в виду всякие там глупос-си про то, как один буит жить дольше друоо, так что мо...жишь выкинуть этот твой... как его там... из головы, не для тебя он. А как узнаю, шо занималась этими глупоссями, моя крошка, я тебе врежу по п-првое число – и не говори, будто я

тебя не п-прждал Неессес-сенно это». Я ей все прямо
шказал, можешь не сомневаться.

– Ей не понравилось?

– Не-е. Нить начала, нить, нечестно мол, дескать, у
нее есть пожить подольше. «Ладно, тогда, – грю, – мо-
жешь попробовать, и посмотришь, что с тобой буит».

Ну, тут она включилась на всю катушку, а я как за-
ору, шоб заткнулась, а она не перестает. Птом грит:
«Я имею право!» А я на нее как посмотрю!.. «И ты то-
же имеешь право, – она грит, – только не имеешь пра-
ва грить, что я не имею права». «Может быть, – это я
грю, – попробуй... увидишь». И тода она бросила хны-
кать и так строго на меня пошмотрела. «Билл, – грит, –
а если бы и ты получил эту... ну... антиштуку, тоже?
Мы были тода оба...» Я н-а нее как зыркну. «Слушай,
мол, сюда. Из двух неев. тев... тес-сенных не получит-
ся один мормальный. Что ж это выходит, мне придется
челых двести вонючих лет чирпеть твой вонючий язык?
Лучше не придумаешь! Тоже мне счастье!»

– Берт, эй, Берт! Включи «Би-би-си», ладно? Вот мо-
лодец. Там выступает та женщина, которая говорит,
что надо делать, чтобы жить двести лет. И не то чтобы
мне так уж хотелось столько прожить. Иногда наступа-
ют моменты, когда я знаю, как себя при этом чувству-
ешь. Однако было бы интересно послушать...

– Добрый вечер, леди и джентльмены. Добро пожа-
ловать на очередной выпуск программы новостей. На-

ша передача последнее время занимает одно из первых мест по популярности. Мисс Диана Бреккли... Руперт Пиджен берет интервью у мисс Бреккли...

– Ваше заявление на прошлой неделе, мисс Бреккли, ужасно всех нас взволновало.

– Ну, мистер Пиджен, этого следовало ожидать.

– На тот случай, если кто-то из наших слушателей не читал последних газет, напомните, пожалуйста, основные моменты своего заявления – так, чтобы всем было понятно.

– А разве непонятно? Если кто-то хочет жить подольше, теперь это стало вполне возможно.

– Да чего уж тут не понять! И вы утверждаете, что открыли способ лечения, благодаря которому достигается желаемый результат?

– Я не думаю, что следует задавать риторические вопросы.

– Прошу прощения?

– Вы утверждаете, что ели сегодня завтрак, или правильнее будет спросить: завтракали ли вы сегодня, мистер Пиджен?

– Ну, я...

– Именно, мистер Пиджен. Получается несколько навязчиво, не так ли?

– Э-э... в вашем заявлении утвер... я хочу сказать, вы заявили, что есть люди, уже прошедшие курс лечения.

– Заявила.

– Сколько человек?

– Несколько сотен.

– И все они женщины?

– Да, но это просто результат случайного стечения обстоятельств. На мужчин средство действует аналогично.

– Сколько лет проживут эти люди?

– Ну, как я могу ответить на этот вопрос, мистер Пиджен? Сколько собираетесь прожить вы?

– Но, насколько я понял, вы утверждали... то есть я хотел...

– На самом деле я сказала, что увеличивается предполагаемая продолжительность жизни; если курс не прерывать, она может удвоиться и даже утроиться, в зависимости от выбранного варианта лечения. А это совсем не то же самое, что знать наверняка, сколько проживет каждый человек. Когда, например, вдвое увеличивается предполагаемая продолжительность жизни, одновременно вдвое увеличивается вероятность несчастного случая или возникновения какой-нибудь болезни.

– Значит, тот, кто втрое увеличил предполагаемую продолжительность своей жизни, не может с высокой степенью вероятности рассчитывать реализовать ее?

– Верно.

– Однако если удастся избежать несчастных случа-

ев и серьезных болезней, можно дожить до двухсот-летнего юбилея?

– Да.

– Ну а теперь, мисс Брекли... В нескольких газетах было написано, что никто из этих людей, которым вы давали антигерон... Правильно я произношу это слово?

– Да, я назвала наше средство антигерон.

– До вашего заявления для прессы несколько дней назад никто из ваших клиентов не знал о том, что именно вы им даете.

– Одна или две женщины догадались.

– Вы хотите сказать, что не отрицали этого?

– А зачем мне было отрицать?

– Ну, дело очень серьезное. Женщины приходили к вам, оказывая доверие, вы давали им антигерон, который позволит им дожить до двухсот лет, а они даже не знали об этом. Мне кажется, тут могут возникнуть очень серьезные проблемы.

– Совершенно с вами согласна. Так оно и есть. Перед ними открываются такие перспективы...

– Я имел в виду элемент обмана – ведь вы обманывали своих пациенток.

– Обманывала? Что вы этим хотите сказать? Никакого обмана не было – в действительности все наоборот.

– Боюсь, я не совсем...

– Все очень просто, мистер Пиджен. Я занимаюсь бизнесом, о сути которого не принято говорить вслух. Женщины приходили ко мне с одной-единственной просьбой, желая сохранить юность и красоту. Ну конечно, это некая фигура речи – никто не в состоянии добиться подобного эффекта. Однако я отвечала, что способна сделать то, что им нужно. Они именно на это и рассчитывали; таким образом, я была вправе начать лечение. И где же здесь обман?

– Ну, вряд ли они могли рассчитывать на столь головокружительные результаты, мисс Брекли.

– Получается, будто мои клиентки рассчитывали на обман. Я же давала им то, что они просили, – и в этом, по-вашему, состоит моя вина? Правильно ли я поняла, мистер Пиджен? Ваша позиция по данному вопросу представляется мне весьма уязвимой. Цель бизнеса, которым я занимаюсь, заключается в том, чтобы как можно дольше сохранять юность и красоту моих клиенток. Я всего лишь делаю то, что они просят, – доставляю заказанный товар. Вы же говорите об «обмане». Я вас просто не понимаю мистер Пиджен.

– Вы утв... ну, я хотел сказать... лечение при помощи антигерона на сто процентов приводит к успеху и совершенно безопасно?

– Из нескольких сотен пациенток только у одной возникли проблемы. Неожиданная и очень редкая аллергия.

– Значит ли это, что ваше средство действует безотказно?

– Конечно, нет. Однако его надежность превышает девяносто девять процентов.

– Мисс Брекли, многие предполагают, что, если антигерон будет широко применяться – точнее, если он вообще будет применяться, – это приведет к серьезным последствиям для нашего общества. Вы согласны с этими прогнозами?

– Конечно.

– А что, по вашему мнению, может произойти?

– Неужели вы думаете, что останутся вопросы, на которые не окажет влияние увеличение возможной продолжительности жизни?

– Насколько мне известно, мисс Брекли, научных экспериментов с целью проверки вашего открытия до сих пор поставлено не было.

– Вы ошибаетесь, мистер Пиджен. Я сама, как биохимик, провела самые тщательные исследования.

– Я... э-э... ну... лучше, наверное, сказать – независимого расследования?

– Пока не было.

– Будете ли вы рады подобному расследованию?

– А почему я должна ему радоваться? Меня вполне устраивает эффективность антигерона.

– В таком случае давайте поставим вопрос следующим образом: станете ли вы возражать против иссле-

дований?

– И снова – почему я должна возражать? По правде говоря, мистер Пиджен, мне совершенно на это наплевать. В пользу исследований говорит только одно: оно может привести к открытию других, возможно, более предпочтительных видов антигерона.

– Мисс Брекли, всех интересует природа чудо-средства.

– Это химическое вещество, которое относится к классу субстанций, вырабатываемых микроорганизмами. Оно обладает свойством тормозить определенные процессы метаболизма и имеет отдаленное сходство с антибиотиками.

– Понятно. А не могли бы вы нам рассказать, откуда берется эта субстанция?

– Я предпочла бы пока не отвечать на этот вопрос,

– Не кажется ли вам, мисс Брекли, что... ну, ваши слова вызовут гораздо больше доверия, если вы сообщите нам хоть какие-нибудь факты?

– У нас с вами, похоже, совершенно разные цели, мистер Пиджен. Интересно, почему вы так уверены в том, что я хочу, чтобы мои слова «вызвали доверие»? Я не политик и не знахарка. Антигерон действительно существует. Результаты его воздействия... ну, совсем как с касторовым маслом, совершенно не зависят от того, верят в него люди или нет. Вера тут ни при чем, она никоим образом не воздействует на его свойства...

– О, Берт, переключись на «Ай-ти-ви», вот молодец. Она все равно ничего не скажет. Можно было не сомневаться, что в конечном итоге интервью выльется в обычную заумную болтовню. В «Би-би-си» такое просто обожают.

– Милый... Ты не спишь?

– М-м-м...

– Милый, я тут думала... про этот антигерон.

– М-м-м?

– Ну, это ведь ужасно долго, правда? Гораздо дольше, чем мы думали, так ведь? Как ты считаешь, двести лет – это хорошо или плохо, милый? Я... ну... ффффу!

– Что, черт подери, ты там бормочешь?

– Бормочу! Какая прелесть!.. Мне было нечем дышать! Лично я считаю, что следует запретить брать бороды в постель. Я... фу-ф... ф-ф-ф...

Через десять минут:

– Послушай, лапочка, ты же так и не ответил на мой вопрос.

– Конечно, это плохо. Определенно, плохо.

– О, милый, ну ты и свинья!

– Должно быть триста лет, по крайней мере.

– А-а-а, мерзавец... О ми-и-и-илый!..

"Говорит радио Москвы.

Относительно сообщений, напечатанных в лондонских газетах, московская газета «Известия» сообщает в своем сегодняшнем номере:

"Заявление британской прессы о том, что был открыт препарат, который увеличивает нормальную продолжительность жизни, нисколько не удивило хорошо информированных граждан республик Советского Союза. Наши люди прекрасно знакомы с исследованиями ученых, работающих в Отделении гериатрического лечения при государственной клинике в Комске под руководством Героя Советского Союза доктора А. Б. Кристановича. На ученых в СССР не произвели никакого впечатления необоснованные утверждения, сделанные в Лондоне. Они указывают, что работы британских ученых основаны, вне всякого сомнения, на достижениях А. Б. Кристановича и эксплуатируются в интересах капиталистов, а информация, сообщенная в британских газетах, может рассматриваться не иначе как преувеличение, основанное на желании получить максимальную личную выгоду.

Таким образом, работы А. Б. Кристановича вот уже в который раз демонстрируют всему миру, что прогрессу советской науки" невозможно помешать..."

– Доброе утро, констебль.

– Доброе утро, сэ. У вас все в порядке?

– Я немного перебрал, констебль. Не обращайтесь внимания. Прекрасно себя чувствую и все соображаю. Просто перебрал немного.

– Вам бы лучше пойти домой, сэ.

– А я как раз туда и направляюсь, констебль. Живу

совсем рядом. Просто потрясающе... потрясающе.

– Рад это слышать, сэр. И тем не менее на вашем месте я бы...

– Вы же не знаете, почему я надрался, правда же? Хотите, скажу? Эта особа с ее анти... анти... ну, анти-что-то...

– Антигерон, сэр?

– Вот именно. Антигерон. Видите ли, меня интересует стасис... статистика. Я этим занимаюсь. Как только эта анти... антиштука станет широко применяться... нам всем грозит голод. Меньше, чем двадцать лет... Все будут голодать. Очень печально. Поэтому я пошел и напился. Просто потрясающе, ужасно.

– Знаете, сэр, придется нам проследить за тем, чтобы антитерон не получил широкого распространения, вы со мной согласны?

– Не поможет, констебль. Воля к жизни сильнее всего на свете. Мы не сумеем их остановить. Воля индивидуума к жизни является частью его жизненной силы. Все дело в балансе. Когда слишком много жизненной силы, она сама себя уничтожает. Вам когда-нибудь приходило это в голову, констебль?

– Да не очень, сэр. Слушайте, может, вам все-таки стоит отправиться домой? Знаете, уже сильно за полночь.

– Ладно, констебль. Иду. Я просто хотел с вами поделиться, и только. Двадцать лет – и все начнут голо-

дать. Очень серьезное положение дел. Не забудьте, я вас предупредил.

– Запомню, сэр. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, констебль.

ГЛАВА 13

– Вы где? – спросила леди Тьюли.

– Здесь. Заходите, Дженет, – донесся голос Дианы.

Дженет Тьюли подошла к окну:

– Ой, Диана, какой прелестный сад, и прямо тут. Кто бы мог подумать?

– Я люблю мой садик, – сказала Диана, выпрямляясь и снимая перчатки. – Хорошо, что вы смогли до меня добраться.

– Дорогая, без вашего специального разрешения меня бы и на километр к вам не подпустили. Такое впечатление, что вас тут охраняет целый полк швейцаров.

– К сожалению, это совершенно необходимо, – объяснила Диана. – Мне пришлось потихоньку забраться в грузовик, чтобы попасть на ту передачу, в понедельник, и послать в своей машине к парадному входу в дом другую девушку, чтобы иметь возможность спокойно сюда вернуться. С тех пор я нахожусь в заточении. Заходите, садитесь. Вы мне расскажете, что происходит в мире, а я угощу вас кофе.

– Я к вам совсем ненадолго. У меня куча дел.

– Все в порядке?

– Вас интересует Лига? Да. Лидия Вашингтон избрана председателем. Она очень подходит для этой роли,

потому что готова положить все силы ради нашего дела, а еще – никого и ничего не боится. Она уже создала надежное ядро – Совет – и получает от всего этого колоссальное удовольствие.

– Глядя на вас, можно сказать, что и вы тоже, Джениет.

– О да. Только вот спать совершенно некогда. Впрочем, неважно, потом наверстаю. Диана, дорогая, я снимаю перед вами шляпу. Мы тут взяли и внимательно на себя посмотрели – мы ведь и в самом деле жены или дочери половины Больших Людей. Нашими мужьями являются четыре министра, входящие в состав кабинета, еще три министра, два епископа, три графа, пять виконтов, дюжина глав больших компаний, около полудюжины банкиров, двадцать три члена правительства, восемь представителей оппозиции и многие другие. Кроме того, мы тесно связаны с массой влиятельных людей. Так что вряд ли есть что-нибудь, чего мы не знаем или не можем узнать.

– Это как раз то, что мне нужно. За последние три дня я практически ничего не узнала, кроме того, что печатается в газетах и что мне сказали на «Би-би-си». Ну, и кое-какую информацию мне сообщила Сара, которая возглавляет оборону в офисе Насколько я понимаю, главные проблемы возникли из-за «рампетера»?

– Да, там была такая чудесная драчка. В понедельник они узнали, что с партийной точки зрения постави-

ли не на ту лошадку, и бедняге редактору пришлось
о как несладко А на следующий день они напечата-
ли оппозиционную статью Эксплуатация рабочих. Пер-
спектива провести три срока жизни у станка. Неизбеж-
ный рост безработицы, невозможность выплаты нор-
мальных пенсий, даже если возраст выхода на пенсию
будет изменен на сто лет. Никаких возможностей про-
движения по службе. Преимущества богатым Преиму-
щества интеллектуалам. Преимущества всем высшим
административным и управляющим структурам. Пося-
гательство на монархию (впрочем, это была уж совсем
идиотская идея, и они от нее быстро отказались) Мо-
лодые лишаются перспективы. Рост цен из-за повы-
шения численности населения. Проблемы в системе
здравоохранения – опять же из-за изменения числен-
ности... Ну и тому подобное. Призыв ко всем союзам
объединиться и заявить единогласный мощный протест.
Намеки на всеобщую забастовку до тех пор, пока
использование антигерона не будет признано противо-
законным.

По дороге сюда я проходила мимо какой-то стены,
по-моему, в Нотинг-Хилле*. На ней красовалась над-
пись:

**"ЗАПРЕТИТЬ АНТИ-Г! ВСЕ НА ДЕМОНСТРАЦИЮ!
ТРАФАЛЬГАРСКАЯ ПЛОЩАДЬ, ВОСКРЕСЕНЬЕ".**

За них многие проголосуют, можете не сомневаться.
Вам же известно, как ловко они умеют манипулировать

цифрами. Кроме того, никому не нравится, когда угрожают или бойкотируют. Никакого тайного голосования; предки, участники чартистского движения, проливали за это кровь, но они... Да и вообще, голосование все равно не будет иметь никакого значения. Жены против запрещения антигерона, что бы они там ни говорили своим мужьям. Во-первых, было неуместное выступление в адрес королевы; во-вторых, им не очень нравится мысль, что мужья станут голосовать за более короткую жизнь для них.

– А церковь? Я слышала в субботу проповедь...

– Беспокоиться не о чем. Тот проповедник струхнул и его понесло не в ту сторону. Кентерберийский епископ – профессионал. В Йорке церковь возглавляет опытный профессионал. В Уэльсе и Бате тоже, по правде говоря, они все в той или иной степени профессионалы, хотя Ньюкасл и Ландафф вызывают некоторые опасения. Но ведь выступать против антигерона и лишать человека возможности жить дольше – все равно что санкционировать самоубийство, не так ли? Существуют какие-то небольшие секты, которые утверждают, что следуют, как они сами это называют, принципиальной линии. Похоже, Рим все еще не знает, как ко всему этому относиться, – тут, по вполне очевидным причинам, наши связи не отличаются надежностью и прочностью.

Биржа совершенно запуталась и была вынуждена

закрыться на неопределенное время. Впрочем, думаю, вам это известно.

В целом, я считаю, что дела идут совсем неплохо. Наши представители всю занимают тем, что создают пятую * Бедный район в западной части Лондона, населен в основном иммигрантами. колонну у себя дома и в обществе, складывается впечатление, что нам даже и не понадобится организовывать полноценную партию под названием «Партия новой жизни», но мы пока на это не очень рассчитываем. Я уже вам говорила, Лидия Вашингтон занимается организацией, которая готова начать действовать в любой момент, как только возникнет такая необходимость.

До нас дошли сведения, что премьер-министр ужасно огорчен, бедняжка. Если он санкционирует применение антигерона, повсюду возникнет хаос, а левые устроят самое настоящее безобразие. Если же он попытается его запретить, начнут раздаваться вопли протеста и разразится нечто, похожее на революцию, инспирированную Партией новой жизни, которая мгновенно станет очень могущественной силой. В настоящий момент в клубах ставят четыре против одного, что премьер санкционирует употребление антигерона на том основании, что рано или поздно он все равно появится снова, так зачем же отдавать право приоритета иностранцам? В результате возникнет население, имеющее солидный опыт и, следовательно, способное

на гораздо более серьезные достижения на благо своей родины; таким образом, мы только выиграем, разрешив применение антигерона.

– По крайней мере, они начинают понимать значение нашего препарата, – кивнув, сказала Диана.

– Но это только часть проблем, которые мучают беднягу, – продолжала Дженет Тьюли. – Если он решит вопрос в пользу антигерона, возникает вопрос отношений с Китаем.

– С Китаем? – удивленно воскликнула Диана.

– Дорогая, не следует делать круглые глаза... для меня, – заявила Дженет.

– Но я и в самом деле удивлена, – призналась Диана. А потом она вспомнила о том, что произошло с Ричардом и Стефани. Стефани говорила, что, когда она выдала источник поступления лишайника, в комнате присутствовало три человека. Утечка информации могла произойти по вине любого из них. – А при чем тут Китай?

– Говорят, он является единственным местом, где растет лишайник, из которого получают антигерон, – ответила Дженет, не сводя с Дианы глаз.

– Понятно, – проговорила Диана. Ее голос и выражение лица стали не очень дружелюбными.

– Так вот, как только китайцы узнают, почему мы хотим покупать их лишайник... ну, всему придет конец. Они его оставят только для себя, а если даже этого и

не произойдет, мы окажемся в самом конце списка покупателей.

Диана снова кивнула.

– Все может быть гораздо сложнее, – сказала она. – Стоит китайцам пронюхать про лишайник, тут же все станет известно русским. Дело в том, что лишайник поступает не совсем из Китая. Он растет в Северной Маньчжурии, совсем рядом с русской границей. Если русские сочтут, что он обладает достаточной ценностью для того, чтобы приложить серьезные усилия и захватить его, может начаться черт знает что.

– В любом случае мы его не получим, – сделала вывод Дженет. – И что тогда? Имеет ли вообще смысл заводить кампанию в защиту антигерона?

Диана колебалась.

– Я ведь не сказала, что это единственный источник, – заметила она.

– Ну хорошо. Соблюдайте осторожность, если вам угодно. Я ведь только пересказываю, что говорят другие – лишайник импортируется из Китая и обрабатывается для вас в «Дарре», где и получают антигерон.

Диана неожиданно выпрямилась в своем кресле.

– Но это же полнейшая чепуха! Я импортирую лишайник и он действительно проходит обработку, но «Дарр» тут абсолютно ни при чем. Натуральное вранье.

– Дорогая, прекратите так сердиться. Это же не я

придумала.

– Да нет, конечно, не вы, Дженет. Но из всех гнусных глупостей, случившихся... Подождите здесь, пожалуйста, несколько минут, Дженет. Мне нужно подумать.

Диана вернулась к окну, затем вышла в небольшой сад. Она постояла там, глядя на деревья, растущие в парке, а потом вернулась в комнату. Ее манера изменилась, она стала более резкой.

– Дженет, я хочу сделать заявление по радио. Мне все равно, в какой передаче, лишь бы это было в субботу вечером. Подойдет любая информационная программа, которая состоит из самых разнообразных новостей. Десять минут. Впрочем, пяти будет достаточно. Я расскажу все про антигерон – отвечу на вопросы, на которые отказывалась отвечать раньше. Как вы думаете, это можно организовать?

– В данных обстоятельствах, – улыбнувшись, ответила Дженет, – любое колебание со стороны любой информационной службы очень маловероятно. Только я не понимаю, что же такое можно сказать, чтобы заметно повлиять на сложившееся положение. По крайней мере... если только у вас и в самом деле есть другой источник?..

– Сейчас это не имеет значения. Сделайте то, о чем я вас попросила, будьте умницей. И проследите, чтобы все узнали о передаче – организуйте хорошую рекламу.

– Ну, они сами займутся рекламой. Только я не понимаю...

– Все в порядке, Дженет. Я знаю, что делаю. Просто выполните мою просьбу, а потом займитесь созданием Лиги. У меня такое ощущение, что она нам довольно скоро потребуется.

Дженет Тьюли ушла через несколько минут. Как только дверь за ней закрылась, Диана позвонила в свой офис.

– Сара, найдите, пожалуйста, мисс Брендон и пришлите ее сюда. Выдайте ей пропуск, чтобы она могла войти... Да, это очень важно. Сейчас я ничего не могу вам объяснить, тут кое-что произошло. Нам придется запустить машину... Да, думаю так, только у нас очень мало времени. Именно поэтому Люси нужна мне немедленно.

– Хорошо, мисс Бреккли. Да, кстати, у меня здесь телеграмма из Америки. Адресовано в «Нефертити». В ней говорится:

«Прекратите все переговоры по продаже прав на антигерон до рассмотрения нашего предложения. Оно семизначно».

Подписано: "Бен Линденбаум, президент корпорации «Искатели Лекарства Счастья». Что мне отвечать?

Большой автобус съехал с дороги на обочину и погасил огни. Один за другим из него вылезли несколько человек и остановились, пытаясь что-нибудь разгля-

деть, – глаза еще не успели привыкнуть к темноте Раздался негромкий голос:

– Все в порядке? Никто ничего не забыл?

Донеслись утвердительные ответы.

– Ладно, повторяю. Один крик совы означает, что Джимми перерезал телефонные провода – они имеют общий выход, так что будет изолировано все заведение. Потом ждем. Если вас кто-нибудь заметит, обезвредьте его прежде, чем он успеет поднять тревогу. Когда же услышите три крика совы подряд, делайте свое дело – но никак не раньше. Помните, три крика совы. Вам все ясно?

Хорошо. Двигайтесь осторожно и постарайтесь не заблудиться в темноте – мы не будем никого ждать. Ну, я пошел...

ГЛАВА 14

Диана проснулась от того, что зазвонил телефон, стоявший рядом с кроватью. Она неохотно подняла трубку:

– Алло.

– Доброе утро, мисс Брекли, – услышала она голос телефонистки. – Мне очень не хотелось будить вас, но с вами хочет поговорить мисс Саксовер. Девушка утверждает, что это очень важно, к тому же она в вашем списке.

Диана сразу проснулась.

– Хорошо. Соедините меня с ней.

– Диана? Это Стефани.

– Что случилось, Стефани?

– О Диана! Опять «Дарр». Снова пожар, но на этот раз все сгорело до основания. Папу отвезли в госпиталь и...

Сердце Дианы сжалось. Пальцы на телефонной трубке побелели.

– О Стефи! Что с ним? Что... что?..

– Ничего страшного, Диана. Он несильно пострадал. У него нет ожогов, я хотела сказать. Ему пришлось выпрыгнуть в окно, и он немного ушибся. Он ночевал в той квартире, ты знаешь...

– Да, да. Это все? Ничего себе не сломал?

– Нет. Несколько синяков – так, во всяком случае, сказали в госпитале.

– Слава Богу... Так что же произошло, Стефи?

– Мы сами точно еще не знаем. Похоже, в этой акции участвовало много людей. Они появились со всех сторон одновременно. Один из работников «Дарра» не спал, он ничего не слышал до тех пор, пока со всех сторон сразу не раздался звон бьющегося стекла. Судя по всему, они бросали в окна бутылки с зажигательной смесью. Не просто с бензином, а с чем-то более горючим. Заполыхал жилой дом и лаборатории – и все практически одновременно.

Телефоны не работали, поэтому Остин сел в машину, чтобы вызвать подмогу. Но его автомобиль налетел на провод, натянутый у выезда на шоссе. Машина разбилась и загородила дорогу. Бедняга тоже попал в госпиталь – множество глубоких порезов и ссадин, сломано ребро.

И милый старый Тимпсон – ты помнишь старину Тимми, нашего сторожа? Его тело нашли в конюшне. Полиция говорит, что его ударили чем-то тяжелым по голове. Такого старого человека! Всего один удар, слава Богу! Он даже не успел понять, что произошло.

Ничего не осталось, Диана. Дом, лаборатории, склад – все сгорело. Только несколько домиков персонала, стоящих чуть в стороне. И никто ничего не мог

поделать. К тому моменту когда выяснилось, что произошло с Остином, все уже успело сгореть. Папа сумел отползти подальше от дома, а иначе его завалило бы обломками, когда здание рухнуло.

– Благодарение Богу, – пробормотала Диана. – Полиция кого-нибудь подозревает?

– Не думаю. Они сказали Рейксу, который временно руководит «Дарром», что у них «есть основания предполагать», что нападение совершила группа бандитов, приехавших откуда-то на грузовике. Рейке говорит, что это просто потрясающие чудеса дедукции.

– Стефи, ты уверена, что твой отец серьезно не пострадал?

– Он немного растянул левое запястье, но на данный момент, до рентгена, мы уверены, что никаких серьезных повреждений у него нет. Вот только мне страшно интересно, быстрее ли он придет в себя – я хочу сказать, быстрее ли, чем люди, которые не получали ты знаешь что?

– Понятия не имею, Стефи. Запястье, конечно, будет заживать дольше, синяки и царапины, если они имеются, тоже. Но общее потрясение, которое он пережил... Не знаю. Не думаю, чтобы все это было особенно заметно. Ты ведь именно это имеешь в виду?

– Не хотелось бы, чтобы доктора совали нос в наши дела.

– Естественно. За этим нужно будет проследить. Те-

бе. Передай ему... сердечный привет от меня.

– Обязательно. Кстати, Диана, что там болтают о том, что ты собираешься завтра вечером снова выступить по радио? Это правда?

– Да. Как ты узнала?

– Сообщили сегодня утром перед сводкой новостей. Все звучало... Что ты собираешься им сказать?

– Правду, Стефи. Если не выступить публично и прямо сейчас, меня вполне могут заставить сделать это силой где-нибудь в тихом месте. Уж лучше пусть узнают все.

– Но ты ничего не скажешь про папу?

– Можешь спросить у него, но я думаю, он по-прежнему считает, что его авторитет поможет нам позже, в дальнейшей борьбе. Да и вообще, сейчас ему и без того хватает проблем.

– Ладно, я у него спрошу. И сообщу тебе.

– Хорошо. И не забудь передать ему... сказать ему, что я...

– Не забуду, Диана. Пока.

Диана просмотрела газеты, чтобы найти сообщение о несчастье в «Дарре». Похоже, все произошло слишком поздно вечером, даже лондонские издатели ничего о нем не знали. Зато про антигерона писали все. В «Таймс» ему была посвящена вторая передовая статья и еще напечатано около полудюжины писем, которые, хотя и отражали самые разные мнения – от су-

хого изложения фактов до почти суеверной тревоги — были переполнены серьезным беспокойством. «Гардиан», похоже, разрывался между либеральным уважением к любым формам научного знания и стенаниями по поводу последствий именно этого открытия. «Трампетер» на этот раз не переменял своего мнения о проблеме в целом, однако отношение к ней стало несколько иным. И хотя они по-прежнему энергично призывали к запрещению АНТИ-Г, чистота эмоциональной реакции несколько страдала от приступов раздумий. В общем, больше не возникало ощущения, что партия получила в дар новенькую и невероятно соблазнительную приманку для полу" грамотных масс.

На самом деле почти во всех популярных газетах чувствовалась некоторая перемена отношения, по Флит-стрит пронесся слух, что антигерон имеет гораздо более широкие возможности, а не просто выступает в качестве средства заставить большее количество женщин читать газеты.

Самым интересным и внушающим удовлетворение, с точки зрения Дианы, был тот факт, что практически нигде не обсуждался вопрос о законности использования антигерона. А это не только позволяло клиенткам «Нефертити» почувствовать себя увереннее, но и дало им возможность влиять на мужей, приятелей и самых разнообразных знакомых. Об этом Диана не могла и мечтать. Похоже, она недооценила тот ослабляющий

человеческий скептицизм эффект, который оказали на него многочисленные научные чудеса; именно поэтому там, где она рассчитывала увидеть баррикады, практически не возникло серьезного сопротивления.

Да и Этап Номер Два развивался совсем не по ее плану. Да, конечно, «Трампертер» после фальстарта занял такую позицию, какой от него и ожидали, но до сих пор он оставался в одиночестве. Диана предполагала, что силы оппозиции объединятся между собой – клерки, продавцы, рабочие самых разных специальностей обнаружат, что возражения, выдвигаемые этими людьми, по крайней мере в данный момент, отвечают их собственным интересам, и поспешат консолидироваться с ними. Диана не могла понять: является ли этот союз просто отложенным во времени событием, или она в очередной раз переоценила возможную силу сопротивления масс научным достижениям. С другой стороны, подумав немного, она решила, что, видимо, несколько неверно понимала ситуацию с мужчинами. И, по всей вероятности, не учла два фактора. Один из них – абсолютно бредовый. Сопротивление перспективе продленной жизни, состоящей из однообразной работы, наталкивалось на желание человека выжить любой ценой и привело к тому, что многие оказались в состоянии полной нерешительности. Другой фактор был связан с покорностью судьбе: наука зашла настолько далеко, что человек не в состоянии ее контролировать,

и каждое новое открытие теперь ничем не отличается от деяний Господа. Так что вряд ли имеет смысл тратить силы на то, чтобы по этому поводу что-нибудь предпринимать.

Во всяком случае, какими бы ни были истинные причины, борьба не будет такой отчаянной, как предполагала Диана – скорее крупномасштабный турнир с огромной зрительской аудиторией, симпатии которой переходят от одного соперника к другому.

Рассмотрев создавшееся положение, Диана пришла к выводу, что исходный стратегический план скорее выиграет от того, как развиваются события.

Тем не менее, хотя они и одержали легкую победу на первом этапе и при этом сумели обнаружить слабость в рядах противника, следовало создать хаос. Впрочем, необходимо еще решить, нужно ли воспользоваться резервами для того, чтобы употребить преимущества с максимальной пользой для себя.

Однако, прочитав в газетах объявления, что популярнейшая субботняя вечерняя инсценировка будет перенесена с девяти пятнадцати на девять тридцать, чтобы дать возможность мисс Диане Брекли сделать заявление относительно антигерона, она поняла, что пора приступать к следующей фазе плана.

Двери лифта открылись, и в холл вышла небольшая группа. Впереди – Диана в вечернем платье бледносерого цвета, в длинных белых перчатках, с изумрудным

кулоном на шее, на плечи накинута легкая, отороченная мехом накидка. За ней следовали Люси Брендон и Сара Толлуин. Люси была одета не так ярко, но соответственно случаю; Сара же была в довольно строгом платье темносинего цвета, которое очень подходило к ее роли секретарши. Последней шла Оттилия, горничная Дианы.

Швейцар встал из-за стола и приблизился к женщинам с озабоченным видом.

– Снаружи собралась довольно большая толпа, мисс Брекли, – сказал он. – Мы могли бы поставить несколько стульев в одном из грузовиков и вывести вас тем же способом, если хотите.

Диана выглянула сквозь застекленную дверь наружу. На улице толпились около сотни человек, в основном женщины и всего несколько мужчин, включая двоих с камерами. У тротуара стояла машина, охраняемая одним из швейцаров.

– Мы и так уже немного опаздываем, сержант Трант. Я думаю, лучше все-таки воспользоваться машиной.

– Хорошо, мисс.

Сержант пересек зал, открыл дверь и вышел на улицу. Потом махнул рукой в сторону толпы. После некоторого колебания собравшиеся неохотно расступились, оставив узкий проход на ступеньках и тротуаре.

– Слава Богу, что мы стали знаменитостями лишь на время, – прошептала мисс Брендон, наклонившись к

мисс Толлуин: – Представляете, какво подвергаться таким испытаниям по несколько раз в день!

Сержант, угрожающе оглядев толпу, которая посмела снова загородить дорогу, распахнул дверь. Три дамы с Дианой во главе выступили вперед, оставив взволнованную Оттилию в холле. На противоположной стороне улицы второй швейцар, который подъехал на сером «роллс-ройсе», выскочил из автомобиля и открыл дверцу. Люси услышала, как кто-то сказал:

– Говорят, ей сорок. А выглядит совсем как девочка, правда?

Диана подошла к широким верхним ступенькам и начала спускаться вниз. Оба фотографа защелкали вспышками.

Неожиданно один за другим раздались три громких выстрела.

Диана пошатнулась и схватилась за левый бок. Толпа застыла на месте. Под рукой Дианы начало расплываться алое пятно. На белой перчатке проступила кровь. Красная дорожка побежала по бледно-серому шелку. Диана сделала неверный шаг назад и медленно повалилась на ступеньки...

Фоторепортеры вновь защелкали камерами. Швейцар, стоявший у автомобиля, бросился к Диане. Сержант оттолкнул Люси Брендон в сторону и побежал вниз по ступенькам. Диана лежала неподвижно, глаза ее были закрыты. Швейцары собрались было ее под-

нять, однако чейто голос остановил их.

– Не трогайте ее. – Сержант поднял голову и увидел молодого человека в роговых очках и хорошо сшитом темном костюме. – Я врач, – сказал он. – Вы можете навредить ей. Лучше немедленно вызовите «скорую помощь».

Он склонился над Дианой, взял ее за запястье, и принялся нащупывать пульс.

Сержант бросился назад в холл, но оказалось, что его уже опередили. Оттилия сидела за столом с телефонной трубкой в руке.

– «Скорая помощь»? Да, да, пришлите сюда машину и побыстрее! – говорила она. – Немедленно приезжайте к особняку Дарлингтон... Да, здесь только что стреляли в леди...

Она повесила трубку.

– Вы его поймали? – резко спросила Оттилия.

– Кого? – спросил сержант.

– Человека, который это сделал, – нетерпеливо ответила Оттилия. – Маленький такой, в дождевике и зеленой фетровой шляпе. Он стоял слева, – бросила она на ходу и помчалась по ступенькам к Диане и доктору.

Сержант последовал за ней, и принялся вглядываться в толпу. Однако не заметил ничего особенного. Должно быть, стрелявший успел скрыться еще до того, как кто-нибудь сообразил, что произошло. Врач, стоящий на коленях возле Дианы, поднял голову.

– Вы можете заставить этих проклятых зевак отойти в сторону. ** раздраженно спросил он.

Оба швейцара принялись разгонять толпу.

Глаза Дианы открылись, она пошевелила губами. Доктор наклонил голову, стараясь расслышать ее слова. Диана снова закрыла глаза. Врач нахмурился и поднял голову.

– «Скорая помощь»... – начал он.

Его прервал звук сирены. К дому на огромной скорости подъехала машина и затормозила возле «роллс-ройса». Из нее выскочили санитары с носилками и начали проталкиваться сквозь толпу.

Уже через полминуты Диану внесли в машину «скорой помощи». Врач и мисс Брендон забрались вслед за ними, и автомобиль с воем умчался прочь.

В девять пятнадцать по национальному радио сказали: "Мы с сожалением должны сообщить, что объявленные ранее изменения в программе не будут иметь место. Мисс Диана Брекли, которая собиралась выступить перед вами, чтобы рассказать о значении своего открытия, по дороге к нам на студию стала жертвой нападения. Преступник выстрелил в нее три раза. Мисс Брекли умерла в машине «скорой помощи» по дороге в больницу...

Днем в воскресенье распогодилось, но покрытие Трафальгарской площади оставалось влажным после утреннего дождя. С утра со всех концов города на пло-

шадь начали стекаться люди, и теперь, покончив с принесенными бутербродами, с нетерпением дожидались начала шествия, прислонив свернутые знамена к статуям львов. В передней части формирующейся колонны кто-то уже успел развернуть огромный белый транспарант, на котором было написано красной" св-тящейся краской:

«ЗАПРЕТИТЬ АНТИТ!»

Среди участников марша были и сочувствующие из рядов родственников, так что народу собралось довольно прилично, но, учитывая причину митинга и столь традиционное время и место его проведения, толпа была не такой уж и большой. Повсюду гуляли туристы и просто люди, решившие провести воскресное утро в центре города – кому-то было просто любопытно, а кто-то искал компанию, чтобы убить время. Немного дальше за фонтанами собралась другая толпа, в основном женщины.

Несколько молодых людей суетились на постаменте, протягивая провода, устанавливая громкоговорители на треногах, проверяя микрофоны и удовлетворенно кивая друг другу. Наконец толпа зашевелилась. Небольшого роста плотный человек, которому расчищали дорогу несколько сопровождавших его крупных мужчин, пробился вперед, улыбаясь и помахивая рукой, приветствуя толпу. Протянулось сразу несколько рук, чтобы помочь ему забраться на постамент. В этот

момент одному из молодых людей пришло в голову, что с точки зрения техники все организовано не лучшим образом, поэтому возникла небольшая заминка, пока он с важным видом оборачивал платком микрофон. Потом выступающий под приветственные крики и аплодисменты вышел вперед. Он широко улыбнулся толпе, помахал знакомым, а затем поднял руки, успокаивая собравшихся. Его лицо вдруг резко помрачнело – он ждал, когда толпа проникнется нужным настроением. Постоял неподвижно и вдруг неожиданно поднял правую руку, указывая на транспарант, развернутый у него над головой.

– Антигерон, – сказал он, – это самое грязное оружие из тех, что тори направляют против рабочих. Это бомба направленного действия. Те, чья жизнь наполнена комфортом и роскошью, радуются появлению анти-г – иначе и быть не может. Им он дарит многие годы – великое множество лет – комфортабельной и роскошной жизни. А какое значение имеет антигерон для нас – рабочих, которые создают роскошь и богатство? Я вам скажу. Нам придется работать в течение трех жизней, вместо одной. А если вы собираетесь работать в течение трех жизней, где тогда ваши сыновья найдут себе работу? Да и сыновья ваших сыновей. Все это означает, что целых два поколения обречены на безработицу, два поколения будут вынуждены жить на пособие, два поколения будут рождены и умрут, испытав на себе

все тяготы безработицы, которая приведет к тому, что ваша заработная плата станет намного меньше. Могу сказать вам, что никогда в истории борьбы рабочего класса...

На северной стороне площади, напротив Национальной Галереи, остановился фургон. Боковая стенка опустилась, открыв восемь громкоговорителей. Над толпой разнесся женский голос, усиленный мощными динамиками:

– Убийцы! Трусы! Убийцы женщин!

Оратор, пораженный столь неожиданным вмешательством, замолчал, сбитый с толку. Однако довольно быстро пришел, в себя и снова заговорил:

– Два поколения...

Один из молодых техников быстро увеличил силу звука, но все равно его приспособления не могли соперничать с голосом, доносившимся с северной стороны площади, который продолжал:

– Убить можно только человека. Идея продолжает жить. Диана Брекли мертва, ее застрелили за открытие, которое она сделала. Но нельзя уничтожить достижение...

Почти все, кто находился на площади, повернулись, чтобы посмотреть на фургон и на бегущих к нему полицейских.

– Она подарила нам жизнь – а в награду получила смерть! Но идея есть порождение ума и духа, а вовсе

не женского тела, которое легко уничтожить...

Полицейские добрались до фургона и принялись колотить в дверь. Голос продолжал:

– Что вы знаете о жизни, жалкие трусы? Вы боитесь ее настолько, что готовы растоптать! Какое право вы имеете лишать нас жизни? Какое право вы имеете говорить нам – вашим матерям, вашим женам и вашим дочерям – 470 мы должны умирать раньше?

Один из полицейских, которому удалось вытащить из кабины водителя фургона, занял его место и повел машину прочь.

– Конец, – сказали в микрофон сочным контраalto.

Оратор на возвышении с облегчением наблюдал за отъезжающим фургоном. Он собрался продолжить свою речь, однако в этот момент раздался громopodobный женский голос – на сей раз он доносился с противоположной стороны.

– Не думайте, что, безнаказанно прервав одну жизнь, вы сумеете так же легко укоротить и другие. Мы уже сталкивались с вами. Вы бездарные болваны, луддиты. Теперь вы готовы довести луддизм до его логического завершения – мало уничтожить машины, нужно еще покончить и с изобретателем, чтобы он не мог больше творить.

Теперь рассерженные, вспотевшие полицейские бросились в другую сторону.

– Мешать, лишать, запрещать – и убивать! Таковы

ваши убеждения? История знает много режимов, когда жизнь человека ценилась невысоко, но ни один из них не был настолько жесток, что намеренно сокращал срок жизни своего народа.

Полиция не стала тратить время и забираться во второй фургон. Они просто взяли его на прицеп и увезли. И снова отъезд фургона сопровождался прощальным криком:

– Конец!

Когда с запада донесся голос – из третьего фургона, – полицейские, которые только минуту назад сняли каски, чтобы вытереть взмокшие лбы, мрачно выругались и, нахлобучив каски, побежали выполнять свой долг.

Они поняли, что происходит.

Третий фургон был увезен почти сразу после того, как женщина произнесла несколько первых фраз.

Полицейские начали искать номер четвертый на восточной стороне площади и оказались перед ним как раз в тот момент, когда женщина, сидевшая в нем, начала передачу. Она успела сказать только:

– Помните Диану Брекли, уничтоженную глупцами и реакционерами, которые думают только о собственном благе!

После чего четвертый фургон последовал за остальными.

Все с надеждой посматривали на близлежащие ули-

цы в поисках еще одного автомобиля, из которого мог бы доноситься женский голос. Но фургон номер пять так и не появился.

Толпа, собравшаяся у колонны, постепенно перенесла внимание на возвышение, однако теперь это внимание не было таким полным, как раньше, поскольку то тут, то там возникали жаркие споры. Оратор еще раз попытался завладеть аудиторией, подняв вверх руки и призывая публику к молчанию; соседи попросили спорящих немного помолчать. Оратор сделал глубокий вдох – и в этот момент его снова прервали.

Вторая толпа, собравшаяся за фонтанами, принялась скандировать, сначала неуверенно, потом с решительным энтузиазмом:

– Убийцы!.. Труссы!.. Убийцы женщин!..

Новые крики заставили людей у возвышения обернуться, причем выражения их лиц были совсем не дружелюбными. Толпа колебалась. Сам оратор делал все, чтобы привлечь к себе внимание, но до его слушателей долетали лишь обрывки фраз – женщины скандировали очень громко.

Наконец толпа мужчин приняла решение и двинулась в сторону женщин, возмутительниц спокойствия.

Полицейские тем временем уже сбегались со всех сторон, чтобы не дать двум враждебным группам встретиться, и вскоре, высекая копытами искры, на помощь пришли конные констебли.

Похороны состоялись в среду. Когда они закончились, огромная толпа начала медленно и спокойно расходиться. Большие полицейские отряды, вмешательства которых так и не потребовалось, стояли без дела. Докурив сигареты, полицейские забрались в машины и тоже разъехались.

Остались только горы цветов.

Однако два часа спустя многие из тех, кого можно было видеть на похоронах, пришли на Трафальгарскую площадь. За час огромное открытое пространство площади постепенно наполнилось людьми, по большей части женщинами.

Полицейские просили их разойтись. Женщины подчинялись, чтобы снова образовать небольшую группу в другой части площади. Около семи часов над толпой появились транспаранты:

ПАРТИЯ НОВАЯ ЖИЗНЬ

И небольшие плакатики, на которых были выведены лишь первые буквы:

ПНЖ

Молодые женщины сновали в толпе и раздавали значки – белые диски с буквами «ПНЖ», нарисованными светящейся оранжевой краской.

Затем, словно по мановению волшебной палочки, возник огромный транспарант с широкой черной каймой, его несли четыре женщины. Конец каждого шеста украшал великолепный венок из живых цветов. Над-

письм гласила:

В ПАМЯТЬ ОБ УБИЕННОЙ ДИАНЕ БРЕКЛИ
ОНА ДАВАЛА НАМ ЖИЗНЬ,
А В НАГРАДУ ПОЛУЧИЛА СМЕРТЬ

Над толпой появилось несколько больших портретов Дианы. Среди них выделялась огромная фотография, сделанная в тот момент, когда она, истекая кровью, лежала на ступенях лестницы. Стало ясно, что толпа хорошо организована. Полиция начала стягивать силы, чтобы перекрыть Уайтхолл.

Толпа продолжала расти, постепенно люди начали скапливаться на улицах у южной стороны площади. Движение остановилось. Полиция торопливо перекрыла Уайтхолл, выставив мощный кордон. Демонстранты непрерывным потоком продолжали прибывать на площадь с близлежащих улиц, мимо остановившихся машин и автобусов, пока не упирались в кордон. Полицейские, сцепив руки, пытались удержать их, но совершенно безрезультатно. Несмотря на отчаянное сопротивление полицейских, кордон был прорван. С восторженными криками толпа, размахивая знаменами, транспарантами и плакатами, двинулась по Уайт-холлу. В передних рядах запели. Вскоре песню подхватили и те, кто шагал сзади:

Тело убитой Дианы Брекли лежит в могиле,
Тело убитой Дианы Брекли лежит в могиле,

Тело убитой Дианы Брекли лежит в могиле,
Но дело ее живет!

Часть демонстрантов покинула площадь, но она снова заполнялась теми, кто подходил с боковых улиц. Пассажиры застрявших автобусов вышли наружу и тоже присоединились к маршу.

Когда головная часть толпы проходила Даунинг-стрит, пение стало громче:

Можете нас перестрелять,
Как те, кто застрелил Диану,
Ее дело все равно не умрет!

В другом конце Уайтхолла расположился еще один кордон, мощнее первого, но он тоже пал под нажимом толпы и сдал свои позиции. Демонстрация вышла на Площадь парламента.

Неожиданно взревел неизвестно откуда взявшийся громкоговоритель:

– МЫ ХОТИМ АНТИГЕРОН!

Толпа получила новый импульс, поняла, что от нее требуется, и ее многоголосый вопль эхом прокатился мимо Аббатства, к правительственным особнякам, и еще дальше, к зданиям парламента.

– МЫ... ХОТИМ... АНТИГЕРОН!.. МЫ... ХОТИМ... АНТИГЕРОН!..

– Премьер-министр просто потрясен. Он сам мне признался, – сообщила Лидия Вашингтон Дженет Тюли. – «Выдающееся представление, коих не знала история демонстраций», так он это назвал. Ну, тогда я ему и говорю: «Да, именно так, Вилли. И что вы собираетесь делать? Вы намерены обратить на это внимание? Или прогоните меня, и тогда я превращу Партию новой жизни в политическую организацию, которая во время следующей предвыборной кампании станет всеми силами сражаться против вас? Существует еще третий вариант: общественные беспорядки; то, на что были способны наши бабушки, нам тоже по плечу».

"Дорогая Лидия, – сказал он, – я против общественных беспорядков. Они причиняют убытки и от них масса грязи, я стал к ним относиться особенно отрицательно с тех пор, как разнообразные движения сопротивления внушили народу идеи, которые и в голову не могли прийти вашей бабушке. Кроме того, должен признать, что наши сторонники в парламенте не очень обрадовались бы возникновению новой и, возможно, очень популярной партии. Оппозиции, я уверен, это понравится еще меньше: они и так уже довольно сильно пострадали от того, как развиваются события. Существует вероятность, что кто-нибудь из выдающихся личностей, принадлежащих оппозиции, придет к вам: в их рядах есть представители интеллигенции, обладающие весьма специфическими, если можно так ска-

зать, способностями, которые и в самые лучшие для партии времена не доставляют удовольствия остальным ее членам. Так что, я думаю, они скорее согласятся проиграть нам, чем разбиться на два лагеря.

Надо признать, не все члены нашей партии придерживаются единодушного мнения относительно решения проблемы антигерона. Складывается впечатление, что многие еще не поняли – представляете, и это в наше-то время – что, если отворачиваться от науки, она может как следует лягнуть тебя сзади. И тем не менее, учитывая альтернативные варианты, я не сомневаюсь, что мы сможем провести нужное нам решение – если это будет в наших силах".

Дженет нахмурилась:

– Что он хотел этим сказать?

– Он получил письмо, написанное из какой-то больницы каким-то доктором Саксовером, который, как уверял меня Вилли, является известным биологом – или он сказал биохимиком? – ну что-то в этом роде. Письмо было отправлено в прошлый понедельник, через два дня после смерти Дианы. Этот доктор Саксовер утверждает, что ему было известно про антигерон и что он в течение многих лет производил его – не для Дианы. Он все скрывал, потому что надеялся найти другой источник сырья. Доктор Саксовер сообщил, что антигерон получают из какого-то там лишайника, растущего в Северной Маньчжурии – премьер-министр сказал, что

его собственные информаторы подтверждают эти сведения. Так вот, утром того дня этот самый доктор Саксовер получил телеграмму от своего агента в Гонконге, где сообщалось, что китайские власти организовали некий колхоз, в состав которого вошли все территории, где растет лишайник, и что они в данный момент занимаются тем, что распахивают «новые» земли. Доктор Саксовер считает, что других мест, где этого лишайника было бы в достаточном количестве для производства антигерона на три или даже четыре тысячи человек, нет. А теперь его совсем не будет! Следовательно, дальнейшее производство антигерона прекратится.

«Какой проstack этот доктор Саксовер, – заметил премьер-министр. – Кажется, он рассматривает эти события, как простое стечение обстоятельств».

«А вы считаете, что это не так?» – спросила я.

«До сих пор, – заявил премьер-министр, – никто не относился к этому открытию серьезно – считается, что это дурацкий розыгрыш, в котором есть разве что крупинка правды. Однако китайцы очень хитры. А кроме того, у них прекрасная разведка. Смотрите, как ловко у них все получилось, ужасно удобно. К нашему счастью, весь этот лишайник, из-за которого могли бы возникнуть ужасные неприятности, исчез. Остается только сказать, что мы „стлашно ласстлоены“. Бессмысленно устраивать скандал и рвать на себе волосы из-за того, что уже просто не существует! Более того,

у них очень серьезно стоит проблема перенаселенности; если к этому добавится долгожительство, страна очень быстро окажется на грани коллапса».

«Можно, конечно, сомневаться, – добавил премьер после некоторого раздумья, – что весь лишайник уничтожен. Интересно проследить за лидерами Китая: не будут ли они в последующие годы выглядеть слишком молодо для своих лет? Однако, как бы там ни было, лишайник стал недоступен. А мы остались с нашими проблемами».

«Совершенно с вами согласна, Вилли, – согласилась я. – Действительно, получилось ужасно удачно и для вашего правительства, не так ли? Так удачно, что никто в это просто не поверит – а значит, вы, ваша Партия, да и все мы окажемся в проигрыше».

«Верно, – не стал он спорить, – но что вы можете нам предложить? Мы не в силах выращивать эту штуку для всех. Даже если Саксовер передаст споры – кажется, так размножается этот лишайник? – в Кью*, а те сумеют его вырастить, пройдет много лет, прежде чем мы будем в состоянии производить антигерон в достаточных количествах».

«Тем не менее, – сказала я, – необходимо что-то делать, Вилли. В данном случае вряд ли будет правильно
* Знаменитые ботанические сады в Ричмонде. применить знаменитый афоризм: „если у тебя чего-то нет, то ты и не знаешь, как без этого плохо“. Теперь, когда пу-

блике все уши прожужжали про антигерон, людям будет просто невтерпеж получить его – война с Китаем покажется самым естественным выходом для многих. Знаете, как вопят дети, когда у них отнимают любимую игрушку... В чем дело?» – спросила я, заметив, как у него вдруг широко раскрылись глаза.

«Ты поняла, Лидия!» – сияя, воскликнул он.

«Но я только сказала...»

«Что ты говоришь, когда нужно утешить ребенка, потерявшего любимую игрушку?»

«Ну... не плачь, дорогая. Я куплю тебе другую».

«Именно», – ответил наш премьер, и его лицо снова расплылось в улыбке.

– Как уже известно нашим слушателям из прошлых выпусков, вчера вечером премьер-министр обратился к парламенту с речью относительно антигерона.

"Правительство, – сказал он, – уже некоторое время самым тщательным образом изучало этот вопрос. И если наша реакция может показаться широкой публике несколько запоздалой, то это лишь по той причине, что мы не хотели ни у кого вызывать ложных надежд. Однако сейчас наступил такой момент, когда желательно, чтобы граждане нашей страны были ознакомлены со всеми фактами. А они таковы: открытие антигерона было научным триумфом, который в очередной раз доказал, что британские ученые продолжают оставаться ведущими в мире. Однако, к сожалению, откры-

тие антигерона не сопровождалось открытием источника неограниченного количества материала, из которого его можно производить. Более того, многие составные части чудодейственного средства очень редко встречаются в природе, а само производство является сложным и дорогостоящим. Как, например, алюминий, который вначале казался более редким, чем платина, а значит, более дорогим. Ситуация с антигероном в некотором смысле получилась похожей. В настоящее время его можно получать лишь в весьма и весьма ограниченных количествах из очень редкого вида лишайника. Правительство проконсультировалось с видными учеными о возможности существования методов увеличения выпуска препарата, чтобы его хватало всем. И снова, к нашему величайшему сожалению, надо признать, что ученые не смогли сообщить никакого надежного метода немедленного улучшения ситуации. Однако правительство намерено приложить все силы для удовлетворительного разрешения этой проблемы, причем в самые короткие сроки.

Поэтому правительство выделяет миллион фунтов стерлингов для субсидирования исследований в этой области.

Премьер-министр не сомневается – наши достижения в области науки убеждают его в том, что ему не следует в этом сомневаться, – что британский интеллект и развитые технологии одержат победу, причем в

самом ближайшем будущем, и создадут антигерон для всех мужчин и женщин, живущих в нашей стране и желающих его принимать..."

ГЛАВА 15

Френсис Саксовер остановил машину в том месте, где проселочная дорога кончалась белыми воротами. На верхней перекладине было аккуратно выведено: «ФЕРМА ГЛЕН». Немного левее виднелся дом, который казался уютным и прекрасно вписывался в окружающий пейзаж. Он был построен из серого камня, вероятно, около трех веков назад – создавалось впечатление, что дом является прямым продолжением холма, на котором стоит. Он примостился на небольшом уступе, сразу за ним начинался лес, а сияющие, с белыми рамами окна выходили на озеро. В маленьком саду пышно цвели хризантемы. С северной стороны какието низкие строения соединяли дом с большим сараем. Из трубы поднимался голубой дымок, который ветер относил к лесу. Вне всякого сомнения, самая настоящая ферма; и совершенно очевидно, что на этой ферме никто не работает.

Френсис некоторое время разглядывал дом, потом выбрался из машины, открыл ворота, медленно проехал по дорожке, оставил машину в том месте, где дорожка немного расширялась, неподалеку от дома и, прежде чем выйти из машины, посидел несколько минут.

Он не отправился сразу к дому, а подошел к краю уступа, где остановился и принялся задумчиво смотреть в тихий сад и на неподвижные воды озера. Так прошло несколько минут. Потом, когда Френсис повернулся, чтобы покинуть это место, нечто у самых ног привлекло его внимание. Он несколько минут смотрел на землю, затем наклонился и поднял то, что его заинтересовало. Целую минуту разглядывал лишайник, лежащий на ладони, усмехнулся, бросил его и направился прямо к дому.

Дверь открыла сурового вида деревенская девушка.

– Миссис Инглз? – спросил Френсис.

– Она, по-моему, в сарае, сэр. Я доложу о вас. Ваше имя?

– Ну, скажите, что я представитель администрации округа, – ответил он.

Его провели в большую, удобную гостиную: белая краска, серые стены, несколько великолепных натюр-мортов, камин, в котором разожжен огонь, отполированная до блеска медная каминная решетка. Когда дверь открылась, Френсис смотрел в окно.

– Доброе утро... – услышал он знакомый голос.

Френсис повернулся.

– О! – воскликнула она. А затем чуть слышно повторила: – О!... Как глупо, – дрожащим голосом проговорила Диана. – Я сейчас расплачусь. – И тут же выполнила свое обещание. – Вообще-то я не из тех, кто лю-

бит это дело, вовсе нет, – бормотала она сквозь слезы. – Никто, кроме вас, не может заставить меня плакать. Вот проклятье!

Минут через десять она немного пришла в себя и проговорила:

– Как вы узнали, Френсис?.. И как догадались, где искать?

– Дорогая, я ведь не вчера родился на свет, кажется, так говорят? Вы проделали все просто великолепно. Но тем не менее всякие мелочи – ваш неожиданный визит в «Дарр», например, то, как вы держались, несколько отдельных слов и фраз... Узнать про миссис Инглз, живущую здесь, было гораздо сложнее, да и я сначала искал даму, которая совсем недавно инкогнито отправилась за границу.

– Я потратила немало сил, чтобы устроить миссис Инглз здесь и со всеми удобствами, – сказала Диана. – Все оказалось гораздо проще, чем могло бы показаться, потому что миссис Инглз – это я.

Потрясенный Френсис, не в силах произнести ни слова, уставился на нее.

– Ну уж такое мне и в голову не могло прийти. У меня было такое впечатление... вы говорили, что не за мужем. Он... вы?..

Диана покачала головой:

– Когда я говорю, что являюсь миссис Инглз, это означает, что я могла бы ею быть в общепринятом смы-

сле – хотя должна сказать, что практика сохранения фамилии мужа после развода кажется мне абсолютным идиотизмом – Она помолчала немного, а потом заговорила снова: – Это было очень давно. Когда вы молоды, когда испытали потрясение, когда то, о чем вы мечтаете, абсолютно недостижимо, вы отчаянно ищите возможность начать новую жизнь. Не очень подходящий повод для замужества. Оно было коротким и несчастливым – пока продолжалось... Так что я и не пыталась снова выйти замуж. Занялась работой, она отнимала у меня почти все время.

– А теперь ваша работа приносит вам удовлетворение? – спросил Френсис.

Диана внимательно посмотрела на него:

– Я знаю, вы меня осуждаете. Вы только что дали мне это понять в весьма мягкой форме, особенно если представить себе, что сказали бы обо мне многие, узнав правду..

Ну хорошо, это действительно было не очень красиво, самый настоящий обман. Впрочем, мне все равно, как это назвать. Существуют гораздо более важные вещи, гораздо более необходимые, чтобы несколько традиционных принципов могли помешать их существованию; и, что касается меня, в данном случае речь идет об одной из таких вещей. Не могу сказать, что горжусь тем способом, которым действовала, но меня удовлетворяет результат – пока. Могла пролиться кровь, мо-

гла начаться гражданская война – пока нам удалось этого избежать.

Если бы людям дали возможность как следует все обдумать, вот тут-то и возникли бы основные неприятности; впрочем, теперь беспокоиться об этом уже поздно – детям пообещали конфетку, и они устроят настоящий ад, если им ее не дадут. Но конфетку дадут рано или поздно. Американцы и русские уже сделали огромные капиталовложения в исследования, гораздо более серьезные, чем мы: они наверняка были просто в ярости, что им приходится это делать, но у них не оставалось выбора – мы это затеяли, и, следовательно, их наука должна быть на уровне.

Настоящие проблемы встанут гораздо позже. Может быть, даже удастся обойтись без кровопролития, но это будет ох как непросто. Если уже сейчас мы займемся проблемой увеличения запасов продуктов питания, чтобы не возникло голода, если можно будет придумать способ снизить нынешний безумный уровень рождаемости, мы справимся с грозящими нам неприятностями, лишь испытав временные трудности и неудобства. Посмотрим. В данный момент меня волнует только то, что за кулисами готовится к своему выходу на сцену *homo diuturnus*, или *homo vivax*, или как там они его назовут.

Диана помолчала немного, почти целую минуту всматривалась в лицо Френсиса, а затем отвернулась.

– Вы потрясены! Вы! – воскликнула она. – Интересно, можно ли сравнить ваше потрясение с шоком, испытанным молодой женщиной, которая обнаружила, точнее, думает, что обнаружила, как... ну, я и сейчас не совсем понимаю... она узнала, что... главный этический принцип ее призвания... нарушен человеком, человеком... О Френсис, неужели вы вынудите меня это сказать?..

Когда солнце село за дальние холмы и тени окутали озеро, машина Френсиса все еще стояла на ферме Глен. В доме было принято по-настоящему важное решение, а на кушетке рядом с камином по-прежнему продолжали возникать мелкие вопросы, которые тоже следовало урегулировать.

– Десять миллионов, – задумчиво проговорила Диана. – Не доверяю я политикам.

– Тут, мне кажется, все в порядке, – попытался успокоить ее Френсис. – Во-первых, многие выиграют от этого лично. Но что еще важнее, Лидия Вашингтон добилась того, что они с Дженет Тьюли стали членами Комитета. Мне трудно поверить, что они потерпят какие-нибудь безобразия.

– У тебя есть запас лишанина?

– Достаточно для того, чтобы обеспечить на некоторое время Стефани, Пола, Ричарда и себя. Остальное я отдал тебе для исследовательских целей. А у тебя?

– Совсем немного. Хватит для Сары, Люси и еще не-

скольких человек. Ну и, конечно, для Дженет и Лидии. Я должна о них позаботиться, если ученые не добьются положительных результатов в ближайшие два-три года. Не могу же я бросить их в беде.

– И таким образом, они узнают, что ты жива.

– Ну, рано или поздно они это все равно узнают.

– А когда ты собиралась сообщить об этом мне?

– Френсис, не нужно! Это было самой трудной частью моего плана. Не думаю, что я смогла бы продержаться долго.

– Ну а если, допустим, за три года никому не удастся добиться положительных результатов, у тебя будет новый запас лишайника? – спросил Саксовер.

– Ты заметил, не так ли? Похоже, он здесь неплохо прижился, но, конечно, получить можно будет только совсем небольшое количество – так что старая проблема по-прежнему висит в воздухе.

Они сидели и смотрели, как пламя лижет поленья в камине, а потом Френсис сказал:

– За все время я ни разу не слышал, чтобы предполагаемый срок увеличенной жизни превысил двести лет – и никаких намеков на что-нибудь другое. Почему?

– А почему ты выбрал для Стефани и Пола коэффициент три?

– Главным образом потому, что более высокий коэффициент рано или поздно вызвал бы у них подозрения. Позже можно было внести изменения, если бы

мне удалось синтезировать лишанин и опубликовать результаты своих исследований.

– Именно по той же причине я использовала коэффициент два в работе со своими клиентками. Ну а когда встал вопрос о предании гласности нашего открытия... я посчитала, что двести – вполне понятная и приемлемая цифра. Достаточно для того, чтобы вызвать желание ее заполнить, но не настолько большая, чтобы напугать.

– А тебя пугает долгая жизнь, Диана?

– Порой пугала. Теперь нет. Теперь меня ничто не пугает, Френсис – разве что перспектива, что мне может не хватить времени...

Френсис взял ее за руку.

– Это будет совсем не просто, – сказал он ей. – Ты же не можешь взять и снова появиться после всей этой шумихи. Трудно себе представить, чем тебе это грозит. Так что даже если бы я и решил восстановить «Дарр», мы не смогли бы туда поехать. Наверное, нам придется отправиться куда-нибудь за границу, где...

– Ну, это я устроила, – сообщила ему Диана. – Остаемся здесь. Дом тут просто замечательный. Ты женишься на миссис Инглз. Без лишнего шума, потому что, если станет известно, что миссис Инглз является младшей сестрой Дианы Бреккли, естественно, возникнет шумиха, а она никому не нужна. По той же причине мы оба решили пожить тихо, без лишнего шума не-

сколько лет, пока все не уляжется. Тут полно места, Френсис; я тебе покажу после обеда. Знаешь, из комнаты над столовой получится отличная детская. А потом, когда ты снова станешь общественным деятелем, нам придется придерживаться истории о сестре бедняжки Дианы. Постепенно к этому все привыкнут и...

– Кстати, в бедняжку Диану выстрелили три раза. Расскажи про ее раны.

– Холостые патроны, милый – и кое-что еще, чем принято пользоваться в телесериалах. Надевается под одежду, стоит нажать – и красные чернила создают пятна отвратительного вида. Ну так вот, я говорила...

– Ты говорила что-то о том, что я снова стану «общественным деятелем». Ну, во-первых, я им никогда не был, насколько мне известно...

– Тебя же все знают, Френсис. Я подумала... Ладно, не будем спорить по этому поводу. Только не можем же мы оба сидеть здесь и ничего не делать целых двести или триста лет, разве я не права? С этой проблемой столкнутся все. На самом деле это самое интересное в эксперименте. У меня в сарае оборудована отличная лаборатория, так что мы сможем там работать. Именно там ты найдешь молекулу, определяющую антигерон, – а следовательно, станешь общественным деятелем... Пойдем, милый, я тебе покажу...